

Научно-популярный
художественно-публицистический
альманах

НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№3 Иркутск - 2016

*Научно-популярный
художественно-публицистический
альманах*

НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ

№ 3

**Высшая народная школа
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
Иркутск – 2016**

**УДК 808.2-82
ББК 84Р7
Н 30**

Народное обозрение / научно-популярный, художественно-публицистический альманах. – Иркутск: Типография «Иркут», № 3. – 2016. – 217 с.

**Автор идеи – А. Гордин
Редактор-составитель – А. Гордин
Литературный редактор – М. Липина**

ISBN 978-5-904740-49-8

**Высшая народная школа
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
г. Иркутск – 2016**

Содержание

<i>Гордина О. Рождённые в СССР</i>	4
• <u>Научно-популярная литература</u>	
<i>Гордин А. Загадка русской письменности</i>	9
<i>Динь Суан Чыонг. Нетуристический Иркутск</i>	21
• <u>Публицистика</u>	
<i>Гордин А. Правёж сердца. Эссе о творчестве А. Байбородина</i>	41
• <u>Проза</u>	
<i>Байбородин А. «Утоли мои печали» (отрывок из повести)</i>	67
<i>Темников И. Иннокентики. Бывальщины</i>	82
<i>Зимина Л. Лялькино детство</i>	102
• <u>Поэзия</u>	
<i>Захарян С. «Чтоб досчитаться всех...». О поэте А. Кобенкове, о его стихах, посвящённых друзьям и Иркутску</i>	113
<i>Волчук А. Божественное безрассудство</i>	134
• <u>Проба пера</u>	
<i>Кузекевич В. Байкальский тополь</i>	150
• <u>Будущелы</u>	
<i>Бояренцева А. От автора: «Взрослые или школьники?»</i>	155
<i>Надёжный помощник</i>	158
<i>«Мне интересно всё»</i>	163
<i>Лукьяненко Т. От автора: «Есть красота...»</i>	168
<i>«Я рисую во сне...»</i>	172
<i>«Есть мечта у меня...»</i>	176
<i>Любить себя</i>	179
<i>Добрые глаза школы</i>	184
• <u>Фотовернисаж</u>	
<i>Шматков Д. «Обыкновенное чудо»</i>	192
• <u>Приложения</u>	212
<i>Краткие сведения об авторах</i>	215

Ольга Гордина

РОЖДЁННЫЕ В СССР

Третий возраст – период жизни человека, который по времени совпадает с пенсионным возрастом, но характеризуется свободной и активной жизнедеятельностью, которая является своеобразным продуктом его жизненного опыта и высоких социальных потребностей. Третий возраст означает появление новой стадии в жизненном цикле человека, в дополнение к традиционной классификации: «детство-взрослость-старость». В этой схеме старость – «четвёртый возраст».

Остановимся подробнее на социально-демографических и социально-культурных особенностях современных россиян третьего возраста. Принято считать, что это люди в возрасте 55-75 лет. Хотя и эти границы могут быть расширены, здесь есть исключения, и мы можем наблюдать высокий уровень социальной мобильности и интеллектуальной активности у людей, давно перешагнувших этот возрастной рубеж. Это люди, рождённые в 40-50 годы XX века, естественно разделившие со своей страной все тяготы военного и послевоенного времени. Военное и послевоенное детство явилось не только жестоким испытанием, но и школой выживания в трудных жизненных условиях. Пожалуй, главным объединяющим социально-политическим мотивом данных поколений является стремление к миру, а рефреном, звучащим в общении этих людей вовсе не пафосно, а как-то по-будничному просто, фраза: «Лишь бы не было войны».

На фото: третий возраст – члены литературного клуба Высшей народной школы ИГУ во время занятий. Справа налево: Н. Увакина, А. Волчук, В. Дикова

Что помогает выживать людям в трудных жизненных ситуациях? Взаимопомощь, сострадание, трудолюбие, самоотверженность, социальная активность и социальный оптимизм, патриотизм, а ещё умение довольствоваться минимальными бытовыми благами, радоваться тому, что есть. Эти качества, сформированные в трудные годы детства, явились мощным духовным стержнем, позволившим представителям этих поколений совершить головокружительный прорыв в сфере науки и техники, построить новые города в Сибири и на Дальнем Востоке, включиться в освоение космоса и т. д. Задачей этих поколений было не уничтожение того, что создали предшественники, а восстановление разрушенной страны и созидание новой жизни. Это поколения людей, получивших настоящее качественное образование ещё в общеобразовательной школе. Мы с сожалением признаём поверхностность, фрагментарность современного школьного образования. Последний троечник в советской школе, по крайней мере, знал историю и литературу, ориентировался в точных и естественных дисциплинах. Главное – он читал! Нынешние пенсионеры – это люди, у которых сформирована

культура чтения. Характерно, что в атмосфере постоянного советского дефицита на многие продукты питания и предметы быта, был ощутимый голод на книги. Для того чтобы приобрести книгу сдавали макулатуру, включались в различные подписки, в семьях хранились подшивки «Роман-газеты», «Нового мира», «Зарубежной литературы» и др. Стихи и целые романы передавались из рук в руки, просто распечатанные на машинке или аккуратно переписанные вручную. Читали повсюду: в транспорте, в очередях, в парках на скамейках...

Рождённые и воспитанные в СССР, они испытали и гордость за свою страну, и горькие разочарования от пресса и двойной морали партийной номенклатуры. Те качества, о которых мы говорили выше, тот духовный стержень, который был сформирован, помогали фокусировать внимание и жизненные устремления на позитиве. Советский романтизм чужд меланхолии. Нынешние пенсионеры остаются оптимистами и романтиками до сих пор. Отметим, что разрушительные 90-е годы нанесли новый жестокий удар нашим героям. Идеалы были развенчаны. Страна стремительно разрушалась. Но многие поверили в свежий ветер перемен и попытались найти свою нишу в новых социально-экономических и социально-культурных условиях. Трудностями эти поколения удивить или напугать сложно. А вот насаждаемые бездуховность, культ денег, разобщённость, крайний индивидуализм многими были восприняты как вызов.

Первыми, кто начал создавать общественные движения и организации, были тоже нынешние пенсионеры. В стране на фоне политических разочарований начала формироваться культура неучастия («все равно мы ничего не решаем...»). Но у рождённых в 40-50 годы уже была сформирована культура участия. Это главный электорат всех избирательных кампаний. В подавляющем большинстве наши пенсионеры не согласны оказаться на периферии общественной жизни. Активная позиция, ответственность – это образ жизни. Активная позиция в отношении того, что происходит в мире, стране, городе, во дворе – для многих норма. Безусловно, люди все разные. Их отличает мировоззрение, социальный статус, собственный жизненный опыт, профессия, семейные традиции и ценности и т. д. Но общая история, общие духовные скрижали, образование, прочитанные книги, спетые песни – это тот социально-культурный пласт, который роднит и объединяет поколение.

Краткий и абсолютно не претендующий на полноту анализ некоторых характерных черт нынешних россиян третьего возраста подводит нас к размышлению о том, что, во-первых, для долголетия этим людям жизненно необходима социальная активность, позволяющая реализовать свой личностный потенциал и найти единомышленников, во-вторых, эти поколения – мощнейший социальный ресурс, на который необходимо обратить внимание. С позиций социальной педагогики, третичная социализация людей

пенсионного возраста – это процесс социального оздоровления и самих пенсионеров, и нашего общества в целом.

Одним из путей такой социальной реинтеграции (восстановления) может стать образование, которое в современном информационном обществе должно быть непрерывным. Для людей третьего возраста более приемлемым является информальное (самообразование) и неформальное образование. Неформальное образование взрослых, воспринимаемое в широком социальном контексте, ориентировано на саморазвитие человека и обучение его навыкам участия в делах общества. Оно способствует формированию чувства социальной солидарности, сопричастности, ответственности за общее дело, является важнейшей ценностной и социальной опорой формирующегося в России гражданского общества.

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ

ЛИТЕРАТУРА

ЗАГАДКА ПРОИСХОЖДЕНИЯ РУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Имела ли дохристианская Русь свою письменность?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся вместе с исследователем Алексеем Гавриловичем Глуховым¹ к содержанию русских былин.

Умел ли, например, читать и писать крестьянский сын Илья Муромец? По дороге в стольный Киев-град Илья Муромец делает остановку, срубает сырой дуб и ставит часовенку. А на часовенке пишет: *«Ехал такой-то сильный могучий богатырь, Илья Муромец сын Ивановича»*.

В другой былине повстречался ему «горюч камень», на котором «надпись подписана»:

*А во дороженьку ту ехать – убиту быть,
Во другую-то ехать – женату быть,
А во треть-то ехать – богату быть*

_____ А. Гордин. Загадка русской письменности

¹ Глухов А.Г. Русские книжники. – М., 1987 г.

В былине «Алёша Попович и Тугарин» Алёша видит камень придорожный и говорит своему спутнику:

*«А и ты, братец, Еким Иванович,
В грамоте поученный человек!
Посмотри на камени надписи,
Что на камени написано?»*

В других былинах князь Владимир обращается к Добрыне Никитичу, у которого «рука легка» и «перо остро», с такими словами:

*«Ты бери-тко скоро чернил, бумага:
Ты пиши-тко ярлыки скорописчаты».*

И, судя по тексту былины, он написал русским богатырям – Самсону, Дунаю, Святогору, Пересмеете, Пермяку и др. (всего 14 человек). Значит, все они умели читать.

В былине «Глеб Всеволодович» письмо князю пишут из Корсуни корабельщики. Значит – писать и читать умели, судя по тексту былин, не только князья и богатыри, но и простые ремесленники.

Где и как учились грамоте былинные герои?

Добрыня Никитич начальное образование получил дома от матушки Амелфы Тимофеевны. Когда её чаду исполнилось семь лет, она «присадила его грамоте учиться».

Но когда возникла славянская письменность?

Долгое время считалось, будто она пришла к нам вместе с христианством в конце 10-го века.

Старейшим сообщением о наличии письменности у древних славян считают «Сказание о письменах» Черноризца Храбра, болгарского монаха (9-10 вв.).

В сказании он утверждает, что до принятия христианства славяне книг ещё не имели. Но вместе с тем говорит о том, что задолго до введения азбуки братьев Кирилла и Мефодия славяне умели записывать свою речь. Каким образом? Оказывается, латинскими и греческими буквами, но без всякой системы, «без устройства».

«У славенов были письмена и до учителя... чертаху, резаху и годуху»². Т.е. «черты и резы». Это собственное славянское название букв. Следовательно, буква – это азбука! Каждая буква – это не звук. Это – образ. Поэтому мы читаем: «А – аз, Б – бога, В – веду, Д – добро, Е – есть, Ж – жизнь...» и т. д. Нетрудно заметить, даже по начальным буквам, что древнеславянская азбука была не просто сводом букв, но и сводом моральных истин, т. е. сводом национальных ценностей... Последняя буква Я. На последнем месте. Нам предки как бы говорили: «Сначала всё содержащееся в данной матрице выполни, а потом уже собственное «Я» блюди!» Налицо доминирование общественных ценностей над индивидуальными. Этим подчёркивается значимость общественного (мирового) уклада жизни в жизни «славенов». Этот принцип до сих пор

² Черноризец Храбр. Сказание о письменах.

не выветрился, не иссяк в душе нации, несмотря на сложные коллизии и перипетии отечественной истории.

Известно, что во время путешествия в Хазарию Кирилл останавливается в Крыму, в Корсуни. Здесь у одного русина он увидел Евангелие и Псалтырь с «руськими письменами» (т. е. написанными на русском языке). Кирилл вступил в разговор с русином и, прислушавшись к его языку, сопоставил его со своим, болгаро-македонским, и вскоре начал читать и говорить по-русски. Значит, эти языки имели один этимологический корень, т. е. были достаточно похожими, что позволило Кириллу быстро освоить русский, как он выразился, «прислушавшись».

Было почему-то создано два алфавита (?!): глаголица и кириллица. Некоторые учёные считают, что глаголицу изобрёл Кирилл, а дальнейшая её модернизация в результате естественного развития греческого письма-уничиала и его приспособления к древнеболгарскому (церковнославянскому, старославянскому) языку, привела к созданию кириллицы³.

Однако, если мы посмотрим на буквы глаголицы и кириллицы (см. Приложение №1), то увидим, что именно глаголица более всего походит на «черты и резы», которые напоминают иероглифы (образное рисуночное письмо), из которых лишь несколько букв в последствии «слегка», иногда весьма отдалённо, повторяют своё очертание в кириллице (Д, Е, Ж, Л, Р, Щ).

Единого мнения у исследователей происхождения «руських письмен» и первого славянского алфавита нет, это ими признаётся однозначно. Обычно они уклончиво заявляют: «Мы не будем здесь вдаваться в детали специального и весьма запутанного вопроса о происхождении обоих алфавитов»⁴.

Но тексты договоров с Византией, относящиеся к первой половине 10-го века, также неопровержимо доказывают, что письменность была распространена на Руси ещё до официального её крещения.

Наконец, на корчаге, обнаруженной во время раскопок под руководством Д. А. Авдусина летом 1949 у деревне Гнездова, недалеко от Смоленска, была найдена надпись «гороухца», то есть горчица. Корчагу изготовил и подписал по сырой глине простой ремесленник. Разные учёные впоследствии находили множество предметов, имеющих бытовые надписи. Например, надписи на пряслицах «притворен прясел», «Иванко создал тебе это единственной дочери» и др. Надпись на амфоре «Благодатная полна эта корчага» и др.

На то, что письменность на Руси могла возникнуть гораздо раньше, чем её систематизировали и в обобщённом виде привнесли в

³ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. И доп. – М.: Академический проект, 2004. – С.558

⁴ Степанов Ю.С. Константы: словарь русской культуры: Изд. 3-е, испр. И доп. – М.: Академический проект, 2004. – С.558

русскую культуру христианские просветители Кирилл и Мефодий, косвенно указывают и другие исторические факты.

Почему же произошло так, что большинство представителей «официальной истории» придерживаются точки зрения, по сути, навязанной представителями христианской церкви? – На этот вопрос ещё предстоит ответить будущим исследователям. Но очевидно, что христианская церковь лютой ненавистью ненавидела всё языческое на Руси. Она была заинтересована представить дело так, как будто до принятия христианства славяне не были цивилизованным народом, таким его сделала церковь. Поэтому было очень важно забыть пантеон славянских богов, древнеславянские сказания и мифы, быстро переиначить древнеславянские обряды и обычаи в христианские (праздник Берёзки – Троица и др.). И самое главное – создать иллюзию, что до принятия христианства у славян не было своей письменности. Потому что наличие письменности – прямое свидетельство высокого культурного уровня развития нации.

Можно сжечь древние письмена, гусли и домры, преследовать скоморохов и баянов, которые являлись живыми носителями народного фольклора и эпоса, передававшими полученные знания от поколения к поколению. Но народную память так просто не «ослепить». Её побег пробиваются сквозь толщу веков через пословицы, поговорки, прибаутки, сказания и т. п. Научный мир этого не может игнорировать, и исследователи языка, истории то и дело находят подтверждения того, что до принятия христианства древнеславянские народы были носителями удивительной и особенной культуры и, конечно, у них была своя, хоть и не уставная письменность.

Историю можно трактовать по-разному. Всё зависит от учителей. Дело в том, что первые древнерусские летописцы были христианскими монахами, а некоторые из них вообще греками-византийцами. Поэтому нет ничего странного в том, что они старались принизить роль славянских народов по сравнению с Византией. Они стремились угодить Византии и унижить всё, что было на Руси до христианства.

По этому поводу писатель-исследователь М. Задорнов в одной из своих передач остроумно заметил: «Если попытаться понять, каким был наш славянский мир не по летописной кривде, то сложится совсем иная картина. В большинстве своём наши предки были мирными земледельцами, охотниками, рыбаками, собирателями, добытчиками, скотоводами. Жили они не в землянках, а в тёплых домах, которые назывались избами. Само слово «изба» от слова «истопленное». Жили славяне природосообразно. Сеяли в правильные солнечные дни, когда земля созрела. Делали это согласно традициям предков. Непочитание, неуважение к предкам считалось тяжким грехом... Да, не было у них единого государства, войска, единого правительства. Столицы тоже единой не было. Зачем? Славяне не любили воевать.

Они жили «по праву», во славу рода. Праздновали особые солнечные дни, водили хороводы. Поклонялись солнцу. Разные славянские народы поклонялись примерно одним и тем же солнечным богам, но с разными именами. У одних это был Свар, у других Свинтовит. А богами считались силы природы. Не высеченные из камня или вырезанные из дерева – кому поклоняться надо, а силы природы. Вот, например, леший. Пришёл в лес – посади дерево – добавь силы лешему, и леший всегда будет твоим покровителем в лесу. Сеяли, убирали урожай, растили детишек. Главной своей задачей каждая славянская семья считала продолжение рода. Недаром в славянских языках от слова «род» – Родина, родственники, родня, родители, природа – и НАРОД! Ни в одном языке от слова «род» нет больше такой ветви слов, обозначающих самое главное, что есть в Отчизне⁵. И это факт, который невозможно отрицать.

Среди некоторой части исследователей истории существует предположение о том, что ещё до принятия христианства у славян были тесные торговые (экономические) и культурные связи с колыбелью европейской цивилизации – Древней Грецией. Этой красивой гипотезе посвящена вторая часть данной статьи.

*Родина Ахиллеса,
Или материально-историческое толкование гомеровского
мифа о непробиваемости кольчуги Ахиллеса*

Писателю Алексею Югову принадлежит одна здравая мысль. Рассуждая об истории русской словесности, русского народа, он в одной из своих научно-публицистических статей иронично замечает, что по какому-то странному стечению обстоятельств в научных кругах принято упоминать о становлении древнерусской культуры с 9-10 веков. Как будто бы до этого русской культуры восточных славян не существовало. Не было письменности, городов, а обширную территорию Приднепровья, Причерноморья, Поволжья либо населяли дикие племена кочевников, либо какие-то народы, не имеющие никакого отношения к русской культуре.

Хотя известно, что, например, в первом томе научных трудов академика Василия Григорьевича Васильевского (византолога и славяниста) в статье «Византия и Печенеги» упоминается следующее:

«Никто другой кроме русского князя не может разумеется под князем мирмидонян уже потому, что он живёт за Дунаем. Мадыяры у Атталиты называются сарматами, а имя русских он ни однажды не употребляет, говоря (многократно!) о Русской земле и русских князях.

Сверх того, к объяснению, почему Атталиота русских называет мирмидонянами, быть может служит то место у Льва Диякона, где он

⁵ Задорнов М. Из телевизионной передачи «Правда о Вещем Олеге».

говорит о сходстве погребальных обрядов у воинов Святослава и древних греков. Эти обычаи ведут своё начало от спутников Ахиллеса. Ахиллес был скифом, родом из Мирмикиона, города на Меотийском озере (между Керчью и Еникале, по Палласу). Светлые волосы, голубые глаза и другие признаки служат доказательством, что Ахиллес был скифом и даже Тавроскифом, т.е. русским»⁶

В «Илиаде» Ахиллес называется Гомером «князем мирмидонян». Древнегреческие авторы по отношению к мирмидонянам употребляют также название «тавроскифы». Название «мирмидоны» происходит от греческого слова «мирмекс» – «муравей», именно в силу многочисленности русского народа.

Писатель-исследователь А. Югов негодует по поводу того, что, несмотря на эти и другие факты, о которых мы будем упоминать дальше, многие исследователи предпочитают избегать упоминания о древности русского народа (не государства!) и выражаются обтекаемо «прарусичи», «предки русского народа».

Такой мягкий «обтекаемый» подход не совпадает с новейшими открытиями в области этимологии. Например, слово «Керчь», название древнего города, расположенного в Причерноморье, происходит от «корчий» или «керчий», которые на древнерусском языке означали – «кузнец». А «корчиница» или «керчиница» – «кузница».

А. Югов по этому поводу пишет:

«Если принять это толкование слова «Керчь», то к нему примкнёт и историческая геология, ибо знаменитые железные руды Керчи, открытые, поверхностно лежащие, разрабатывались (конечно, примитивно) ещё в древние времена. ...Очень важно, что в древнерусских памятниках Керчь называется Корчёв (притяжательное от слова «корчий»), иначе говоря, Корчёв – Кузнецк...

И вдруг неожиданно проясняется одно из чудеснейших мест «Илиады», а именно – упоминание об изумительных непроницаемых доспехах Ахиллеса, которые ему выковал хромой кузнец Гефест. А чудесными они казались микенцам, осаждавшим Трою, оттого что у русского «архонта» (то есть князя) доспехи были не медными, а кованными из керченского железа.

Нам известно из «Илиады», что война с Троей началась многочисленным союзным ахейским войском из-за того, что Парис, сын царя Трои Приама, соблазнил и похитил у одного из ахейских царей Минелая его жену Елену. Началась осада Трои, которая длилась 10 лет. Погибло много воинов с обеих сторон. В боевых действиях участвовали десятки тысяч людей. В том числе и союзные негреческие племена с островов и Пелопоннеса, которым не было никакого дела до внутренних проблем Древней Греции. И всё это из-за оскорбления одного равного среди прочих царя!? Чем же всё-таки так досадила Троя всей Древней Греции и почти всему Средиземноморью?

⁶ Василевский В.Г. Изд. Академии наук, СПб., т.1, С. 29

Исследователи называют другую экономически обоснованную причину. Дело в том, что Древняя Греция, являвшаяся поставщиком в Азию культурных изделий, предметов быта, вина, фруктов и прочего, никогда не могла обеспечить себя... хлебом. Основным поставщиком хлеба являлись Египет и Причерноморье. Доставка этого стратегически важного продукта (зерна) осуществлялась из Чёрного моря в Средиземное море через узкий Дарданелльский пролив, на берегу которого расположилась Троя, имевшая мощный флот и контролировавшая все перевозки, являясь по сути таможней, взимающей определённую плату за «проезд». Это было основным доходом Трои, источником её богатства.

Очевидно, Троя установила такую плату за свои «услуги», что это стало серьёзно угрожать благосостоянию не только древнегреческих городов-полисов, но и их торговых партнёров. Одними из них являлись тавроскифские города, где во время Троянской войны царил *«архонт (князь) народа Рос, или тавроскифов»*, Ахиллес. Во времена Боспорского царства на этих же хлебобобовых берегах Чёрного и Азовского морей (5 век до н.э) были тавроскифские портовые города, услугами которых пользовались хлебобобовые державы, богатевшие от вывоза хлеба в Древнюю Грецию.

Так, «известно, что один только беспорский царь Левкон отправил через феодосийский порт в Афины 5 миллионов пудов хлеба»⁷ Древнее название Чёрного моря – Понт, что в переводе с древнегреческого «понтос» означало «морской путь». Чёрное море было путём богатейшего торгового обмена между народами Средиземноморья и Чёрного моря. В то время древние античные писатели Чёрное море именовали Русским морем, и это, как справедливо и остроумно заметил М. Ломоносов, «не потому что русские корабли не плавали по нему!».

Словом, в числе прочих племён и народов, пострадавших от Трои, оказались тавроскифы, паразитическая политика города-таможенника подрывала благосостояние «народов Рос». Ибо ещё «отец истории» Геродот отмечал:

«Скифы-пахари, которые сеют хлеб не только для собственного употребления, а для продаж». Об этом же свидетельствует одно из преданий, записанное Геродотом, который сам путешествовал среди скифов, по берегам Чёрного моря и Днепру. Вот что в одном из них говорится:

«На заре существования скифов Зевс сбросил им с неба золотые дары: плуг, ярмо для волов, секиру и чашу»⁸.

⁷ Цветаева Г. В. Сокровища причерноморских курганов. Изд. Института археологии АН СССР, М., 1968, стр.63.

⁸ Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе, СПб., 1893, т.1, С.12

Стоит также привести ещё одно предположение А. Югова, который считает, что Ахиллес отбыл в Грецию до начала кампании против Трои. Для того чтобы беспрепятственно преодолеть Дарданелов пролив и соединиться союзными войсками, он распространил дезинформацию о том, что он поссорился со тавроскифскими князьями и те его выдворили за крутой и непокорный нрав (по законам военной демократии) за пределы тавроскифии. Так ему удалось провести через пролив на глазах у будущего противника 50 судов!

В пользу того, что тавроскифы – русские говорит и ещё один факт. Даже 1000 лет спустя их ещё так называли некоторые историки и путешественники. Например, древнегреческий историк Лев Диакон, рассказывая о том, как византийский император посылал к Святославу своего патриция Калокира с коварными целями (972 г.), писал:

«Почтив достоинством патриция наглого и неосмотрительного Калокира, он послал его к *тавроскифам*, которых народ обыкновенно называет *россами*»⁹.

На основании этого вышеупомянутый нами академик Васильевский «доказал, что тавроскифы и Русь – термины семантически (то есть по смыслу) родственные»¹⁰.

А так Лев Диакон Калойский описывает битву князя Святослава с греками:

«Тавроскифы, сомкнув щиты и копья наподобие стены, ожидали их на поле сражения»¹¹. И тогда Святослав обратился с пламенным призывом к своему войску:

«У нас нет обычаев бегством спастись в отечество, но или жить победителями, или, совершив знаменитые подвиги, умереть со славою. ...Говорят и это о тавроскифах, что они до сих пор никогда живыми не сдавались врагам. Но, потеряв надежду на спасение, вонзив меч в живот, они убивают себя»¹².

Приведённые цитаты заставляют несколько иначе понимать древнерусские высказывания, хорошо известные ещё из материалов школьной программы по истории. Например, «*мёртвый русич не имеет срам*». Не означает ли это то, что у скифов (тавроскифов – русских) существовал обычай позор смывать ценой собственной крови?

Не продолжение ли этой традиции «честное офицерское слово» и «честное купеческое слово», неисполнение которых означало добровольный уход из жизни и обязательно при помощи боевого оружия.

⁹ Лев Давид, кн.4,6

¹⁰ Греков Б.Д., Избранные труды, т.3, С.451

¹¹ Лев Давид, кн.9

¹² Лев Давид, кн.9

И продолжая эту тему, давайте вспомним эпизод «Илиады», когда по вине Ахиллеса (как он считал), погибает его друг и товарищ Патрокл. Ахиллес готов смыть свою вину кровью, и поэтому «свита боится, что он вот-вот покончит с собою, удерживают его руку, схватившую оружие. ...Ахиллес говорит:

*«О, да умру я теперь же, когда не дано мне и друга
Спасти от убийцы! Далеко-далеко от родины милой
Пал он; и верно меня призывал, да избавлю от смерти!»¹³.*

Тут уместно вспомнить, что на протяжении всей поэмы Гомер неоднократно подчёркивает устами Ахиллеса и других героев – тавроскифы, мирмидоняне – чужие для греков племена. Их Родина далеко, а к самой Родине у них особое отношение. Я бы сказал – ностальгическое, собственное и по сей день для русского человека.

Примеров тому в «Илиаде» предостаточно.

*«Что мне в жизни? Я ни отчизны драгой не увижу,
Я ни Патрокла от смерти не спас...»,* – восклицает Ахиллес.

А это слова Гектора над поверженным телом Патрокла:

*«Верно, Патрокл, уповал ты, что Трои нашу разрушишь,
Наших супруг запленишь и, лишив их священной свободы,
Всех повлечёшь на судах в отдаленную землю родную!»* И т. п.

Интересно, что топонимика (названия местностей) северного Причерноморья до сих пор сохраняет в честь Ахилла многие названия «Ахиллов бег», «Ахилий», «Ахиллов остров». Кстати, на последний – остров Чёрного моря (иначе, напомним, Русского моря у древних) мать Ахиллеса, богиня Фетида, родившая сына от брака со «смертным» с царём мирмидонян Полем, по преданию, и перенесла душу Ахилла.

И наконец, последний и не менее веский аргумент. На протяжении всей поэмы Гомер подчёркивает, что ахейские древнегреческие племена были «меднолатые», «медножалые», а мирмидоняне имели железные доспехи и оружие, в результате чего получали значительное превосходство над противником.

Когда Ахиллеса обидел один из царей Древней Греции Агамемнон (отнял у него добытую в бою деву – Брисеиду), он единственный из союзных войск решил ему не подчиняться и выйти из союза.

В результате греки начали нести крупные потери и были вынуждены униженно просить Ахиллеса вернуться в союз. При этом ему было обещано Агамемноном: золотом нагрузить корабли, вернуть Брисеиду, и даже отдать руку собственной дочери.

Историки уверены, что помимо хлеба в Древнюю Грецию из Тавроскифии поставлялось вооружение и доспехи, сделанные из железа, которые были в те далёкие времена дороже золота. Трудно перечислить, говорит А. Югов, свидетельства об этом.

Мы упомянем всего лишь два из них.

¹³ Югов А. Думы о русском слове. Родина Ахиллеса. М., Книга.1975, С.197

«Многолюдные племена скифов (обратите внимание, много, как муравьев, – прим. автора), которые населяют край земли вокруг Меотийского озера (Азовского моря) ...В Скифии, в которой впервые было найдено железо... В железе скифском, то есть происходящем из Скифии, ибо там добывается железо»¹⁴.

Аристотель, говоря о скифском железе, упоминает о том, что оно «поверхностно лежащее», т. е. точно так, как на керченском месторождении. Он же подчёркивает особое качество этих железных руд: «И только одно это железо не подвергается ржавчине; но добывается оно в незначительном количестве»¹⁵.

О могуществе скифских племён говорят и другие исторические источники:

«По военной силе и количеству войска оно (царство Одрисова) всё-таки уступало Скифскому. С этим последним не только не могут сравниться европейские царства, но и даже в Азии нет народа, который мог бы противостоять один на один скифам, если они будут единодушны...»¹⁶.

«В Европе скифы господствуют ...»¹⁷

А вот что писал Святослав византийскому императору Иоанну Цимисхию:

«Не вижу никакой необходимости, побуждающей римского государя идти к нам: посему, да не трудится путешествовать в нашу землю. Мы сами скоро поставим шатры свои перед воротами Византии. Мы храбро его встретим, покажем ему на самом деле, что мы не бедные ремесленники, живущие одними трудами, но храбрые воины, побеждающие врагов оружием. Хотя, по невежеству своему, он считает русских слабыми женщинами и хочет устрашить своими угрозами, как пугают грудных детей разными чучелами». И Святослав предлагает византийцам: «Уйти из Европы, которая им не принадлежит»¹⁸, обратно в Азию.

В заключение хотелось бы сказать об особом месте образа Ахиллеса в поэме Гомера «Илиада». Чувствуется особое отношение к нему автора поэмы.

Это один из самых «живописных» его героев, который полон противоречий: мужественный и подверженный эмоциям, земной человек, родившийся от богини Фемиды, даже в слабостях своих – чрезмерной гордыне и тоске по убитому другу он прекрасен и величественен.

Не случайно В. Г. Белинский особо его выделял среди героев «Илиады»:

¹⁴ Эсхил, 5 век.д.н.э.

¹⁵ Аристотель 5 век.д.н.э.

¹⁶ Фукидий. 5 век.д.н.э.

¹⁷ Ксенофонт. Воспоминание о Сократе.

¹⁸ Из письма Святослава византийскому императору Иоанну Цимисхию:

«Ахилл выше всех других героев целою головою... Ахилл представляет совокупность субстанциональных сил народа... Этот герой поэмы по праву: великая геройская душа его обитает в прекрасном, богоподобном теле; мужество слилось с красотой в лице его; в движениях его величавость. Грация и пластическая живописность; в речах его благородство и энергия. Не диво, что боги и сама судьба помогают ему; не диво, что одно появление его безоружного на валу и троекратный крик обратили в бегство войско троян.

Он есть центр всей поэмы: его гнев на Агамемнона и примирение с ним дали ей завязку, начало, середину и конец. Гневный он сидит в бездействии в своей палатке, играя на златострунной лире, не участвуя в боях; но он ни на минуту не перестаёт быть героем поэмы, в ней всё от него исходит и всё к нему возвращается. Но это потому, что он присутствует в поэме не от себя, а от лица народа, как его представитель»¹⁹.

«Историко-материальный анализ событий Гомеровской Греции, а в частности, событий Троянской войны даёт нам право утверждать, что мы, русские, являемся не только «первонаследниками Эллады» через посредничество Византии, но и гораздо ранее возникновения самой Византии мы, русские, а с нами вместе и славянство были соучастниками, сотворцами великой Средиземноморской античной культуры. В свете историко-археологических и лингвистических исследований перед нами явственно предстаёт единство и взаимодействие на протяжении тысячелетий Средиземноморского и Черноморского древнего мира»²⁰.

Разве такое *единство и взаимодействие* на протяжении тысячелетней русской (тавроскифской) и греческой культур не означает, что у них *должна* была быть сходная или единая письменность, которая как минимум *должна* была способствовать такому взаимодействию на уровне обмена деловой информацией? В контексте прозвучавших фактов такой вопрос звучит риторически...

P. S.

Моя нация – хлеб и сталь.
Моё сердце – костёр в степи.
Ахиллеса и россов жаль:
«Человечество, не уби!»

Пятьдесят легкокрылых судов
пропустил, обманувшись, Приам,
чтоб понять цену вещей слов:
«Мёртвый русич не имеет срам».

¹⁹ .Белинский В.Г. Разделение поэзии на роды и виды.

²⁰ Югов А. Думы о русском слове. Родина Ахиллеса. М., Книга.1975, С.202

И три солнца взошли над землёй,
и двенадцать промчалось лет.
Кто ты, предок далёкий мой? –
Ветер сеет листвою, лишь ответ...

Голос сей, словно море шумит,
наливается в небе гроза...
Знают, как был Патрокл убит
мирмидонцы, да лишь небеса.

Но о Родине скорбный плач
вразумителен мне и сейчас:
только росу печаль – палач,
когда, как журавлиный глас,
его сердце стремится в ночи
в милый, северный, гордый край,
где жив Пан²¹ и сиринга²² звучит,
заглушая вороний гай...

²¹ *Пан* (др.греч. «все») – древнегреческий бог, покровитель лесов, полей, плодородия, пастушеских стад. Сын нимфы Дриопы и Гермеса родился с козлиными ногами, рогами и длинной бородой. В древнегреческой философии божество всё объединяющее, любившее уединение и свободную природу. Бог, который умирает и возрождается. Некоторые исследователи предполагают, что его прообразом стали скифы, которые жили по плодородным берегам рек, окружённых лесами. В Греции таких плодородных (чернозёмных) полей и дремучих лесов нет.

²² *Сиринга* – древнегреческий инструмент, род продольной флейты. Различались одноствольная и многоствольная сиринги. Последняя называлась флейтой Пана, назвавшего ее в честь возлюбленной наяды Сиринги, которая, испугавшись его, с помощью богов превратилась в тростник, из которого Пан сделал этот инструмент.

День Суан Чыонг

**НЕТУРИСТИЧЕСКИЙ
ИРКУТСК**
*Из дневника
полевого исследования²³*

Тем читателям, которые изъявят желание познакомиться с полевыми записками Динь Суан Чыонга, необходимо знать, что нарратив – понятие философии постмодернизма, фиксирующее процессуальность самоосуществления как способ повествовательного (или, по Р. Барту, «сообщающего») текста.

Важнейшей атрибутивной характеристикой нарратива является его самодостаточность и самооценность. То есть, как отмечает Р. Барт, процессуальность повествования разворачивается «ради самого рассказа, а не ради прямого воздействия на действительность». Другими словами, в нарративе «смысл рассказа понимается как обретаемый в процессе нарратации», т. е. мыслится как лишённый какого бы то ни было онтологического обеспечения и возникающий в акте сугубо субъективного усилия. Нарратология как бы противопоставляет произведение как феномен классической традиции и «текст» как

²³ Текст печатается в сокращенном варианте.

явление именно постмодернизма. По этому поводу Р. Барт пишет: «...произведение замкнуто, приводит к определённому означаемому... В тексте, напротив, означаемое бесконечно откладывается на будущее». Упомянутое множество мыслится Р. Бартом в качестве упорядоченного и стабильного, и фактором «порядка» (упорядочивания) выступает в данном случае читатель, который, по Р. Барту, представляет собой «пространство, где запечатлеваются все до единой цитаты, из которых слагается письмо; текст обретает единство своё в не происхождении своём, а в предназначении».

Если вы готовы стать таким читателем, то этот текст, безусловно, написан, а точнее, запечатлён для вас. Он написан звуками, цветом, запахами, ощущениями, которые отражают мыслительный процесс исследователя в первоизданном виде. Стилистические недоразумения, орфографические огрехи – неотъемлемая часть его информационной социализации в контексте социокультурного поля Иркутской области, а шире – России. Важно понимать, что вышеперечисленные «шероховатости» – не могут быть предметом насмешек или снобистского презрения, например, носителей «чистого и благозвучного русского языка». Напротив, эти «шероховатости» имеют свою уникальную, неповторимую очарованность. Если бы мы попробовали их убрать с помощью заурядного литературного редактирования (что сделать совсем несложно!), нарратив как таковой исчез бы «у нас на глазах» и колоритный рассказ превратился в блёклый, пестрящий банальностями материал, почти непригодный для исследования.

Каждый специалист, у которого вызовет интерес данный нарративный текст, может его интерпретировать исходя из тех задач, которые он ставит перед собой. Для нас было важно узнать, как иностранные граждане, проживающие в Иркутске и Иркутской области на постоянной основе или являющиеся гостями нашего региона, воспринимают сибирские, российские традиции, ценности, нормы поведения во время непосредственного и опосредованного информационного взаимодействия. Нам же показалось, что собранный День Суан Чыонгом материал после нашей интерпретации не исчерпал свой научный потенциал, и поэтому мы решили им поделиться с другими исследователями.

**А. И. Гордин,
кандидат педагогических наук,
доцент кафедры журналистики и медиаменеджмента ИГУ**

Как меня зовут

Я когда-то слышал, что если человек изменит своё имя, его жизнь изменится. Зовут меня очень по-разному. А я не вижу, что моя жизнь так сильно туда-сюда качается.

В паспорте написано, что моё полное имя: Динь Суан Чьонг. Но когда я представляю себя с иностранцами, в том числе с русскими, мало кто правильно произносит моё имя. Кто зовёт «Чынг», «Чонг», «Чунг».., или без буквы «Г» – «Чон». Даже моя одноклассница Даша склоняла моё имя по-ласковому и звала меня «Чёня». Каждое ошибочное имя даёт мне интересную историю.

Занимался я русским языком с десятого класса. В школе учительница по русскому языку дала каждому ученику класса русское имя. Меня она звала Славиком. Сказала, что я хорошо учился, надеялась, что я принесу славу семье, школе, стране. Имя Слава означает прямое значения слова «слава» – это честь, уважение. Только позже я узнал, что Слава это краткая форма от «Вячеслав», «Ярослав», «Мирослав». Но эти полные формы мне не нравятся. Так появилось моё русское имя.

Приехав в Россию, я не забыл своё школьное русское имя. Каждый раз знакомясь с новыми людьми, я часто себя спрашивал, как лучше представить себя – по вьетнамскому или русскому именам? И интересно смотреть на реакцию людей, когда они слышали моё имя. Одни пытались произносить и запомнить вьетнамское имя, другие так просто сразу звали по русскому имени без вопросов. Многие люди спрашивали, зачем мне русское имя, у меня же есть своё имя. Ну зачем? Я ответил, что, конечно, я люблю имя, которое родители дали, но не люблю, когда люди неправильно произносят его. Конечно, люди ни в чём не виноваты, когда они не могут произносить моё имя. Это я понимаю, что у них в языке таких звуков нет. Преподаватели в университете молодцы. Они зовут меня по фамилии Динь. Мне нравится, что они правильно произносят его, наверно, им тоже нравится, потому что «Динь» звучит звонко, как колокольчик. Так появилась и русская версия моей фамилии «Колокольчиков».

В 2012 году я работал вожатым-переводчиком в пионерском лагере, куда дети из Вьетнама приезжали в Иркутск, чтобы вместе проводить время с русскими ребятами. Две недели там бегал за ребятами двух стран, помогал им знакомиться, разговаривать друг с другом. Они друг друга не понимали, если не было меня, но они так крепко дружились. Когда вьетнамские ребята уехали, все больше участников лагеря долго плакали. Один раз в лагере я устал бегать за ребятами, чувствовал себя плохо, решил прятаться от всех и лежал у себя в комнате. Вдруг услышал, как громко хором звали моё имя: СЛАВА! СЛАВА! СЛАВА!». Я встал и заглянул в окно, чтобы

посмотреть, что там происходит. На поле стояла большая группа ребятшек двух стран с широкими улыбками на лице смотреть на меня. И тут один маленький мальчик сказал: «Слава, давай выходи играть с нами». В этот момент я чувствовал, сколько любви они дали мне.

Третье имя у меня монгольское, которое дал мне мой монгольский сосед Бямба. Когда я представил, что меня зовут Суан Чыонг. Он не мог запомнить и звал меня «Сан Чир». А «Сан Чир» по-монгольски звучит как «Марс». В своём путешествии в Монголии я везде сказал людям, что меня зовут «Сан Чир», и они так радостно принимали меня.

История моего польского имени была не менее интересна. Один раз мои польские друзья пригласили меня в гости отмечать Пасху. Девушка по имени Ига по телефону рассказала своей подруге о нашей вечеринке. Когда та подруга спросила о присутствующих на вечеринке, Ига назвала все имена, кроме моего, и назвала меня «Пан Чо». Слово «пан» по-польски значит «господин». А вот «Чо» – это то, что она могла вспомнить из моего имени «Чыонг». И так теперь мои польские друзья зовут меня «Пан Чо».

Одна тувинка звала меня «Чаян». «Чаян» по-тувински значит «успешный создатель своей жизни». Мне тоже нравится это имя.

Пришёл момент, когда я понял, что неважно, как меня зовут, а важно, как люди относятся к мне.

Нук и Вон

Дядя Нук лаосец. Он живёт в Иркутске уже больше двадцати лет. У него свой бизнес в «Китай-городе». После работы иногда он подтягивается на своём турнике у себя в квартире, поэтому, несмотря на маленький рост, у него такие мышцы на руках и плече. А его жена тетя Там вьетнамка. Она ходит на группу аэробики. Благодаря спорту они выглядят намного моложе, чем свой возраст. Нук и Там познакомились и влюбились в Украине. После окончания учёбы по приглашению одного знакомого они приехали в Иркутск. Новое место в Сибири понравилось молодым людям, и они решили остаться здесь. У них своя уютная квартира на Волжской и два сыновья. Старшему сыну Ник 24 года, он закончил университет и уехал домой к бабушке в Вьетнам. Парень хороший, скромный, и очень малословный, как и папа. Младшему Кьен или по русскому имени Саша 8 лет. Ник говорит свободно по-вьетнамски, потому что он вырос во Вьетнаме с бабушкой. Он переехал в Россию к родителям только до поступления в университет. А Саша родился и вырос в России. Он говорит практически только по-русски. По-вьетнамски он понимает, но на вопрос, заданный на вьетнамском, отвечает на русском. Оба сыновья не говорят по-лаоски, и тетя Там тоже не говорит и не понимает. Зато

дядя Нук говорит довольно хорошо по-вьетнамски. Всё-таки общий язык в их семье стал русским языком, иногда вьетнамским, если приходят вьетнамские гости. Каждый раз когда прихожу к ним, я стараюсь разговаривать с Кьен только по-вьетнамски и заставляю ему отвечать только по-вьетнамски. Он, видимо, меня боится, поэтому не стал общаться со мной на русском. Я спрашивал Ника, почему он не учил лаосский язык. Это же его родной, его папин язык. Он отвечал, что не было языковой атмосферы, ему не удалось учить этот язык.

Дядя Вон – хороший друг дяди Нука. В Иркутске лаосцев всего, может, 4 или 5 человек. Вон женился на русской. У него дети уже взрослые. В его семье тоже никто не говорит по-лаоски, кроме самого него. По выходным или в праздники Вон приходит к Нуку в гости. Вон не говорит по-вьетнамски, но ему всё равно хорошо в семье Нука, потому что здесь азиатская атмосфера. У вьетнамцев и лаосцев много чего общего не только по внешности, но и в культуре, общении, кухне. Нук выращивает очень много красных перцев дома. Перцы красные и маленькие, даже меньше, чем мизинца у ребёнка, но чертовски острые. Такая обычная картинка, каждый раз я приходил к ним в гости на ужин: все сидели на полу в гостиной со своими чашками, Там и Ник смотрели какие-то корейские драмы по телевизору, Саша баловался по квартирам со своими игрушками, он самый беспокойный человек в семье. Нук и Вон сидели молча, наливали друг другу водку, закусывали вкусные блюда, которые они сами готовили, иногда закусывали эти острые перчики.

Учёба

03 сентября 2015 г.

Долгожданная учёба наконец-то началась. Я сказал, что она была долгожданной, потому что я ждал её. Учиться мне нравится, особенно когда мы в магистратуре. На занятии преподаватели не просто читают лекции, а мы вместе с ними обсуждаем темы.

«Первый день – учиться лень» – такую поговорку я прекрасно помню. На первом занятии нас было четверо из одиннадцати. Первая пара была философия. Преподаватель опоздал на минут 7. Мы уже друг другу спросили: «Или домой, народ?». Пришёл наш преподаватель с фамилией Коноплёв. Я смотрел на него и сразу улыбался. Я не успел объяснить своих одноклассников о своей улыбке. Преподаватель так похож на Понтия Пилата в сериале «Мастер и Маргарита». Старый дядя, бледный, худой, то улыбается, то задумчивый. Наверно, он больше улыбается, чем Понтий Пилат. Он не лысый, а маловолосный. Все его зубы на месте, но они не всегда видны. Так начинался новый семестр с философией и Понтием Пилатом.

Дядя Понтий Пилат мне нравится, потому что он не дал мне засыпать на паре. Он назвал какие-то известные фамилии писателей, философов, психологов и всегда смотрел на меня последним и спрашивал, кого из них я знаю. И конечно, ответы от меня были однозначны: «нет, никого». Он спросил меня о слове «дискурс», я ответил, что я знал. Он сказал, что в словаре Даля больше 200 тысяч слов. Он опять спрашивал, кто такой Даль. В этот раз, слава богу, я знаю, кто это такой. И я добавил, что даже Пушкин за всю свою жизнь знал всего где-то 20 тысяч слов.

Дальше мы говорили о религии, о вере, о науке. Дядя Понтий объяснил, что религия и вера – это разные вещи. Люди неправильно понимают эти два слова. Он говорил, говорил, и я путался этими терминами.

Потом говорили о личности. Он спрашивал, мы личности или нет. Все сказали – да. И все объяснили, что мы разные, каждый человек единственный, неповторимый. Ответом он был не доволен. Всё, что мы сказали, он считал, что это о индивидуальности. Я не сдался, сказал, что личность – это в какой-то ситуации только я так поступаю, так делаю. Смотрят на решение, люди сразу узнают, что только у меня есть такое решение, поведение. Понтий Пилат сказал, что уже ближе к понятию. Я был рад.

Так и до конца пары я не мог сделать себе вывод, что такое философия. Дядя Понтий сказал, вот это химия и показал на один стол, а вот это математика, показал на другой, вот это социология, – на третий. А философия – это... Он поднимал все обе руки вверх. «Это обо всем и ни о чём».

Марина Борисовна – наша декан. Женщина за 50 лет. Быстрая, стройная, и очень энергичная. Ей идёт короткая стрижка. Она всегда хорошо к мне относится. Не просто хорошо, а тепло. Я чувствую её теплоту. Это не потому что, она дней десять назад была, отдыхала у нас во Вьетнаме. А потому что в первый день я приехал на учёбу, я как-то попал к ней в кабинет. Мы познакомились, и она сразу сделала для меня мини-экскурсию по факультету, показала мне аудитории, познакомила меня с преподавателями. И в течение учебного года каждый раз мы виделись, она всегда подошла к мне и здоровалась и спрашивала, как дела у меня. Мои одноклассники стояли рядом, смотрели на наше отношение и очень завидовали.

В аудитории она ещё человек более интересный. Как профессиональный филолог у неё сколько интересные истории, которые связаны с русским языком. Я с большим удовольствием слушал её с первого занятия. Только она очень быстро говорит, но говорит ясно и чётко, поэтому хотя с трудом я её всё понял.

Ещё помню историю об ошибке в переводе документов у какой-то местной компании, которая подписал с иностранным партнёром, что их договор действует до 31 декабря. В русском языке если пишут до 31 декабря, значит что 31 декабря не включается в этом договоре.

Если хотели включить 31 декабря, тогда было надо использовать предлог «по». И эта компания потеряла миллионы рублей из-за одного слова.

Вторая история, которая меня впечатлила – это статья с названием «В Иркутске есть своя Алла...». Одна её студентка-журналистка проводила практику в одной маленькой местной газете в городе Ангарске. Главный редактор сказал, чтобы она написала что-нибудь «интересное». Девушка искала, искала и ничего интересного не нашла. А рядом с редакцией находится ЗАГС. Один день практикантка видела, как вышли из ЗАГСа молодожёны. Только невеста была не такой молодой, ей было лет за сорок, а жениху лет за двадцать. Ну, вот наша практикантка думала, что какой «интересный» брак. И она написала статью « В Иркутске есть своя Алла...». Статья потом попала к этой невесте. Она решила, что автор статьи оскорбил её. Невеста написала заявление в суд. Главный редактор, конечно, злился, сказал, что если невеста выиграет в суде, то штраф платить будет наша практикантка. Эта практикантка-студентка испугалась за такую большую сумму штрафа. Потом она как-то уговорила невесту, и та забрала заявление.

Это только две из десяти истории, которые Марина Борисовна успела нам рассказать на первом занятии. Я сразу понял, что на её занятиях я буду всегда с открытым ртом слушать её.

Мой речевой портрет

Нашлось в компьютере моё старое сочинение по стилистике:

«Чтобы узнать, как себя выглядит, человек смотрит в зеркало. Человек не может видеть свой речевой портрет в зеркале, а через мнение его окружающих людей.

Живу я уже давно в России, но я думаю, что я русский язык не выучил.

В письменной речи я больше всего делаю орфографические ошибки. Дело в том, что во вьетнамском языке все слова являются однослоговыми, поэтому нет ударений в каждом слове. А в русском языке существуют слова из десятков букв, то есть из множества слогов. Самое длинное слово в вьетнамском языке образуется из 7 букв, а в русском 55.

В русском языке есть ударения, поэтому часто бывает, что слово произносит так, а оно пишется по-другому. Если слова, которые я часто употребляю в жизни, то я знаю, как они пишутся. Например, я знаю, что слово «хорошо» пишется через три буквы «о», а не «харашо». А слово «орфография» я могу писать как «арфография», или «орфаграфия».

В русском языке существуют 6 падежей, и это тоже мешает моей речи быть правильной. Мне было трудно выучить, как правильно употреблять слово «который» и причастия.

Мой лексический запас не богат. Это делает мою речь не выразительной. Мне кажется, что мои друзья очень ценят, когда я пишу не слово «красиво», а «круто», «клёво», «офигенно».

Выучить иностранный язык – это нелёгкое дело. Надо практиковать его не каждый день, а каждую секунду. Я пока не могу правильно формировать все свои мысли на русском языке, но мои русские друзья и преподаватели правильно понимают, что я хочу сказать. И это не маленький успех в изучении чужого языка».

Большой осенний студенческий бал ИГУ

22 сентября 2015 г.

Бал будет 31 октября. С предыдущей недели уже начинались сбор участников и первая репетиция. Я первую репетицию в субботу пропустил. Так, Настя думала, что я не буду ходить на бал с ней, поэтому она уехала домой за город. Я вообще в жизни ни разу не ходил на бал. Ещё сегодня надо прийти к чужим людям без своей партнёрши. У меня сразу появилось сомнение, идти или не идти. В конце концов решил испытывать себя.

Бал был действительно большим, а зал нет. Я посчитал где-то было больше 70 пар. Кошмар какой-то. Шумно и душно было. Танцевать было трудно, когда ты поворачиваешь и сразу в кого-нибудь врезываешься. Я сидел в углу и смотрел, как люди танцуют, и думал, что не лучше ли мне уйти. Увидел, что были довольно много танцоров без партнёров, как я. И в голове сразу появилась идея найти новую партнёршу. Только задача была найти невысокую девушку, которая подходит к моему росту. Ну вот, в центре зала девушка в длинном темном платье танцевала одной. Я подошёл.

– Привет, у меня нету партнёрши. Вижу, что ты одна. А тогда можно с тобой потанцевать.

– Вообще он есть, только опаздывает.

– Понятно.

Первая попытка была неудачной. Решил посидеть на подоконнике подышать, понаблюдать. Заметил, что на соседнем подоконнике тоже сидела девушка. Блин! Вот она! Она самая идеальная партнёрша для меня. Небольшой рост, длинные волосы темно-русского цвет, большие карие глаза с длинными ресницами. Она была в джинсах и светлом коричневом свитере. Мне кажется, что её лицо стало светлее, каждый раз она улыбалась со своим друзьями.

Я аккуратно наблюдал за ней несколько минут, чтобы уверен, что у неё точно нет партнёра.

– Привет, у меня нет партнёрши. А ты тоже без партнёра?

– Сегодня он не пришёл.

– Вообще, партнёрша у меня тоже есть. Но сегодня она тоже не пришла. А тогда можно сегодня с тобой поучиться танцевать?

– Да, конечно.

– Она улыбалась и отпрыгала из подоконника. В тот момент я померз от счастья.

– Слушай, это первый раз я пришёл на бал. Ты меня научишь танцевать?

– Я тоже первый раз пришла. И улыбалась.

– Всё равно в школе ты танцевала на выпускном балу.

Ну, да. Ответила с улыбкой.

– А у нас в школе не танцуют такие танцы. Кстати, меня зовут Чыонг. Я из Вьетнама.

– Ой, серьёзно?

– Серьёзно. А тебя как зовут?

– Вика. Я на первом курсе на факультете биологии. А ты? – Подавала мне свою ручку. Ручка была мягкой, если я не ошибся, или мне кажется, что от неё был очень приятный нежный запах. –

– Я на журфаке на втором курсе, только магистратуры.

– Серьёзно? (Хихикала).

– Всегда серьёзно. Давай начнём танцевать. Я ничего не умею. Танцую я как дерево.

– Начнём с вальса!

И вальс тоже не умею. Я подходил ещё ближе.левой рукой взял за её левую руку, а правой рукой прижимал её к себе. Расстояние между нами сейчас осталось только пару сантиметров. Сейчас стало всё видно в её глазах. Я увидел себя в них. Я там утонул и был мёртв. И от неё запах также стал слаще, приятнее. Это точно не была какая-нибудь туалетная вода, а её собственный аромат. Или всё-таки я опять сам выдумал это.

– Ты парень, ты должен на меня ходить. Начинай с правой ногой. Поворачиваемся.левой ногой назад. Поворачиваемся. Так. Да. Вот так.

Мы шагали, крутились. Я прижимал её ещё сильнее к себе. Мы вмещались в одном. Я уже не чувствовал землю. Мы летели. И вдруг врезались в одну пару. Мы приземлились. Я Вику отпустил. Её лицо было красным.

– Было не плохо для первого раза. Только в голове крутится.

– Молодец. Было отлично. Мой друг танцевать тоже не умеет. Я его буду учить. Немножко отдохнём. Пойдём к окнам.

Друг? Друг значит друг, это не парень? Или друг это парень? Зачем в русском языке три эти слова: друг, парень, молодой человек? Когда девушка говорит о своём парне или молодом человеке, это

было понятное дело. Это значит, что она занята. А когда она говорит о друге, дело не понятно.

– Пойдём, попробуем под музыкой.

– Я танцую как дерево и у меня медведь на ухо наступил.

– Не волнуйся, у тебя всё получается.

Мы несколько секунд стояли, слушали музыку, поймали ритм и полетели по залу.

Моё счастливое время на седьмом небе было не длинным. Вальс закончился. Мы перешли на полонез и менуэт. Все пары были должны стоять на своём месте, которое определили на первой репетиции. Вика была должна уходить в другой угол зала. Я не знал, где мне надо стоять. Поэтому пошёл к окнам, там был свежий воздух. Сегодня пришли новые люди, как я. Куда поместить людей, было вопросом для организаторов. Было душно и шумно.

Наконец-то все нашли для себя места и начали учиться шаги и комбинации. Плохо шагали, комбинации не помнили, линии не держали и ещё шумели.

Злилась главный хореограф – женщина лет до сорока, рыжая, маленького роста, но крепкая. Она кричала в микрофон:

– ТИХО! Что за детский сад? Я хочу, чтобы рты закрыли.

Снова мы ошиблись шагами, никакой линии не было. Хореограф опять орала:

– Даже хуже, чем детский сад. У меня свой детский ансамбль. Дети танцуют как танцуют. Я не понимаю, что вы делаете здесь. ТИХО!!! Вы уже студенты, люди взрослые. Даже есть кто-то здесь – закончили университет. – А те закончили, стоят, молчат. Смотря на некоторых людей, вдруг улыбалась. – Давайте вести себя нормально. **УБЕРИ ТЕЛЕФОН, КОГДА Я ГОВОРЮ.**

После этих её слов мы стали лучше шагать. Она даже хвалила:

– Молодчинки! Ой, молодчиночки мои! Закончили.

Аплодисменты!!!

Мы, 150 человек, так и радовались, хлопали и кричали «Ура!».

Кинофестиваль

23 сентября 2015 г.

В этом фестивале было только документальное кино – мой любимый жанр – «самое честное кино», так и называли его организаторы. На открытии показывали фильм «Соль земли» об известном фотографе Себастьяне Сальгадо. Очень хотел на него попасть. Сначала в афише было написано, что вход свободный. А в последний день до показа изменили слово «свободный» на «пригласительным». Я звонил моей бывшей преподавательнице, которая когда-то была председателем этого фестиваля, спрашивал о пригласительных у неё. У неё пригласительные закончились уже «сто лет назад», по её словам, но сказала что, всё равно можно прийти.

Решил прийти, позвал ещё Лену, Настю и Таню. Таня взяла с собой еще трёх коллег. Пришли, у входа встретила нас женщина. Она сразу: «А вы кто? Где ваши приглаательные билеты?». Так было неприятно, даже чуть обидно. Мы выяснили, что приглаательных у нас нет, но организаторы сказали нам, что можно прийти. Она показала нам кресло и сказала, чтобы мы там сидели. И потом другая женщина сказала нашим ребятам, что пропустят в зал тех, у кого есть приглаательные, первыми и потом тех, кто без приглаательных. За 5 минут до начала открытия пригласили в зал всех гостей и с приглаательными, и без приглаательных. Почти все люди в зал прошли. Настя, Лена, Таня вошли. Вдруг меня и Таниных коллег остановила женщина, которая встретила нас у входа, и почему-то: «Молодой человек, где ваш приглаательный?» – Понятия не имел: «А у меня нет». Подходила вторая женщина и пропустила нас.

Я был так рад, что здесь я встретил моих бывших преподавателей. Ленора Михайловна вела у нас основы СМИ и многие предметы, Сергей Амбарцумович – зарубежную литературу. У обоих всегда высший юмор.

Были развлекательные номера от детей и от хореографов. Замечательно танцевали. Потом были такие скучные выступления организаторов, жюри и какого-то чиновника. Наконец, начали показывать фильм. Было что-то не так с техникой. На экране кадры шли, а звука не было. В зале была тишина, потом были шёпоты. И кричал Сергей Амбарцумович: «ЗВУК! Дайте ЗВУК». После его третьего повторения заново включили фильм. Ленора Михайловна рядом хихикала.

Фильм был потрясающим, трогательным, прямо захватил души зрителей. Наверное, кто-то плакал, когда смотрел кадры о смертях людей в Африке. Фильм шёл 80 минут, и уже близко до конца опять потеряли звук. Сергей Амбарцумович свистел, Ленора Михайловна опять хихикала. Потом Сергей Амбарцумович ещё 3 раза свистел и добавил слово «САПОЖНИК». Люди пошутили, что сейчас заново включают фильм. В тот момент я не понял, почему он назвал сапожника, а не другого. После фильма Настя объяснила, что называют человека сапожником, когда он что-то плохо, некачественно делает. А Ленора Михайловна попозже объяснила, что в советское время так орали в кинотеатрах, когда плёнка обрывалась или звук исчезал. Вообще странно, почему именно сапожник, а не другие люди? Кроме сапожника, другие тоже могут некачественно всё делать.

Зрители ненадолго потерпели. Потерпели минут пять, и третья часть зала встали и вышли. Ленора Михайловна терпеть не могла и громко спрашивала: «ОРГАНИЗАТОРЫ! ЕСТЬ КТО-НИБУДЬ ИЗ ОРГАНИЗАТОРОВ?». «Сапожники» перемотали фильм вперёд и остановили. Молодцы, исправили, фильм вернулся в нормальном. На экране был главный герой. Он стоял на горе и смотрел на долину и

сказал: «Это была история моей жизни». И конец фильма. Все засмеялись и аплодировали. Вот такой отличный кинофестиваль.

Хоккей, или Урок материться

10 декабря 2015 г.

Вчера мы с Марчином и Славой ходили на большой хоккей с мячом. «Байкал Энергия» играл с какой-то командой из Красноярска. За 6 лет в России я ни разу не ходил на хоккей, вот пора идти посмотреть это что такое. Возле стадиона полицейские (или, как Слава их называет, «ментовки») стояли, ходили. У входа в стадион их было ещё больше. Чтобы войти, нам было надо пройти по одному через решётку. Проверяли наши рюкзаки, спрашивали, есть ли у нас термосы. Сначала я не понял, почему спрашивали про термосы, потом понял, что люди могли взять алкоголь в термосах, поэтому спрашивали. На стадионе нельзя пить, курить, ссорить, мусорить. Когда мы дошли до трибун, так было сильно пахло водкой. Запах водки вмешается в воздухе, так ты дышишь и можешь пьянить. Люди поднимались до самых высоких сидений, чтобы подальше от полицейских. Даже кто-то с собой взял рюмочки, что так налили и чокнулись за спиной полицейских, которые всё время смотрели только на лёд. Два парня в жёлтом костюме ходили по рядам сидения и продавали горячее кофе. У них на спине были большие вёдра с проводами, оттуда вытек кофе. Купив кофе, люди ещё добавили сюда свой крепкий напиток. Стадион постепенно пополнялся. Люди пришли, здоровались, пили, смеялись, передали друг другу хлеб, сало, солёные огурцы. Вообще атмосфера была очень весёлая.

Появились игроки на льду. Десять человек по команде, два судья. Они прямо как летали, а не катались на льду. Как будто под коньками были моторы, которые они управляли своими мыслями.

Матч уже начинался, а люди ещё были заняты своими делами. Ели, пили, разговаривали. Красноярск забил гол. «Чё это было, блядь?». И теперь все сосредоточились на лёд.

«Давай, передай, блядь», «Забей, блядь», «Дебил, блядь», «нихуя не понял», «судья пидорас»... маты летели вокруг нас из всех сторон.

«БАЙКАЛ! БАЙКАЛ! БАЙКАЛ! БАЙКАЛ!». Все хором кричали каждый раз, когда «Байкал Энергии» забил гол. Когда все перестали кричать, мальчик лет 4-5 за нами всё равно один кричал. Все смеялись и похвалили его «Ой, какой хорошенький», «Какой ты молодец». Так было четыре раза. Красноярск обогнали вперёд, и потом «Байкал» догнал.

Температура была минус где-то 10. Мы сидели на своих рюкзаках. После первого тайма мне было нормально. А когда матч

шёл к середине второго тайма, мои ноги сильно замерли, хотя я носил две пары носок по предупреждению Славы. «Прикинь, так люди сидели смотреть при минус 30». Матч прошёл ближе к последним минутами. Каждый раз игроки «Байкала» упали, болельщики встали орать. А когда у Красноярска получили угловые, они хором кричали «ТФУУУУУ» или вместе барабанили ногами.

Матч закончился. «Байкал» выиграл над Красноярским 9:5. Все были довольны и расходились из стадиона. Мы с одной толпой болельщиков зашли в пиццерию. Столы был наполнены, и на каждом стояли по две бутылки водки. Одни мужчина, наверно, был главным из этой группы, встал и сказал: «Ну, что друзья, за нашу победу». Чокнулись, закусили, разговаривали, смеялись. Слава мне шёпотом сказал: «Хочешь проверить, как ты можешь быстро одеваться и побежать, ну скажи: «Байкал Энергии» – говно». – «Ой, спасибо, я не хочу рисковать свою жизнь»

НГ на Ольхоне

*16 часов 30 минут,
31 декабря 2015 г., на автовокзале Иркутска*

Русские, иностранные туристы около таблицы «Ольхон здесь» человек тридцать собрались. Все ждали маршрутки. Пробка! Сообщили водители первых двух машин. Подъезжают!

Через полчаса наконец-то все приехали. Вся толпа без никакой очереди пытались занять себе места. Никто не обратил внимание на переднее место. Так я спокойно туда залез. Заметила это одна девушка. Улыбнулась со мной.

Поехали от этого «Ольхон здесь» на «Ольхон там».

Водителя зовут Женя. Бурят. Большой рост, здоровый. Чёрные волосы и узкие глаза, как у меня. У него два телефона. Всю дорогу он либо на том, либо на другом разговаривал. Одни забронировали места, другие просто хотели узнать, где он. И третьи попросили его купить бутылку водки литровую. Он говорит «позвОнишь» вместо «позвонИшь».

Когда он был не занят своими телефонами, я его спрашивал о погоде на Ольхоне, о времени, как называются посёлки по дороге, о смешных названиях: река Куда, река Анга (у нас в Иркутске река Ангара). Спрашивал о его жизни, работе. Вообще он человек добрый. Он с удовольствием мне все рассказал, пригласил меня домой в гости «на чайку». Только вдруг меня спросил: «А, чё, ты случайно не шпион?» – «Нет, не случайно, а специально». Засмеялись.

9 часов 1 января 2016 просыпался, вышел на улицу. Тишина. Вся усадьба ещё спит. Я обратно пошёл, хотел спать дальше.

11 часов пошёл на завтрак. Во дворе остановил меня высокий молодой бурят. «Брат, стой!». Он вонял водкой. Неожиданно он обнял

меня так крепко. Целовав мне в лоб, сказал: «Брат, я буду завоевать за тебя, спасибо тебе, брат». И тот пошёл. Вся история была буквально 15 секунд, что я не успел понять, что произошло.

В трапезную вошла Аза Петровна – мама Натали Владимировной. Азе Петровной уже 84 года. Она плохо видит и слышит: «Мне супчик, только жидкость, рис с подливкой. Всё. А остальное – говно!» Плохо видит, она не могла налить в свою кружку кипятка из чайника. Вода текла из стола на пол. «Ой! Ой! Ой! Что-то не так». Инна – официантка прибежала на помощь.

– Это у нас такой чайник, давайте я вам помогу, вам какой чай.

– Мне чёрный и три ложки сахара.

– У нас только чай в пакетиках.

– Ой, нет, пакетики я не люблю.

– И нету сахара. Принесут вам чай и сахар через пять минут.

– Я не могу кушать без чая.

– Да Вы присаживайтесь. Я уже отправила человека. Надо сходить открыть склад, сахар надо завешивать и сюда принести. Буквально 5 минут, Аза Петровна.

Вошёл Никита Владимирович.

– Аза Петровна, сахар принесли, я сейчас делаю вам чай. – Инна радостно сообщила:

– Вот, Никита Владимирович, посмотрите, Вы только пришли, люди сразу принести мне сахар. А так надо долго ждать.

– Это я пришёл, и жизнь Азы Петровной стала сладкой... – пошутил Никита Владимирович.

Минут через десять вдруг Аза Петровна закашляла. Я смотрел вокруг, были в трапезной кроме её только я и двух китайских туристов. Я прибежал к ней и постучал по спине. Она такая худая, что чувствовал только кости у неё. Мне её жалко. Я боялся сильно бить. А она мне закричала: «Сильнее!» Наконец, кашель прошла.

– Будьте здорова, Аза Петровна.

Старшие вьетнамские студенты много рассказывали о Никите Владимировиче, о том, что он принимает студентов на работы в каникулы. Работа как работа и не как работа. То есть ты можешь зарабатывать деньги, если работаешь с 9 утра до 5 вечера. Или просто чем-нибудь помогаешь часик, например, убирать столы, помогать повару, подавать гвоздики мастерам... ты получаешь бесплатное жильё и питание. Работали, работают у него люди из всех углов Земли. Штатные работники у него одни иностранцы: Изатоло – таджик, который работал здесь почти 20 лет, его сын Жора – 7 лет, Рене – казах, Миша и Мурат – братья-узбеки. Я видел, как Никита дал еды какому-то бомжу. Видел 2 раза в одно время в два часа дня у задних ворот усадьбы.

Первый раз мы виделись с Никитой Владимировичем 5 лет назад. Приехали, увидели дядю большого роста, с большим животом в

чёрных очках, сразу подумали, что вот он хозяин. После рукопожатия он представил себя Сашей. Потом узнали, что дядя Саша работает на складе усадьбы. Подошёл к нам второй дядя в спортивных штанах, кроссовках, футболке и кепке с улыбкой и морщинами у конца глаз. Вот и он был Никитой.

Молодой Никита Бенчаров был многократным чемпионом России (тогда был СССР) по настольному теннису. Когда-то он сильно болел и понял, что ему пора уходить от соревнования. Вернувшись домой в Иркутск, Никита работал тренером, отдал свой опыт новому поколению. Один раз пригласили его на Ольхон в гости. Дикое место с чистым воздухом и водой священного Байкала помогло ему выздороветь. Никита стал чаще ездить туда и решил остаться жить на этом острове.

Во время участия в соревнованиях в Москве Никита познакомился со сестрой одного своего товарища. Её зовут Наталья. Эта творческая девушка закончила театральное училище. После года переписки Наталья решила покинуть свою уютную Москву, поехать в Сибирь к своему любимому человеку, как делали жены декабристов.

За два года количество гостей, приехавший к ним в гости, стало больше и больше. Появились даже зарубежные друзья. Опять молодожёны приняли решение, изменявшее всю свою жизнь. Они продали свою квартиру в Москве, построили несколько домиков. Так появился один из первых хостелов на острове Ольхона.

Надо побывать в такой компании, случайно собравшаяся у тёплой печи в трапезной этой усадьбы по вечерам, чтобы почувствовать международную атмосферу. Я помню один вечер собрались русские, вьетнамцы, корейцы, китайцы, поляки, англичане, французы и венгерцы. Мы говорили о музыке, о кино, о том, как развлекается молодёжь в стране своих собеседников. Здесь политика, религия не касались нам.

Между нами мы шуточно называли Никиту царём Ольхона. Его усадьба находится недалеко от мыса Бурхан, где находится скала Шаманка, которая известна как визитная карточка Ольхона. В последнее время появились новые современные гостиницы на острове. Это вообще не возмущает Никиту. У него в усадьбе брони номеров всегда на месяца два вперёд. Если вдруг на острове потеряетесь, скажите людям просто имя Никиты. Вам покажут дорогу к его усадьбе.

На завтрак, обед и ужин он приходит в трапезную здороваться с туристами на разных языках. Никита почему-то очень любит Вьетнам. Можно сказать, что болеет Вьетнамом. Раза 4 в год он летает в Вьетнам. Туда он отправил отдыхать своих работников от строителя до посудомойщицы, и даже сына мойщицы. Изатоло рассказал, что за 20 лет, которые он работал в этой усадьбе, он никогда не видел, что Никита сердился и ругал кого-нибудь. Никита всегда решает проблемы самым спокойным путём.

Изатоло работает как лошадь, по 12 часов в день. Ему нужны деньги для операции какого-то из его родных. Он об этом не рассказал. Он любит рассказывать о своей младшей дочке, которая учится в мединституте. Чтобы экономить деньги на сигареты, он жуёт такие зелёные табаки, после этого он плюёт везде. Мурат иногда ходил к нему просить табаки. Мурат и Миша тоже давно здесь работают. Миша закончил Байкальский университет по экономике и праву. Он влюбился в русскую девушку. Сначала эта девушка тоже любила его, но как-то потом убежала от него из-за мусульманской традиции в его семье. Как он оказался на Ольхоне, мне было не известно.

Рене тридцать три года. Казах. Давно работал здесь в усадьбе. Он даже хотел купить себе участок в Харанцах (в 2-3 километрах от Хужиры). Курс доллар поднялся, и он не успел купить. Рене не любит сидеть в одном месте. Он же спортсмен. Он участвует в разных соревнованиях по катанию на коньках, лыжах, в городских, горских марафонах. Каждый день в любую погоду он тренируется, бежит по горам на острове. Зимой, когда Байкал замер, он катается на коньках. У него профессиональные коньки, что он может гонять даже машину на льду.

Один раз зимой он решил обходить вокруг Байкал. В первый день, когда он пошел, он весил 86 кг. Через 40 дней, когда он вернулся, он потерял 26 кг своего веса по дороге. Чтобы подготовиться к своему приключению, он много тренировался. Долгое время он спал в холодном летнем доме. Неделью спал в палатке на льду возле Шаманки в минус 20-30.

У него не было много денег для своей поездки. Взял с собой на дороги в основном только какие-то непонятные супы в пакетиках, сухое мясо, сухарики и сало. Потом он сало поменял с рыбаками на рыбы. Когда у тебя закончилась соль, это очень плохо. «Человек может жить без сахара, а он умрёт, если у него нет соль. Поэтому представишь, какая радость была у меня, когда на дороге нашел пакет соли. Иногда нашёл банки тушенки, картошки. Люди оставили. Это вообще красота. Иногда по дороге встречался с людьми, в основном были рыбаки. Видели, какой я был чёрным, как худой негр с бородой и длинными лохматыми волосами, спрашивали, хочу ли я есть. Я, конечно, да, сразу сел, ел, ел и всё съел». – «А ты, чё, жизнь тебя мучает?» – «Да нет. Я так захотел, так и пошёл». – «Устал, оставайся с нами, и домой поедем». – «Нет, спасибо, мне пора в путь».

Так он ходил 40 дней. Человек знает, что такая настоящая нагрузка физическая и психологическая. «Да, самое главное дело – это надо уметь разбираться в своей голове. Каждый день один ходил, ходил, санки были тяжёлыми за плечами. Днём солнце грело над головой. Ночью ты лежал в спальнике в палатке, не значит, что ты в тепле спал, когда под тобой был голый лёд. Когда ты спал, ты

положил свою мокрую одежду рядом с собой, чтобы она высохла от дневного пота. Когда я пришёл, я выкинул всю свою эту одежду, потому что она не стиралась. Она так воняла.

Меня туда-сюда позвали. Два старика – французы хотят ходить вокруг Байкала. Обещают меня хорошие денежки, но, блин, мало ли что, вдруг на дороге всё возможно случится. Ой, Рене, нам всё, нам конец, тащи нас домой. Нет, нет. Я с ними не пойду. На соревнования тоже пригласили. Я чё-то не хочу. Нет, я не устал, просто мне нужно время, чтобы подумать, что мне нужно в жизни. А путешествовать, конечно, буду. Нет, никогда не буду говорить «путешествую», потому что когда я в приключении, я тоже живу. Не путешествую, а живу. Это моя жизнь».

Природозащитники неоднократно говорили о проблеме экологии на Ольхоне. Я сам один раз видел огромную площадку для сбора мусора недалеко от посёлка Хужира. Проехал километр, а мусор не закончился. Что я могу сказать. За больше двадцати лет развития туризма Ольхон ещё в таком состоянии – это уже неплохо.

Русская доброта

Мелоди вернулась в Иркутск из Улан-Удэ и привезла мне очень забавную историю. Она поехала одной путешествовать в Улан-Удэ и забыл телефон в поезде. Приехала и уехала в город, потом заметила, что телефона не было. Мелоди вернулась на вокзал, обращалась к полиции. Видимо, что полиция была рада её обращением, потому что у них появилась работа, то они весь день там только стояли. Полиция оперативно узнала, кто был соседом Мелоди в поезде. Эта была женщина. Женщина взяла телефон Мелоди с собой и сказала, что она знает Мелоди и вернёт Мелоди телефон. Это не была правда. Мелоди с ней не знали друг друга. Женщина не знала, где Мелоди живёт. Всего за три часа полиция нашла адрес этой женщины и забрала телефон у неё и привезла Мелоди в гостиницу. Мелоди не поняла, как полиции удалось всё это делать так быстро, они действовали всё официально или неофициально? Она хотела написать полиции благодарное письмо, но они сказали ей, что эту историю лучше никому не рассказывать.

– Такое не может случиться в Швейцарии. Полиция ищет телефон. Я одна в чужом городе, без телефона было трудно. Поэтому они помогали. Я не могу себе объяснить, почему они так мне помогали. Они были не должны этого делать.

– Может быть, это называется русской добротой?

– Я не знаю. Если бы русский человек забыл телефон в поезде, полиция, ты помогла бы?

Мелоди

– Как люди в Швейцарии думают об Иркутске?

– Ух, я думаю, что люди в Швейцарии не знают, что такой город Иркутск. Они, конечно, знают Сибирь. Некоторые люди даже не знают, где Сибирь находится. Когда я сказала, что я поеду в Сибирь, меня спросили: «О, как интересно! Там на каком языке говорят?». – «Сибирь – это в России, то есть на русском». Иркутск – это неизвестный город в Швейцарии, совсем нет.

– До приезда в Иркутск ты сама знала об Иркутске?

– Да, только немного. Я знала о Байкале, а об Иркутске – нет.

– Что ты ожидала до приезда? Реальность совпадала с ожиданием?

– Да. Я ожидала, что природа будет прекрасной, и на самом деле так. Я хотела приключение в Сибири. И я ходила на льду четыре дня. Для меня это особенно.

– А что-нибудь тебя шокирует, сильно удивляет?

– Транспорт. Это ужасно. Это не потому, что автобусы старые. Это всё хорошо. Я не понимала, как люди ориентируются в транспорте. Нет расписания, нет ничего, а надо спрашивать людей. Сначала мне было стыдно спросить. Я не спросила. Один раз я села в автобус, который не идёт туда, где я живу. В этом автобусе я всё время пыталась смотреть в окна и узнать, где я. Я не узнала. Сначала было трудно с транспортом. Сейчас у меня программа на телефоне. Для иностранцев, которые не говорят по-русски это просто ужас, если нет расписаний.

– А ты не думаешь, что нет расписаний, люди стали ближе друг к другу? Надо подойти и спрашивать

– Я думаю, что это не потому, что нет расписаний. В России если ты стоишь на улице, люди всегда тебя спрашивают, где находится какая-нибудь улица, например, Чкалова. Всегда спрашивают. Это особенно, потому что я не привыкла к этому. Я также не привыкла спросить. Мне стыдно. Я посмотрю в Интернете, не спрошу у людей. Спросить людей – надо привыкнуть. Тогда будет легче.

– Давай ещё другую удивительную историю кроме транспорта!

– Удивительно с людьми. Получилось, что я всегда встречала хороших людей. Всегда! Например, в первые дни я была в Листвянке. Там случайно встретила людей и потом сразу с ними занималась дайвингом. Они пригласили меня на праздник, в баню. Очень близко люди друг к другу. Когда ты скажешь, что ты иностранец, или заметят, что ты иностранец, всегда интересуются тобой. Это для меня было хорошо. Я встретила особенных людей. Всегда помогают.

– А тогда кто такой русский человек для тебя? Можешь дать определение?

– *Всегда есть стереотип. У меня тоже свой стереотип. Это человек, который может быть эмоциональный и очень любит родину.*

– Вернёмся к городу Иркутск. Если бы ты могла поговорить с мэром города, что ты хотела бы ему посоветовать?

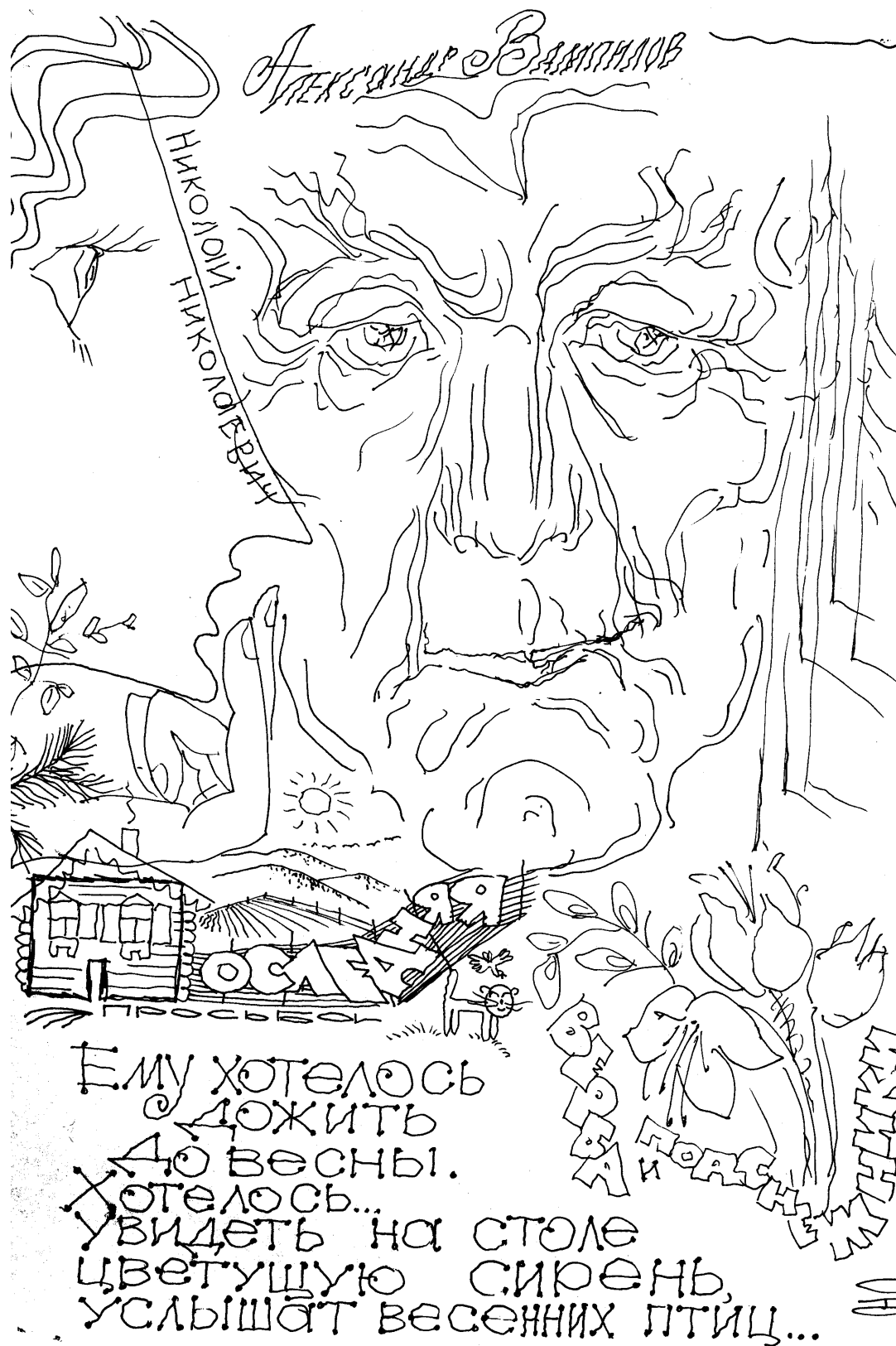
– *Улицы. Всегда много пробок, особенно в центре. Город мне очень нравится. Деревянные дома в городе – это прекрасно. Я не хотела, чтобы они делали новые дома. Транспорт и улицы. Я думаю, что в центре можно делать какой-нибудь хороший парк, чтобы люди отдыхали. Я не знаю, где хорошо отдыхать. На острове Юности зимой – это не очень хорошо, неудобно. 130 квартал – это хорошее место, но только для молодёжи. Старые люди там не отдыхают. Иркутск – спокойный город. Я здесь не устала, как в Москве. Здесь мне очень нравится. Здесь я могла бы жить.*

– Ты уже много ответила. Давай сейчас задавай вопросы не мне, а русским людям. Наверно, у тебя возникли какие вопросы, на которые ты сама не могла найти ответы.

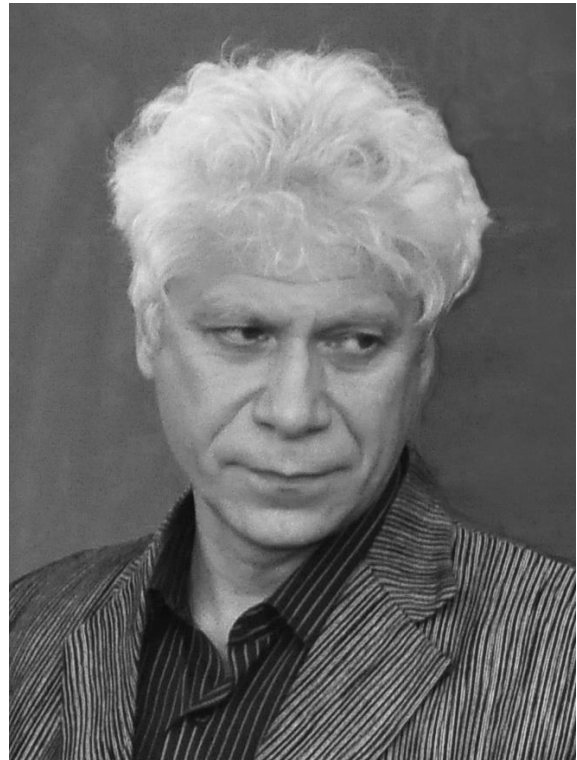
– *Русские очень добрые. Если человек знает другого, тогда они очень хорошо относятся друг к другу. Гостеприимнее, чем в Швейцарии. Но всё по-другому на улице, они не очень хорошо относятся. Они не замечают об этом, или они не знают, что это нехорошо, я не знаю. Например, выходя из автобуса, я всегда говорю: «Спасибо, до свидания!». Я к этому привыкла, а другие люди не говорят «до свидания!». Может быть, для них это неважно. Ещё пример, на кассе, если узнают, что я иностранка, кассиры сразу становятся вежливее. Поэтому непонятно, когда, с одной стороны, люди добрые, с другой стороны, не очень вежливые.*

Я ещё заметила как девушка, что каждый день тебе надо помнить, что ты девушка. Например, мы с Верой хотели вместе готовить. Мне было надо купить картошки. И Вера мне сказала: «Ты купишь картошки? Ну, ты же девушка, ты не можешь носить тяжёлые вещи». Такого в Швейцарии я не слышала, что девушка не может носить тяжёлые вещи. Ещё пример: «Я одна поеду в Улан-Удэ». – «Ты что? Ты девушка, ты это не можешь, это опасно, ты одна». Быть девушкой в России – это трудно. Всегда говорят тебе, что одна не можешь, тебе надо помощь, тебе надо муж, тебе надо то. Говорят, что очень важно для девушки – выйти замуж. Для меня это не так важно. Если я говорю, что я не буду выходить замуж, тогда смотрят на меня: «Что с тобой?». Для меня очень удивительно, когда молодые люди так рано женятся. Для меня за эти два месяца роли женщины и мужчины были большой темой. Женщина несмелая, зависимая от мужчины – это было большой темой.

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр Гордин

**Правёж сердца,
или Некоторые личные впечатления после
прочтения повести Анатолия Байбородина
«Утоли мои печали»**

Эссе

Никакое общество, сколь бы могучим оно ни представлялось себе, не сможет долго продержаться в силе и здравии, если оно откажется от вековых традиций и уставов своего народа. Это всё равно, что, подрубив корни, уповать на ветви. Родину, как и родителей, не выбирают, она даётся нам вместе с рождением и впитывается с детством.

Валентин Распутин

Река Любви

Проза Анатолия Григорьевича Байбородина не для суетливого ума, жаждущего авантюрных сюжетов. Она требует некой духовной цельности, неспешности мысли, замешенной на ярко выраженных традиционных «русских» наднациональных ценностях, к которым мы относим, прежде всего: человеколюбие и добролюбие, любовь к родному краю и Отчизне. Эти нравственные истоки находят своё продолжение-течение в художественном языке писателя. Это качество художественного творчества Анатолия Григорьевича тонко подметил в своё время Дмитрий Володихин: «Диалоги у Байбородина быстры и колючи, а описания текут плавно, словно большие равнинные реки, задавая до крайности неторопливый темп его прозе. Он, может быть, специально подчёркивает свой отказ от высокой скорости текста, любовно выводя длинные и сверхдлинные предложения»²⁴

Художественное пространство А. Байбородина интересно и с социокультурной точки зрения. Конечно, сегодня возможности у многих людей, обладающих достаточными финансовыми средствами, гораздо больше, чем 20-30 лет назад. Они могут посетить любой уголок мира и своими глазами увидеть те места, которые описывает художник. Но...

Во-первых, таких людей относительное меньшинство. А, во-вторых, человечество ещё не изобрело машину времени, поэтому проза А. Байбородина, как это и положено художественной и публицистической литературе, даёт возможность «увидеть», «почувствовать», «почувать» исторический контекст описываемых им событий, мест, людей и их взаимоотношений «во времена былые». Из его книг мы узнаём, о чём думали эти люди, как общались друг с другом, о чём они мечтали, во что верили, как и почему любили и ненавидели, в общем, как они понимали в целом и в частности смысл своего бытия.

Я разделяю точку зрения писателя Владимира Личутина, который пишет:

«Анатолий Байбородин писатель талантливый. Обладает стилем, образным языком, музыкою слова, верным глазом, душою чуткою к душевным переживаниям героев. Природа щедро наделила Байбородина всеми литературными качествами, из чего и вылепливается истинный народный художник. <...>

Точность деталей, свежий, простонародный язык, глубокое дыхание фразы, богатая инструментовка мелодии (что редко случается ныне в литературе), метафора, писатель купается в языке, как в родной реке. <...>

²⁴ Володихин Д. Наш современник. – М., 2012. Август . – № 8, С.11

Проза Анатолия Байбородина – прекрасная роза в букете сибирской и в целом русской литературы. Она шиповая, и должна быть такой колючей, она, может, на первый взгляд и не такая привлекательная, как и сам Анатолий...».

Именно такое «шиповатое» и неприглядное на «первый взгляд» для кого-то и наше сибирское бытие, которое им, живущим на более «уютных» географических широтах, в более комфортабельных природных условиях, кажется буквально ссылкой. И моего авторского преувеличения в этом нет. Удивительно и немного обидно, что и в 21 веке при слове «Сибирь» не то что у невежественных иностранцев, но и у наших соотечественников, проживающих где-нибудь в центральной России или того «хуже» – на «югах», глаза округляются, и на устах появляется сочувственная полуулыбка...

Да! Край наш суров и не изобилует ни природными, ни бытовыми удобствами. С первым вообще ничего не поделать. О втором нельзя однозначно сказать: «Это плохо...».

Почему? Честно говоря, мне трудно представить себе зимовьё и даже небольшой таёжный посёлок (заимку) таким комфортабельным оазисом. С исчезновением первозданности тропинок, срубов, таганов, лесного пейзажа и т. п. исчезнет эксклюзивность ощущения сибирской микрокультуры, которая сопутствует заповедным местам. Любая, даже самая хорошая бутафория, создаёт ощущение подделки, обмана. Таёжные распадки, ключи, ручьи, ягодные и грибные боры и т. п. плохо сочетаются, образно говоря, с выложенными брусчаткой тропинками и отделанными кафельной плиткой туалетами. Таёжные хребты невозможно и не надо «распрямлять», как и не надо через глухие, удалённые от жилища человека таёжные реки «настилать» бетонные мосты, а ягодные и грибные уголья огораживать каким-либо «забором» и т. д. и т. п.

Это – цивилизованная дикость: так называемый цивилизованный человек не ведаёт, что в первозданности есть своя красота. Тепло огня от костра или от буржуйки никогда не сравнится с теплом огня камина или батареи, как вкус таёжной смородины или малины с садовыми сортами этих ягод. И дело не в том, что одно теплее греет, а другое вкуснее. Просто это разные явления, и соответственно от них возникают разные душевные переживания и мысли. Никогда не понять сугубо городскому жителю, что «притягивает» настоящего сибиряка мерзнуть на рыбалке и охоте, мокнуть и «ломать кости» при сборе черники, голубики, клюквы, черники, груздей, рыжиков, кедрового ореха и черемши. Он прав по своему в том, что все эти «дары природы» и не хуже качеством можно без таёжных мытарств купить на местных рынках...

Но! – Ни за какие деньги не купишь общение с природой и общение между людьми, находящимися под таинственным её «гипнозом». Это особого рода общение, в процессе которого человек преображается. К нему возвращается, а точнее, в нём просыпается

нечто забытое, стёртое «цивилизацией» в биологической, а соответственно и духовной памяти – ощущение своей неотделимой причастности к живой природе. И вновь, дело вовсе не в том, что человек во время общения с живой природой становится лучше или хуже. Просто он совершенно по-другому раскрывается и перед собой, и перед людьми. Тайга, даже без трудных переходов, суровых ночёвок, проверяет его «на вшивость». Она не терпит нытья, неискренности, трусливости, а пуще всего лени и гордыни. Словом, физической и духовной слабости. Но и она же способствует возникновению милосердия сильных к слабым. У нормального человека, находящегося среди её суровой, но звеняще чистой красоты, не возникает желание продемонстрировать нечистоты своей души. Поневоле хочется быть добрее и щедрее душой.

Разумеется, за первозданность не должна выдаваться помойка. Кучи мусора не могут быть первозданными уже только потому, что они создаются человеком, а не природой... Поэтому было бы совсем неплохо, если бы особая туристическая зона – место, где встречаются многочисленных гостей со всех уголков мира, выглядела ласково ухоженной человеком. Именно там могут и должны быть современные удобства, без которых массовый «цивилизованный турист» чувствует себя униженным и оскорблённым. В противном случае как-то стыдно за свой край, за Россию...

Конечно, Анатолий Байбородин повествует в своих произведениях не о таких местах и не о таких людях. Он не приукрашивает ни своих земляков, ни суровую природу. Но не надо быть каким-то очень искушенным читателем, чтобы почувствовать и понять, что он как автор и как человек то и другое по-сыновьи и отечески любит. Любит, несмотря на некрасивые поступки, которые неизбежно случаются в жизни каждого человека. Любит, несмотря на внешнюю суровость природы, окружающей его героев и многих из нас с самого детства.

Именно так мною прочитывались, например, душевные мытарства молодого Ивана, которые прорывали его сердце, наподобие очистительного, но стылого таёжного родника, чтобы, говоря словами писателя, *«не спалиться дотла в ненависти к себе...»*:

«Надо было чем-то отдариваться, коль любви не вышло. Потом он люто себя ненавидел за Пречистую Деву, и не потому что святое вмял в потную простынь – не верил ни в Бога, ни в беса и не кривлялся, изображая из себя богомольца, – а потому что рвала душу вина, будто дом свой родной вместе с матерью выменял на беспмятную, звериную ночь с огненной ведьмой...»

Об этом же и покаяния Ивана уже в более зрелом возрасте о том, что его память настырно подсказывает только лихо, которое когда-то исходило от отца. Как будто и не было, может быть, и неброской,

немногословной, но важной близости его с отцом. Эта «близость» невольно рассматривается им как часть взаимно проникновенной близости с окружающей его в детстве природой.

«Отец расстилает на песке войлочную попону – ей укрывали зимой Гнедуху – сверху кидает брезент и, сходяв на берег по нужде, глянув на озеро, укладывается спать. А Ванюша, возбуждённый привалившим счастьем, боясь заспать счастье, не насытившись им в полную душеньку, подкладывает сушняка а оживлённый костёр и очарованно следит за синими, витыми листьями огня, трепетно играющими на жарких углях. Иногда парнишка поднимается, озирает набухшие ночью кусты, потом – озеро, устало и одышливо вздыхающее в темноте, бормочущее рябью в камышовых плёсах; с озера, не давая задремать рыбацкому азарту, доносятся чавкающие всплески ночных рыбин, слышен волнующий запах тины, преющей на отмелях травы... Ванюшка не помнит, когда, сомлев у костра, забирается под брезент, прижимается к отцовской тёплой спине и засыпает... плещутся во сне краснопёрые окуни, зеркально взблёскивают чебаки; отец, сын чует спросонья, поворачивается, подгребаёт его к себе, и теперь они спят, будто не всяк сам по себе, а слившись в одно ласковое родное».

Он, вспоминая отцовские скандалы, с горечью «вопрошал» себя: *«Но отчего же... отчего недоброе заслоняет тёплые ласковые видения... Немало же добра видел от отца... Худо-бедно, а восьмерых выкормил, выпоил, поставил на ноги... А может, и не в отце тут дело?.. – в душе моей, откуда вместе с любовью выветрилось детство?»*

Детство! Читая эти размышления героя повести «Утоли мои печали», я окончательно убеждаюсь в том, что детские видения чаще посещают людей добросердечных, которые наперекор лихоманке-судьбе не могут и не хотят разучиться любить. Любовь всегда правит их сердцем. Она, не иссякая, перетекает из одного возраста в другой. От любви к родителям – к любимому человеку. Затем из любви к любимому превращается в любовь к детям и внукам. И год от года эта Река Любви становится всё полноводнее и чище, потому что ни один из притоков не пересыхает в душе, не прерывает своего живительного течения. И все эти «притоки», сливаясь в единое русло жизни человека, воодушевляют его на особую жертвенную любовь к жизни, к своему роду – всему живому, ставшему родным, с кем и с чем он на своём жизненном пути сроднился, сросся душой: людьми, страной, природой... У «русских» это единороство воплощается в простом и понятном для каждого человека слове – «Родина» ...

Живой образ

Особый «литературный герой» в повести – живая природа, а шире – образ малой Родины. Именно «живая», а не «одушевлённая», потому что такой её видит автор. Вместе с ним такой видел её и я, когда читал повесть. Конечно, мы родились и выросли в разных таёжных уголках.

Моя тайга – это больше распадки, мари, хмурые ельники, мшистые кедрачи с золотыми солнечными бляхами небольших, поросших густою травой полян... Да ещё стремительные в верховьях и раздольные в устьях реки, которые собирает Ангара с Саян, а Байкал с Хамар-Дабана. Но те чувства, которые испытывают герои повести и автор к «своей тайге», к своей деревне, мне не просто понятны, а вызывают неподдельное удивление схожестью детских ощущений. словно это не они, а я уже давно подметил, что *«кипя ярими, белыми бурунами, гневно клокоча, несётся Уда, потерявшая берега, словно табун белых и серых одичавших коней...»; «брусника, вишнёвым и красным Млечным Путём рассыпанная по хребту; рыжики, солнышками млеющие на бурой хвое, подле комлистных сосен; притаённые во мхах и палой листве желтовато-белые грузди...»*. Дорога, то *«гладко вылизана недавней пургой»*, то упрямо *«не ложится»* под ноги. Как будто это не они, а я видел хмурую приземистую листовенницу, которая мне в детстве ухмылялась *«старческим ртом – узким дуплом, обмётанным серой и смолой...»*. И уж точно в моей Облепихе *«прясла пьяно вышатывались в улицу и клонились к зарослям лебеды»*, а на устье Белой и Ангары во время весеннего половодья *«змеиным шуршанием ползла по линялой осоке полая вода»* и т. д.

Этот калейдоскоп образов, запечатлённых в различных природных и бытовых зарисовках писателя, наполняет сердце светлой грустью, которая, подобно живительному роднику, помогает ему отмякнуть от стылости житейских буден и вспомнить всё самое чистое, незамутнённое, что ещё живо в подсознании с великих времён по имени Детство.

Вот мы с братом, который мне кажется очень сильным и ловким²⁵, стремительно несёмся на плоту вниз по Белой²⁶, а вечером, расположившись у костра на расстеленных овчинных полушубках вверх мехом, разглядываем огромное звёздное небо, на котором он учит меня находить Большую и Малую Медведицу... Вот мы с мамой бредём вдоль Маховой²⁷ на сенокос, где я маленькими граблями ворошу сено, а потом мы, усталые, сидим вместе у шалаша и

²⁵ На самом деле он был в ту пору низкорослым и сухопарым пареньком.

²⁶ Речка Белая – приток Ангары, который берёт своё начало в Саянском хребте.

²⁷ Речка-ручеек Маховая пробегает недалеко от с. Облепиха Тайшетского района Иркутской области.

аппетитно хрустим малосольными огурцами, заедая их вкуснейшим домашним «аржаным» хлебом, запивая студёной ключевой водой.

Особого рода душевный восторг у меня вызывают пейзажные зарисовки. Их в повести по «нонешным» меркам современной прозы превеликое множество. Каждая из них написана не на ходу, не впопыхах, а основательно, подробно и, как может показаться кому-то, привыкшему к обманчивой краткости, тяжеловато. Лично меня не тяготит, когда перебродившие в памяти и отстоявшиеся в душе писателя многочисленные детские впечатления вдруг сходятся в единый чувственный поток – в одной сияющей своей первозданностью зарисовке природы!

«На Благовещение зима – молодница-медведица переборола зиму-каргу; та весну стылым ветродуем, утренними заморозками пугает, а сама тает, капелями плачет. Рано зажглись снега, заиграли овражки... Вешнее солнышко воскрешало от зимней омертвелой спячки быгающую тайгу, что с трёх боков обжимало лесничью избу. Со дня на день зелёное марево нежно окутает лес, укроется сиротская голь робкой хвоей и листвой, и заполошные птахи заголосят на утренних зорях любовные песни. А пока оживающая тайга играла сиреневыми всполохами цветущего багула, да вдоль речки пушилась белая верба».

Специально подбирая слова, такого не напишешь. Совершенно очевидно, что они из души выплеснулись, в которой человек хранил их в своём подсознании, бережно неся сияющий, но ранимый этот разноцвет сквозь суету и заполошность серых будней городской жизни. И ведь не пролил, где попало, не растерял...

А вот как сказочно причудливо и по-народному метафорично писатель вспоминает о первых оттепелях – предвестниках нашей сибирской весны, которая людям, живущим в иных географических широтах, может показаться лютой зимой.

«Среди череды морошных, метельных дней, когда небо бывало занавешено серым, брюхато провисшим к земле, тоскливым рядом мглы, когда визжала ставнями и, обламывая ледяные когти, скребла снежный куржак на окошках одичалая, косматая пурга, а потом, бесприютная нежить, обратившись в малого ребёнчишка, сиротливо гнусавила в печной трубе, на жалости просилась в избенное тепло, когда деревня устала от ветров и морозов, – милостью Божней тихо спускалась с небес на исхлётанную, настрадавшуюся землю первая оттепель после крещенской стужи; опустилась, приластилась к земле влажно-тёплыми, пахнущими хвойной прелью и парным молоком мягкими ладошками. Небо заголубело по-вешнему, и лишь позади ездовых, над самым селом, уцепившись за охлупени крыш, висели тучки, похожие на задремавших чёрных котов».

Почему эти зарисовки могут не тронуть душу некоторых людей? Не потому что они якобы «громоздки» и переполнены (перегружены)

цветастостью метафор и диалектизмов... Никогда не соглашусь с этим! Просто такое описание природы, быта, мыслей и чувств по каким-то причинам не близко тому или иному человеку.

Мне кажется, что читатель-почитатель А. Байбородина должен быть сибиряком, желательно – жителем села или небольшого сибирского городка, который не утратил живую связь с природой, т. е. хотя бы ходит по грибы и ягоды, рыбачит, охотится и т. п. Но если он даже не сибиряк и не сельский житель – он должен любить русский живой, т. е. народный язык, во всём его многоличии (многообразии) – от ненормативной лексики, до сказок, прибауток и песен.

Если эти три условия присутствуют в жизни человека естественным образом, то у него есть реальная предпосылка обрести в лице А. Байбородина «своего» писателя. Но только «предпосылка» и не более того, потому что художественный язык писателя немодно сложен, поэтому ко всему вышесказанному ещё надо приложить умение человеком трудиться душой и разумом при чтении, а не глотать бездумно бесцветную, пресную или обжигающую, ставящую на дыбы сознание короткую письменную информацию.

При чтении можно остекленело опьянеть от злобы, раскваситься от жалости, скорчиться от смеха... А можно захмелеть от красоты и простора, растаять в нежности от сочувствия и соучастия, светло улыбнуться над своими и чужими недостатками. С последним связана особая культура потребления художественной информации, которая обязательно требует сомыслия и сочувствия. В этом случае чтение – совместный творческий акт писателя и читателя.

Художественная литература, на мой взгляд, должна стремиться доносить свои ценности через сердце одного человека многим, а не наоборот. Писатель всегда обращается к конкретному человеку очень индивидуально и вдобавок к индивидуальному образу мышления, а не к безликой массе, которая может насильственно популяризовать те или иные ценности или антиценности в душе человека.

Такого давления на личность нет и не может быть в прозе А. Байбородина, потому что, как и многие талантливые писатели, он от имени автора говорит, прежде всего, сам с собою, а потом уже со всеми. Если у читателя есть желание стать свидетелем-участником этого разговора – пожалуйста... Если нет, как говорится, насильно мил не будешь... Его герои не стремятся быть по сердцу всем: им чуждо как самолюбование, так и самобичевание. Они такие, какие они есть, что позволило некоторым критикам отнести художественное пространство прозы А. Байбородина к так называемому христианскому реализму²⁸. Поэтому, несмотря на определённую сложность художественных текстов писателя, их невозможно отнести к образцам информационного насилия, которые часто спекулируют на низменных интересах потребителя информации, зачастую ловко

²⁸ Володихин Д. Наш современник. – М., 2012. Август. – № 8, С.11

используя для этого авантюрные сюжеты. Лично у меня позиция автора – своеобразного несуетливого созерцания внутреннего мира своих героев – вызывает профессиональное уважение. Мне кажется, что нельзя рекламные информационные приёмы манипулирования массовым сознанием, к которым в том числе относятся упомянутые выше бравоирование сюжетом, «подсматривание в замочную скважину» за жизнью героев, переносить на публицистику и тем более на художественную литературу. На мой взгляд, то, что уместно и закономерно в рекламе, – «противно морали» в публицистическом тексте²⁹, а в драматургии, поэзии, прозе и вовсе безнравственно...

«Руський мир»

Дмитрий Володихин, размышляя о творчестве Анатолия Байбородина, говорит: «Байбородин работает в очень сложной, полнокровной русской стилистике. Её можно назвать затейливой, резной или узорчатой, – как наличники у окон старого деревенского дома, как настоящая жизнь, как настоящий живой язык».³⁰ Читая книгу Анатолия Григорьевича «Озёрное чудо», увидевшую свет в 2013 году³¹, в которой была опубликована повесть, я не только наслаждался этим «живым языком», а вольно или невольно задумывался о том, насколько замусорен сегодняшний наш разговорный язык инородными для нашего образа мышления словами, вследствие ведущейся против нас информационной войны.

Эта война многолика, бесчестная и подлая. Особенной подлостью, на мой взгляд, является подмена русскоязычных слов иностранными терминами, которые не просто нарочито обозначают окружающие нас предметы, явления и события, но и, по сути, проникая в наше сознание, подменяют образ мышления, стремятся изменить наше мироощущение, что в конечном счёте может изменить систему ценностей и нормы поведения в обществе. Отстаивая право говорить на своём языке, мы косвенно отстаиваем право на индивидуальное понимание происходящих в мире и у нас в стране событий.

Не все хотят понимать эту простую истину. Мотивация у них очень простая: языковая интеграция – процесс постоянный и неизбежных в поликультурном мировом пространстве. Никто с этим не спорит. Но, во-первых, любая интеграция (политическая, экономическая и т. п.) подразумевает двухсторонний обмен. Во-вторых, этот обмен должен иметь разумный предел. В противном

²⁹ Причём в любом жанре, начиная от заметки и заканчивая очерком.

³⁰ Володихин Д. Наш современник. – М., 2012. Август. – № 8, С. 11

³¹ Байбородин, А.Г. Озёрное чудо : повести, рассказы / Анатолий Байбородин. – М.: Вече, 2013. – 528 с. (Сибиряда)

случае, например, нация может утратить свою идентичность, в том числе, например, для начала, перестав думать на родном языке. «Какой же должна быть эта мера?» – часто спрашиваю я сам себя. – Мне кажется важным хотя бы не использовать для обозначения окружающего мира те иностранные слова, у которых есть нормальный русский аналог, не приносящий ущерб смыслу понятия. И чаще стремиться создавать слова-понятия на собственном языке, соответствующие возникающим новым предметам, событиям и явлениям. Для этого у нас предостаточно собственного языкового ресурса. По крайней мере, этот ресурс гораздо «многоцветнее», чем в достаточно простом, с филологической точки зрения, английском языке. То, что просто, не всегда есть хорошо. Необходимо «простоту» отличать от «простодырости» и помнить, что иногда, как говорит народная пословица: «Простота – хуже воровства».

Почему в данном случае «простота хуже воровства»? Уж слишком мы наивно позволяем иноземным словам вторгаться в нашу культуру. Как будто и вправду не отдаём себе отчёта в том, что через культуру они, в свою очередь, вторгаются в наше сознание. Так осуществляется скрытая его интервенция. Это особый вид оккупации, он трудно определяем и внешне выглядит очень благопристойно – как объединяющее, интегрирующее начало. На самом деле происходит кража нашей наднациональной идентичности, которая складывалась только в обозримом прошлом более 1000 лет!

Неслучайно нас, бурят, татар, чеченов, ингушей, дагестанцев, якутов, чукчей, славян и т. п. – называют на Западе – русскими. Это не ошибка, как это может показаться некоторым. Так идентифицировала нас во все времена, включая советский период развития нашего государства, и идентифицирует до сих пор – западная цивилизация, косвенно признавая тем самым русскую православную идею соборности, а шире – «русский мир». Вот почему логическая форма таких понятий, как «русский бурят», «русский украинец»³², «русский белорус», «русский татарин», «русский сибиряк» и т. п., вовсе не парадоксальна, а имеет глубокий философский «русский» наднациональный смысл. Русский – это надэтническое понятие. Русинами издревле звали полян, кривичей, древлян, бодричей, лютичей, вердов, родимичей, вятичей и другие многочисленные славянские племена, которые верили в схожих языческих богов, имели похожие обычаи и язык. «Схожий» или «похожий» не означает идентичный. Каждое из этих племён, образно говоря, имело своё этническое лицо: свой славянский говор, свою родовую мужскую и женскую одежду, свою вышивку-символику, своих тотемных животных, птиц и т. п. Русь изначально была многонациональным государством ещё и потому, что объединяла не только многочисленные родственные славянские племена, но инородцев,

³² Эта форма географического и геополитического определения этнической группы отнюдь не новая. В мире хорошо известны «канадские украинцы», «афроамериканцы» и т. п. (прим. – автора).

живших на окраинных (украинных) пограничных с другими народами, землях. Поэтому русский язык был для них, как и теперь для нас – языком межнационального общения. Он похож на близкие ему языки – украинский и белорусский, потому что имеет единый корень – древнерусский язык. Так примерно когда-то были похожи языки, например, полян, проживающих в древнем Киеве, и кривичей, проживающих в древнем Смоленске. Для общения друг с другом они и другие многочисленные славянские племена, вошедшие в состав Древней Руси, употребляли наиболее общепринятые, понятные для всех племён слова. И... начал складываться универсальный «руський язык» – прообраз современного русского языка, который выполняет те же духовно-нравственные и коммуникативные функции, которые некогда выполнял международный старославянский, древнерусский, позже церковнославянский язык.

Русский язык – не украинский, не белорусский, а именно русский, на котором говорят люди разных национальностей, считающие себя частью «руського мира», границы которого лишь условно совпадают с границами современной России. Современный русский язык – это мощное объединяющее начало многих народов, проживающих как в России, так и за её пределами. «Оккупация» его – это способ окончательно развалить страну, а значит и «руський мир». Это было (и, похоже, остаётся до сих пор!) главной мечтой разнообразных народов, окружавших некогда молодую Русь с самого рождения нашего государства. Вся история государства русского – это бесконечные войны за свою независимость, с короткими передышками в лучшем случае в несколько десятков лет. Война полыхает на нашей Отчизне и во всём «руськом мире» и сегодня. Причём двух видов. Традиционная и информационная. В традиционной³³ гибнут русские люди физически, а в информационной – духовно.

Именно частью второй войны и является попытка перепрограммировать наше сознание за счёт смены языковых коммуникационных кодов. Главная мишень такой войны – психика человека. В информационной войне изменяется роль воздействия: от чисто физической – разрушение человека – к коммуникативной, внешне его сохраняющей, но изменяющей его целеполагание. Задачей теперь становится изменение коммуникативной среды человека. Войны, направленные на завоевание пространства, сменились войнами, направленными на завоевание знаний. Как говорит классик: «Информационные технологии позволяют обеспечить разрешение геополитических кризисов, не производя ни одного выстрела»³⁴. В нашем случае это означает незаметную подмену человека творчески думающего, верующего и т. п. на человека механического (образно говоря, биоробота), озабоченного удовлетворением исключительно

³³ На Украине, в Приднестровье и т. п. регионах.

³⁴ Расторгуев С.П. Философия информационной войны. Издательство: Вузовская книга, МПС, 2003.

своих материальных потребностей. Последнее абсолютно чуждо человеку, который считает себя гражданином «русского мира». Среди таких людей не только люди разных национальностей, вероисповеданий, но представители разных поколений.

В этой связи мне хотелось бы вспомнить известную идею представителя русского духовного ренессанса И. Ильина³⁵ о человеке как о самостоятельном творческом центре³⁶ и удивительно похожую на неё – идею о человеке как живой информационной самообучающейся системе С. Расторгуева. Более непохожих по мировоззренческим взглядам друг на друга людей себе трудно представить! Но тот и другой говорят, по сути, об одном и том же: поведение человека определяется имеющейся у него в сознании моделью мира. «Достаточно скорректировать модель мира, исказить цели, правила, факты, и система послушно и самостоятельно станет исполнителем чужой воли»³⁷.

Главная печаль заключается в том, что человека, а шире то или иное общество можно таким образом запрограммировать на самоуничтожение. Надо ли говорить, что такое «программирование» осуществляется с помощью Слова, из которого сначала изымается экзистенциальная суть, потом оно превращается в примитивное средство коммуникации, а затем достаточно научиться нарушать коммуникацию, чтобы создавать хаос, в котором легче всего приживаются новые идеи направленного (управляемого) движения. Сопровождающие процесс хаоса – паника, отчаяние и т. п. эмоции являются наилучшими мотивами либо быстреего выхода из зоны хаоса, либо обещанием его быстреего прекращения. В хаосе не до размышлений, не до строительства – главная цель спасти свою «шкуру»! Естественный шум хаоса не позволяет, с одной стороны, говорить спокойно: хаос надо перекричать! С другой стороны, слова воспринимаются и истолковываются из-за шума часто неверно, что приводит к возникновению неадекватных действий со стороны невольных участников этого хаоса.

Большинство людей легко различают социально-экономический хаос, например, во время революционной (насильственной) трансформации общества. Но только единицы способны понять, что любой вид хаоса в человеческом обществе начинается с возникновения хаоса в языке задолго, образно говоря, «до падения империй». Это тот случай, когда люди, живущие в одном обществе и вроде бы говорящие на одном языке, перестают понимать друг друга, вследствие незаметной подмены ценностно-смысловой основы

³⁵ Ильин И. Аксиомы религиозного опыта, М., 1993.

³⁶ «Человек, одушевлённый волей к Совершенству, обладает силой поющего сердца – вдохновением, которое есть энергия действия. Дух человека есть главное призвание и отличительная особенность, суть которой в самостроительстве и самоуправлении. Воспитывать человека – значит приучать его к самостоянию и самообладанию во всех областях жизни. ... Человеческий дух по своему существу есть самостоятельный творческий центр» (Ильин С.5-59)

³⁷ Расторгуев С.П. Философия информационной войны. Издательство: Вузовская книга, МПС, 2003. – С.20

некоторых фундаментальных для общества понятий. Для развала «русского мира», на мой взгляд, важно осмеять и вытолкнуть на периферию сознания человека такие понятия, как: «совесть», «душа», «дух человека», «добролюбие», «интеллигентность», «коллективное или общественное», «Родина» и т. п.

Процесс подмены смысла бытия человека – сложный вопрос, требующий многопланового исследования. Но, безусловно, трансформация сознания человека зависит в том числе и от внедрения в систему языка иноязычных смыслов в виде иностранных слов. По мнению специалистов, ежедневно на границе российского социокультурного поля стоит более 1000 иностранных слов, ожидающих вторжения в наше сознание³⁸. Информационно-ценностная глобализация начинается с языковой глобализации, которая осуществляется через языковую интервенцию. Разумеется, иностранные слова всегда «путешествовали» и будут путешествовать в русском языке, равно как и русские слова в языках других народов. Речь идёт лишь о мере. Взаимодействие разных языковых культур – это естественная взаимно обогащающая интеграция. А языковая интервенция – это нападение, с целью подорвать или уничтожить систему национальных (родовых) ценностей.

Например, название магазинов, деловых контор (офисов) и прочей рекламной атрибутики нельзя «исполнять» на иностранном языке! Мало того что это не способствует коммуникации, так это ещё и является заведомым унижением нашего национального достоинства. А сколько иностранных слов замусоривают наше сознание походя. Например, нет чтобы просто сказать: «Важной темой развития мировой экономики сегодня является...». Нам талдычат про какой-то «тренд», не отдавая себе отчёта в том, что такое «трендычихание» непонятно девяноста процентам населения страны. И его несоразмерно много в высказываниях публичных людей, на языковую культуру которых неосознанно ориентируются большие массы людей. Кроме того, языковая интервенция может иметь тайную цель – незаметно, постепенно подменить не сами ценности, а их экзистенциальный смысл. Конечно, смысловая трансформация понятий – явление, которое присутствует в любом языке. Ещё М. Волошин просил не использовать слово «подлинный», когда речь шла об истинности, ибо «подлинная правда», это правда добытая под линьками³⁹, т. е. во время пытки.

Но удивление от нового или забытого смысла слова это одно дело, и совсем другое дело удивление от остолбенелой непонятности, с помощью которой часто протискивают в сознание чуждые смыслы. Такова история, на мой взгляд, с понятием «толерантность», которое вошло сначала в научный, а затем и в публицистически-бытовой

³⁸ Т. Д. Романцова, доц. каф. журналистики и медиаменеджмента ИГУ, ведущая программы радиостанции «Маяк» «Красную речь – красной и слушать».

³⁹ Линьки – ремни, которые нарезались из кожи на спине человека во время пыток.

обиход⁴⁰. Толерантный человек – это человек терпимый к мнению, поведению другого человека. Сегодня даже не очень образованный человек понимает, глядя на то, что происходит, в частности, в Европе, что толерантность – это синоним нашего понятия «вседозволенность». Надо ли говорить, что такая «толерантность» чужда нашей культуре?

Такое или подобное слово в прозе А. Байбородина может появиться только в ироничном или каком-то другом служебном смысле, подчёркивающим чужеродное его происхождение. Во всяком случае я испытывал очищающее удивление ни от таких слов, которые давно уже в народе окрестили «информационной жвачкой». Неспешно вчитываясь в повествование, я всё явственнее, от зарисовки к зарисовке, от эпизода к эпизоду начинал ощущать, что Слово для писателя – акт духовно-нравственного проявления личности, имеющий ко всему прочему ярко выраженный социальный и даже сакральный смысл.

Это «удивление» просветляло мои мысли и чувства, помогая более зримо, на необходимом «сердечном нерве» воспринимать происходящие в повествовании события, воскрешая в моём сознании истинное значение Слова⁴¹. Оно ворошило мою память, из которой тоненькими струйками возвращалось в мою душу детство, юность и преображалось сегодняшнее бытие. Мне хотелось «притулиться» к своей маленькой Облепихе⁴², «приторочить» к своему дому хотя бы одну бревенчатую стену или хотя бы простой деревенский «заплот». Я трогательно вспоминал свои детские «скрадки». Понимал, как я был «изважен» своей незабвенной мамой. Что я сегодняшней «взаправду» во многом «слепешарый», потому что «ухайдакался», «просивентел» и «наматулился» в этой жизни, от того шибко «остарел» не только телом, но и душой... И как-то по-особенному захотелось, чтобы «приправила на крыльях оттепель» душевная, «растащить тесовые крылья ворот» сердца своего и «не надсаживать во зле душу» свою более никогда, чтобы худого или хорошего не случилось в жизни моей.

И в то же время какая-то «надёжа» возникала в душе, потому что, более пристально приглядываясь к себе, вдруг обнаружил, что речь моя часто неказистая или, наоборот, чересчур замысловатая, по-прежнему пересыпана брусничным бисером пословиц, поговорок, прибауток, которые неизведанно откуда возникают в моём сознании иногда даже помимо воли моей и желания. И что удивительно! Они, «звучащие» из уст героев или автора повести, почти не повторяют мой

⁴⁰ Собственно, технология трансформации смысла понятия под воздействием идеологических установок, сегодня достаточно известна. Называется она «Окна Овертона», и с ней может легко познакомиться любой желающий в Интернете.

⁴¹ « И сначала было Слово, Слово было у Бога, и Слово было Бог» (Евангелие от Иоанна)

⁴² Облепиха – небольшая станция и посёлок в Тайшетском районе Иркутской области.

духовно-нравственный опыт! Хотя он «приобретён», очевидно, как и Анатолием Григорьевичем, большей своей частью от бабушек и дедушек, которые были у нас почти ровесниками. Но с каким желанием я припадал к ним всю свою душу! Уверен, не сразу, но они станут частью меня. Да и разве может быть иначе? – Посудите сами: *«Вот оно наше счастье – дождь и ненастье», «День во грехах, ночь во слезах», «Благовещенье – птиц на волю отпущенье», «Вот печка (печаль), что кусать неча...», «Чёрного кобеля не отмоешь до бела...», «Наш талан (удачу) давно съел баран», «Не всё лаской, а ино и таской учат...», «Будут побрякунчики (деньги-монеты), набегут и поплясунчики (друзья)», «Мудрён, у кого карман ядрён», «Не скот в скоте – имануха, не зверь в звере – суслик, не рыба в рыбах – рак, не птица в птицах – нетопырь, не муж в мужьях, кем жена владеет...», «Не найдёшь паренька, прыгнешь за пенька...», «Явилось чудечко на блюдечке», «Не будь грамотен, но будь памятен» и т. д.*

Говорят, что социально ответственным делает человека знание закона – особых правовых норм поведения в обществе. Может быть, спорить не буду... Но для меня это естественное следование лучшим обычаям и традициям своих предков, большинство которых отражены в пословицах, поговорках, прибаутках... Этот духовно-нравственный свод законов (кодекс!) не записан на специальной бумаге и не скреплён ничьими подписями и печатями... Но эти «неписанные законы» всегда были коллективной социальной памятью народа и на протяжении многих веков руководили мыслями и чувствами «русских людей», часто вопреки религиозным или партийным уставам, позволяя сохранить необходимую ясность в межличностных бытовых отношениях, потому что на Руси всегда любую политическую силу «встречали по одежке, а провожали по уму». Иногда этот «народный устав» смыкался с официальными законами, становясь дополнительной мотивацией для защиты Отечества («Мёртвый русич не имеет срам», «Кто на Русь с мечом придёт – от меча и погибнет» и т. п.) или исполнения своего общественного долга: «Мир⁴³ за себя постоит», «С миром не поспоришь», «С миром и беда не убыток» и т. п.

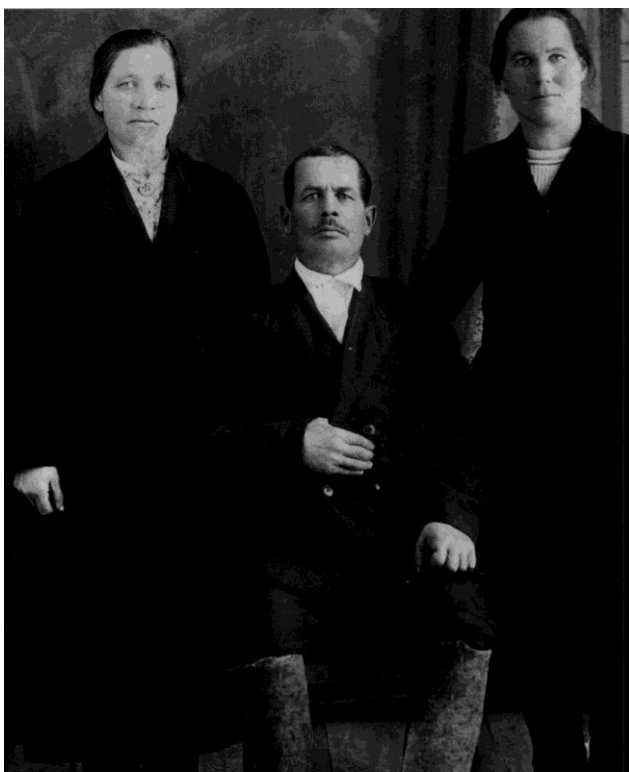
Большую смысловую роль играет в повести особенное метафоричное мышление автора, которое почти всегда представлено в повести развёрнутой живописующей миниатюрой. Показателен в этом смысле один из самых блистательных эпизодов, в котором автор рассказывает о том, как после купания ребятишек в русской печке по-чёрному мама Ивана Аксиныя слишком плотно прикрыла трубу в ещё не остывшей печи, отчего чуть было сама не угорела и не уморила своих маленьких детей:

«Лишь укуталась мать сном... потом незримый в избяной теми тронул за плечё и – голос (раздался)... И отползла темень –

⁴³ «Мир» или мір» – сельская община, члены этой общины, которые собирались для совместного (коллективного) решения каких-то насущных вопросов. Более широкое значение – общество, отсюда выражение мировой судья, т. е. общественный судья или судья от общества (прим. – автора).

злая нежить... Стыло и отчуждённо мерцал Млечный Путь – гусиная тропа, по которой уплывали ребячьи ангельские души... Плыли жаворонками две светлые души, вздымаясь выше и выше по витой незримой лестнице...»

Всё в повести А. Байбородина: и дома, и деревья, и реки, и дороги, люди – животворящее, поэтому окна смотрятся «в серый, ещё очарованный сном ирниковый распадок», подобно таёжной змее «темень – злая нежить» отползает от жилья. А река Уда, «кипя ярими, белыми бурунами, гневно клокоча, несётся <...>, потерявшая берега, словно табун белых и серых одичавших коней». Даже «утомлённая песнь» роняется «из саней и терялась в дороге».

На фотографии из семейного архива:
слева - Аксинья Яковлевна Горенская
(Солдатова)

Особенного накала достигает этот метафоричный язык, скреплённый одухотворёнными сравнениями, когда речь заходит о душевных переживаниях героев повести: «Чужая, недобрая суть втекала в Иванову душу уже с трудом, через крепнущую с годами запруду... Но потом Иванова душа морщилась, сжималась, чтобы чужая, настырнее и мельче, какую пустил в свою душу, не хлябала, не болталась там, как шевяк в проруби, тревожа Иванову суть. Душа же чужая, конечно, и билась, и тревожилась, не находя себе покоя и улёжистого места, отчего и приходилось с грехом пополам освобождаться от куражливой и беспокойной гостьи, вначале увеселившей,

а потом пришедшейся не ко двору...».

Возможно, некоторые из слов просто и естественно рождаются (впрочем, я на этом не настаиваю!) у Анатолия Григорьевича в ходе самого повествования. И они не выглядят чужеродными, потому что (как это бывает и в жизни!) сочиняются «на ходу», представляя собой свободные смысловые производные от уже «устоявшихся» слов. Так же, как и эти слова, они не противоречат логике народного мышления. Поэтому каждому понятно, что означает «окоротить дорогу», «солнцевосходный край» неба, «вечёрошное солнце», или какую женщину можно назвать «хаянкой» (от глагола «хаять»). Особенно если эти и другие своеобразные «народные неологизмы» возникают в

контексте таких художественно-выразительных предложений, как: *«Радость померкла, закатилась вечерошным солнцем в хребты»* или *«Берёт не глядя, словно видя её (голубику) пальцами, что за полвека – в трудах от темна до темна – стали зрячими. Говорок её всё тоньшает и тоньшает, обращаясь в паутинку, потом и вовсе гаснет...»*.

Мне лично, насытившемуся сполна во время прочтения повести, такого рода, в хорошем смысле, игрой слов – захотелось в своём эссе пойти дальше. Так появилось его название «Правёж сердца». В повести слово «правёж» имеет смысл «наказание». Мне показалось, что в соединении с абстрактным понятием «сердце», которым часто обозначается в русском языке особое отношение (пришёлся по сердцу) к окружающим людям и миру в целом, «правёж» приобретёт новый смысл, как это часто бывает в оксюморонах, в которых встречаются два противоположных по смыслу слова и «производят на свет» третий, подчас неожиданный и трудно постижимый смысл («живой труп», «социальная теплица» и т. п.). «Правёж сердца» с такой позиции – это «наказание сердца», и... сразу же возникает бездна дополнительного смысла, начиная с библейского «бича божьего» и заканчивая банальным «исправлением нравов». Впрочем, я, возможно, преувеличиваю понятийную глубину своего детища. В этом случае прошу прощения у читателей за слишком самоуверенный тон...

Но в одном я уверен точно: повесть А. Байбородина «Утоли мои печали» способствовала воскрешению в моём сознании некоторых забытых детских и юношеских впечатлений. Например, я напрочь забыл и только благодаря Анатолию Григорьевичу вдруг вспомнил, как моя прабабушка Аксинья, которую по странному совпадению звали так же, как и мать Ивана, с помощью дресвы – речного песочка, просеянного ситом, пережжённого в русской печи докрасна, шоркала веничком-голячком пол, который потом промывала горячей водой, отчего сосновые, конечно, некрашенные плахи, застланные в её избе половиками, всегда «обнажали нежную древесную желтизну». И таких всплывших из подсознания эпизодов из собственной жизни было, поверьте мне, немало...

Поэтому я благодарен Анатолию Григорьевичу за то, что прочтение его повести разбередило мою социальную память, которая мне «показала», в том числе и через художественно-образный язык этого произведения, что у меня лично, по крайней мере, пока всё же существует неразрывную связь с «русским миром».

Сибирское бытие души и сознания

Особое ощущение-потрясение я лично испытал, читая те эпизоды повести, в которых её герой вспоминал своего отца, о том, как его

образ, будто после долгой спячки, пробудился уже в его физическом и духовном теле:

«Иван вдруг, поразившись и испугавшись, ощутил себя своим отцом... Отец нежданно, сам по себе, без Иванова усилия, полностью вошёл в его суть словно в облюбованную им справу, которая оказалась теперь отцу в пору...»

Именно так порой и я, как, возможно, тысячи-тысячи других сыновей, ощущаю, что отец начинает «властвовать» над моей душой. Нравится мне это или не нравится, но я, говоря словами писателя, то и дело смотрю на этот мир, а значит и на себя *«отцовским, ледянисто-синим, насмешливым взглядом...»*.

У меня были сложные, как и у многих детей, взаимоотношения с отцом. Не всё мне в его жизни нравилось. Но то, что было мною неприняваемо в нём, загадочно стремится повториться в моей жизни. В такие минуты, когда я ловлю себя на мысли, что поступаю, как отец, я сам у себя вызываю недоумение, даже отвращение... Но бывают случаи, когда присутствие во мне моего отца делает меня цельнее, понятнее... Теперь я понимаю, что в нём странным образом сочеталась детская непосредственность с трезвым умом, который вынуждал его быть не просто прагматичным, а принципиальным (отец был, как это сейчас принято говорить, «настоящим коммунистом»), предельно честным, с трудом, но умеющим признавать свою неправоту... И самое главное – он всегда стремился самостоятельно разобраться в жизненных неурядицах, за свои проступки сам себя «казнил» более, чем другие, т. е. был совестливым... Несмотря на внешнюю суровость, был милосердным (он ни разу в жизни не тронул меня пальцем, хотя иногда, думаю, надо было!), исключительно человеколюбивым, хотя, может быть, внешне это не очень-то и проявлялось...

Например, в нашей семье постоянно, вдобавок к трём родным детям жил ещё кто-нибудь из наших двоюродных или троюродных братьев, которые по тем или иным причинам не могли жить в родных семьях. Так в нашей семье вырос мой дядя, Владимир, сводный брат мамы, которого я всю жизнь звал по имени и считал братом. Долгое время в нашей семье так же жил приёмный сын родного папиного брата Славик, который не ужился с мачехой после смерти его родной мамы. И никогда папа не делал разницы между ними и нами, не говоря уже о том, чтобы попрекнуть куском хлеба... Хотя мы жили, мягко говоря, небогато...

Разумеется, вспоминая это, я горжусь отцом и незримое присутствие его такого в себе приветствую... Я, как бы опираясь на жизненный опыт папы, стараюсь не повторить его ошибки, а всё самое лучшее от него сохранить в душе. Такого рода незримая связь с моими родителями помогает в какой-то мере понять, кто же я такой, зачем «копчу белый свет» и чтобы хотел передать по наследству своим детям. Да не всегда это получается. И папа был разным, не

только белым, мягким и пушистым... Да и чужие, иногда не самые светлые души, тоже были вхожи в моё сознание... И об этом очень точно размышляет в своей повести А. Байбородин, когда рассказывает о том, что Иван «не раз обращался в других людей», пуская в свою душу души чужих людей, пока «не приважился к одиночеству» и не стал всё настойчивее пытаться *«оживить себя взаправдашнего, непридуманного и неподменного, такого, каким был загадан сизмала, каким его растили мать с отцом; но сколь ни вслушивался, сколь не думал, так и не мог вспомнить себя изначального, яко ангела, не тронутого грехами смертными».*

Такого рода размышления писателя мне напоминают духовные усилия творчески разрешить поставленную жизнью перед человеком основополагающую его суть проблему, которая в той или иной мере известна любому смертному: «Что есть человеческое бытие, зачем он явлен этому миру, каково его предназначение?»

Это простейшее целеполагание жизнетворчества любого человека. Именно жизнетворчества, а не жизнедеятельности. Потому что жизнедеятельность направлена на достижение материальных целей, а не духовных. Она должна и может быть частью жизнетворчества человека, отвечающей за разнообразные подходы и условия поиска ответа на этот ключевой вопрос. Но опасность этого инструмента заключается в том, что он очень часто во время жизни человека превращается в его самоцель, сначала подменяя духовные ценности его бытия материальными, а впоследствии и вовсе становясь вульгарным смыслом жизни человека. Не так уж редко мы наблюдаем, что в этом смысле, образно говоря, телега едет в жизни у человека впереди лошади.

Причём же здесь художественная литература, а если шире – искусство? Дело в том, что искусство, как и жизнь человека, может быть как актом творческого самопознания, так и актом жизнедеятельности, направленным на удовлетворение сиюминутных потребностей как автора, так и потребителя этой, хоть и художественной, но всё же – информации!

В этой связи хотелось бы заметить следующее: художественное творчество не может никому прямолинейно навязывать те или иные ценности и нормы поведения. Оно лишь способ поделить опытом самопознания. Его негласная задача побудить, активизировать однородный опыт у читателя, зрителя, слушателя.

Давайте спросим себя честно, способно ли ширпотребное (массовое) искусство выполнить эту задачу? И вообще, какие задачи оно выполняет?

Первый вопрос мне кажется риторическим. В своё оправдание дельцы массового ширпотреба придумали множество оправданий: у человека есть право выбора; у него должна быть свобода самовыражения; человек должен быть к поступкам и позициям других людей терпимым; искусство может и должно способствовать

психологической разгрузке человека (рекреационная функция) и т. п. Убеждён, что это ещё не все аргументы и в ближайшие годы будут придумываться всё новые и новые тезисы в защиту массового искусства. Это обусловлено рядом очевидных надобностей материально ориентированного мира, преследующего достижение исключительно утилитарных целей, направленных на удовлетворение сиюминутных потребностей человека.

Слово не хлеб, не одежда, не кров. Оно насыщает, согревает и укрывает от нелюбви и ненависти душу. Поэтому, проникая в область духовной жизни, сиюминутные потребности опираются не на душу, а на физиологические инстинкты, которые, попадая из материального измерения в духовное, превращаются в низменные: размножение – в похоть, потребление пищи – в чревоугодие, гармония тела – в самолюбование и гордыню и т. п. Это проникновение является подлым, потому что основано на подмене ценностей. Это проникновение агрессивно, потому что в результате его материальное объявляет свои правила игры на чуждой ему территории. Это проникновение разрушительно, потому что уничтожает саму душу человека и заменяет её даже не рациональным сознанием, а каким-то новым, но явно не «дивным органом»⁴⁴, призванным насыщать, ублажать, в конце концов, его тело, а точнее, его биологические инстинкты. В результате прекращается созидательная работа души⁴⁵, умирает задохнувшаяся от рационального цинизма совесть.

Хотя, подчеркнём ещё раз, сиюминутные потребности сами по себе не безнравственны. Как сказал поэт: «А почему бы не о быте, Когда в него по шляпку вбиты?»⁴⁶. Важно уметь в быте находить пространство для поэтического полёта, как это умел делать, например, автор вышеприведённых строк А. Кобенков. А не превращать в бытовуху, в том числе посредством ёрничества, изначально святые для каждого русского человека понятия: «Родина», «душа», «совесть» и др.⁴⁷ Из этих понятий тклось и ткётся наше окраинное, может быть, для кого-то убогое, а для нас находящееся рядом с Богом (у Бога⁴⁸), простое, незамысловатое сибирское бытие души и сознания.

Таких слов специально и торжественно не произносила ни моя бабушка Наталья, мама моего папы, ни прабабушка по линии моей

⁴⁴ «Дивный орган» - имеются в виду известные слова православного философа И. Ильина, который дивным органом называл совесть.

⁴⁵ Помните: «Душа обязана трудиться и день и ночь, и день и ночь!» (Н. Заболоцкий)

⁴⁶ Строчка из стихотворения А. Кобенкова, которая стала в своё время лозунгом поэтов-бытовиков.

⁴⁷ Кстати, такое «превращение» чаще происходит как раз у тех деятелей искусства, которые, потеряв чувство меры, очень много, почти все упоминают их в своём творчестве. На мой взгляд, то, о чём говорят при свечах, сглазу на глаз с Богом, нельзя, по крайней мере, часто говорить с эстрады при свете прожекторов, глядя в безликое лицо толпы. Надеюсь, что наш альманах количеством 100 экз. не будет восприниматься читателями в качестве выхода на «эстраду» (прим. – Автора).

⁴⁸ «У Бога» или «У Христа за пазухой». Как-то один из вынужденных переселенцев из Украины, после тёплого приёма его семьи сибиряками воскликнул: «Я думал, что Сибирь – это у чёрта на куличках, а оказалось – у Христа за пазухой!».

мамы – Аксинья, у которых поочерёдно то в Облепихе, то в Усолье-Сибирском плавно и лучезарно протекало моё детство. Для них было само собой разумеющимся, что человек – существо Божие. А Родина – их деревня, семья, тайга... Жить хорошо – не значит жить богато, а жить душа в душу и по совести...

Сквозь смутную завесу памяти я хорошо помню, как они ранними утрами и поздними вечерами шептали какие-то чудные слова, обращаясь к кому-то неведомому, но, как мне уже тогда казалось, могущественному и ещё пуще – страшному. Затаив дыхание, я прислушивался к их бормотанию, пристально всматриваясь в полумрак комнаты, пытаюсь увидеть их незримого собеседника. У одной она была освещённой еле мерцающей, как звёздочка в небе, лампадкой. У другой простой керосиновой лампой: дед Георгий⁴⁹ был коммунистом и не признавал ничего сверхъестественного.

Но если в Облепихе в красном углу над лампадой висело несколько икон, с которых на меня смотрели потемневшие лики каких-то женщин, младенцев и бородатых мужиков, то в усольской избе это была просто пугающая пустота. Хотя подобная процедура общения неведомо с кем проходила каждый день, я так и не запомнил ничего, кроме того, что упоминалась какая-то Богородица и Всевышний.

С тех пор прошло много-много лет... И только в тридцать с небольшим лет, познакомившись Ветхим и Новым Заветами,⁵⁰ я начал понимать смысл некоторых слов, которые постоянно упоминались в моей семье, правда, чаще с иронией. Особенно в этом преуспевал мой брат-дядя Володя. Например, он одарил меня, самого младшего в семье⁵¹, обидным прозвищем «сопливый Самсон». Он же постоянно нелюбезно упоминал разных апостолов, пророков, Иисуса Христа и прочих святых, о которых я тогда слыхом не слыхивал и воспринимал их с подачи Володи как неких неуклюжих сказочных героев. Так и жили они до поры до времени в памяти моей униженные и осмеянные. Когда же я узнал, кто они такие в действительности, я не раз тоскливо вопрошал свою память: «Какие молитвы шептали мои бабушки, о чём они просили Бога?»

И только, читая повесть, вдруг в моём воображении как-то явственно возникли щупленькие фигурки моих бабушек. Потом взошли в моё сознание их просветлённые лица, так напоминающие своей строгостью и благостной отрешённостью лики святых! С первых же строк молитвы мамы Ивана я вспомнил и воскликнул про себя: «Да, именно её чаще других «читали» и бабушка Наталья, и прабабушка Аксинья.

⁴⁹ Дед Георгий – отец моего папы – Иннокентия Георгиевича Гордина (прим. автора).

⁵⁰ Знакомство это произошло в каком-то смысле по принуждению – в рамках предмета «Мировая художественная культура», который я преподавал в школе (прим. автора)

⁵¹ У нас в семье, считая Володю, было четверо детей: Володя (1945 г.р.), Наташа (1949 г.р.), Леонид (1951 г.р.) и я (1958 г.р.) – (прим. автора)

«О всемилостивая Госпоже Владычице Богородице! Воздвигни нас из глубины греховная и избави нас от глада, губительства, от труса и потопа, от огня и меча, от нашествия иноплемennых и междуусобные брани, от напрасныя смерти, и от нападения вражия, от тлетворных ветр, и от сметноносные язвы, и от всякого зла. Подай, Госпоже, мир и здравие рабам Твоим: ... – и всем православным христианам, и просвети им ум и очи сердечныя, яко ко спасению...»

У меня возникло ощущение, что эта молитва вернула мне часть моей жизни, позабытой, растраниженной в житейской суете, но так необходимой именно перед ликом приближающейся Вечности.

Интересные воспоминания и размышления расшевелил в моей памяти и сознании также отрывок из тринадцатой главы «Первого послания к коринфянам святого апостола Павла»⁵², в котором даётся христианское понимание любви.

«Если я говорю языками человеческими и ангельскими, а любовь не имею, то я – медь звенящая, или кимвал звучащий... Любовь долготерпит, милосердствует, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит. Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, языки умолкнут, знание прекратится».

Любовь – сложное философское понятие. С одной стороны, в обыденной жизни она принимает простые и понятные формы, как, например, любовь к маме. С другой стороны, вселяясь в простецкие, легко наблюдаемые человеческие отношения, смысл её подчас не поддаётся никакому философскому объяснению.

Ещё сизмалства я примечал, что мама наиболее сердечно всегда относилась к тем, кто в чём-то нуждался, был не способен постоять за себя перед другими людьми, а пуще перед самой жизнью, злодейкой судьбой...

Вот и папу жалела и по-своему любила. Хоть и выпивал, мягко говоря, крепко... Был иногда тяжёл на руку... Будучи не по годам серьёзным ребёнком, я этого никак не мог понять: обидно было за маму... Понадобились долгие годы, чтобы, не оправдывая отца, всё же сердцем прозреть: маялся душою человек, потому что, будучи одарённым от природы художественным талантом⁵³, «потратил» свою жизнь как бы не по назначению Божьему, с «первого пригляда» вроде как проживший чужую жизнь... Хотя, конечно, это не так... Пока дед Георгий воевал, он был единственным кормильцем большой

⁵² Этот отрывок приводится в конце повести.

⁵³ Гордин Иннокентий Георгиевич (1926 -1984 гг.) По свидетельству мамы, Иннокентий Георгиевич в юности писал стихи, которые производили на окружающих сильное впечатление. Позже, когда ему читали мои ранние «стихи», он делал замечания, касающиеся размера и рифм... Это указывает на то, что он был знаком с силлабо-тонической системой стихосложения. Для наших «краёв» это обстоятельство само по себе в 40-е годы, когда он активно занимался творчеством, было делом необычным... (прим. автора).

семьи⁵⁴... Хотя самому «кормильцу» было от роду в начале войны всего 14 лет! Потом дом строил... Жили в это время, по словам мамы, хоть и не впроголодь, но, мягко говоря, как сыр масле не катались. И буквально из последних сил свили гнездо для нас с сестрой и братом... Да только по этому гнезду в зрелом возрасте моих родителей, как будто по живому, новостроечный бульдозер проехал... И окончательно «сломался» батя... Несколько лет кряду всё более и более терял своё человеческое лицо, то на мгновение выныривая, то окончательно погружаясь в пучину дурманящего разум винного зелья... Наверное, Луконька и маме, как Аксинье в повести А. Байбородина «Утоли мои печали», нащёптывал: «Брось ты его, пропащего... Ведь ещё не старая... Дети выросли... Поживи для себя вволю!» Не бросила. Даже когда отца парализовало, и она долгих девять лет ухаживала за ним, став его сиделкою. Не смогла оставить в беде того, с кем вековала, не один «пуд соли вместе съела», от кого жизнь дала своим детям.

К нам тоже было особое отношение. Всегда норовила подставить своё натруженное плечо именно тому, кто больше всего в данный момент нуждался в «помочи». Хоть и помочь-то могла только добрым словом да скудным, но честно заработанным рублём...

Например, я целых семь лет, говоря словами автора повести, «томился выстуженной семейной жизнью», а потом не выдержал, взял то ли грех, то ли благодать на душу – влюбился, развёлся и обзавёлся новой семьёй. И мама тут как тут – рядом: нянчилась с детьми от первого и от второго брака... Делилась жильём... А когда случалось наторговать на базаре горстку медяков – всё нам в помощь от милого сердца...

Или, к примеру, сестра – стала вдовой. И вновь мама денно и ночью работала то сторожем, то дворником и всё до копейки отдавала на подъём детишек сёстриных, а сама перебивалась с хлеба на воду – выживала при помощи нищенской пенсии, приговаривая: «У меня всё есть – хлеб, соль, сахар, картошка, помидоры, огурцы, ягода, грибы... А что ещё надо!»

Брат заблудился, растерялся и растерял себя в злодейские 90-е годы – угодил, как и отец, в когтистые лапы зелёного змия и, можно сказать, заживо сгинул, задушенный одиночеством и мужицкой бесприютностью. Мама опять рядом: полет грядки на его на огороде, варит, парит, обстирывает, уговаривает... Так и закончила свой жизненный путь, доставая с чердака у него на «даче» приبلудившегося бездомного, голодного котёнка... Умерла, по свидетельству врачей, мгновенно. Смилоствился Боженька...

Такая любовь и милосердие по отношению к своим родным – дело понятное. Но у нас в доме постоянно жили дети из других семей,

⁵⁴ В семье было пять сыновей и две дочери (прим. автора).

конечно же, не без заступного слова мамы... Будучи ребёнком, я воспринимал это как само собой разумеющееся дело...

Да что там муж и дети! Я вспоминаю такой случай. В ту пору, когда мама уже осталась одна, к ней повадился ходить сосед занимать безвозвратно деньги под предлогом «на хлеб», а на самом деле – на пропой. Не было ни одного раза, чтобы она ему что-нибудь не давала. Я её как-то спросил: «Зачем ты ему даёшь деньги, ведь он тебя обманывает?». Она поглядела на меня как-то непривычно строго, даже осуждающе и, грустно улыбнувшись то ли моему бессердечию, то ли своему бессилию, коротко заметила: «Человече всё же!». Истинно: *«любовь милосердствует!»* И, точно: *«...любовь не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, всё покрывает, всему верит, всего надеется, всё переносит».*

Чем чаще «бичь Божий» опускался со свистом на сгорбленные судьбой плечи мамы, тем чаще я стал слышать из её уст: «Человек тебе сделал зло, а ты ему в ответ сделай добро... И возрадуется сердце и воздастся тебе... Об одном Бога молю – дай лёгкой, немучительной смерти...». Глядя на её просветлённое лицо, я не переставал удивляться удивительной способности помнить только хорошее. Все семейные неурядицы, каторжный, совсем не женский труд и многие другие тяготы – растаяли в её памяти, словно туман в распадке после восхода солнца. Всякий раз светилось и радовалось сердце мамы, когда она вспоминала редкие минуты счастья, забавные и курьёзные случаи, которые, конечно же, были, как и в любой семье. От этого как-то более оптимистично воспринималось настоящее и верилось в будущее не только ей, но и нам её благодарным слушателям. Например, если она вспоминала папу, то лучше её Кеши не было на всём белом свете! Как говорит автор повести: *«Не осталась в заначке даже зла на отца».* И всё об этой прошлой жизни рассказывалось с таким настроением, с такой весёлой придумкой, что и я – будучи свидетель многих не самых приятных событий нашей общей семейной жизни, к своему удивлению, начинал верить в её байки, прощая вместе с мамой всех и вся. Кажется, постепенно, с её подачи это стало одним из главных принципов моей жизни. Надо ли говорить, что я об этом не жалею...

Образы мамы и папы Ивана в повести Анатолия Байбородина «Утоли мои печали» – одно из самых ярких моих художественных впечатлений за последние десятилетия. Конечно, мама Ванюши не такая же, как моя мама... У каждого своя мама на особицу и по облику, и по духовной сути... Но вместе с тем у всех мам на свете есть нечто общее, а тем более у наших, выросших в сибирской глубинке... Вольно или невольно я, читая о том, как Ванюшина мама собирает голубику, представлял себе Марию Ивановну⁵⁵, свой близкий мне

⁵⁵ Мария Ивановна Гордина, в девичестве – Горенская (1927-1998 гг.) (прим. автора).

образ, её руки, глаза, весёлый, лукавый прищур, нехитрую одёжку... И уже не Аксинья, а моя мама «доила» своими проворными зрячими руками кусты голубики, притаиваясь в бору... Я понимаю, что образы мамы и папы в повести имеют некий романтический ореол, хотя писатель не сюсюкает и говорит прямо о некоторых, выражаясь вульгарным литературоведческим языком, «недостатках своих героев». Особенно неидеален папа. Да и маму искушает «Луконько окаянный»: *«Луконько окаянный, что пасётся по левое плечо, словно прошептал за мать: «Ох, упасть бы и уснуть вечным сном, а тут пропади всё пропадом, гори синим пламенем...» Но хранитель, что пасётся по правое плече, напомнил свойским голосом: «Хворать-то некогда Аксинья, не то что помирать...»*

Но важно то, что и один и другой предстают перед читателями простыми – плоть от плоти природы! – но удивительно цельными людьми. У них за плечами много и трудно прожитых лет, которые согнули, но не сломили их душ, не выжгли сердце. В них нет гордыни. Их истина в том, что саму жизнь они воспринимают как некую святую обязанность охранить душу и по возможности живую плоть своих детей любовью, заботой и лаской: *«И хочется, чтобы дети так и остались детьми малыми, не поганились зрелыми грехами, не скрывались с её сторожащих, оберегающих глаз...»*

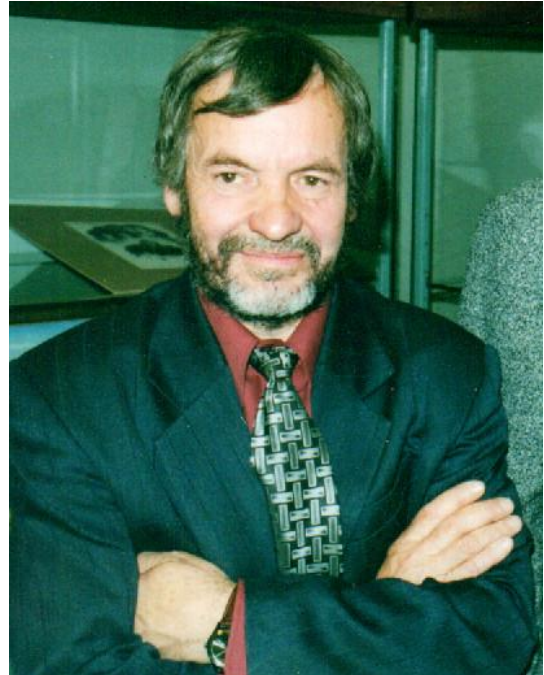
Вот так и моя мама любила наших детей малых, с которыми можно было поиграть, подурачиться, побыть ещё немного в их детстве... И отдалялась, когда они выросли, «становились умнее» и нельзя уже было им рассказывать, как кошка Мурка разговаривает с птицами да собакой... Что заяц из леса гостинцы прислал... Мне всегда казалось, а сейчас я почти убеждён, что и в нас-то, взрослых, она любила нас малых, беззащитных, нуждающихся в её «сторожащих и оберегающих» глазах...

Надо ли говорить, что на фоне разыгравшейся и в нас самих, и в Отечестве нашем многоликой злобно-телесной, рационально-бездушной бесовщины, захлестнувшей в том числе искусство, эти простые, древние, вечные, а стало быть, внятные для души и сердца истины воспринимаются как глоток воды жаждущего в пустыне. При этом повесть «Утоли мои печали» не мёртвый слепок с действительности. Это по-своему иная реальность, как и должно быть в настоящем искусстве. Лично я воспринял это литературное произведение как некий свет, пронзающий мглу, который, возможно, не освещает, но манит к себе. Который не указывает путь, но стелется дорогой. Который даёт надежду, что и в тебе может быть такой свет, если не померкнет память о самом дорогом – родителях, родственниках, малой Родине – в твоей собственной жизни и ты сможешь эту нехитрую, но важную драгоценность через свои поступки, мысли и чувства донести до памяти уже своих детей, утолив тем самым свои печали...

ПРОЗА

Анатолий Байбородин

СЧАСТЬЕ – ДОЖДЬ И НЕНАСТЬЕ

Рассказ из повествования «Утоли мои печали»

Ивану Краснобаеву чудилось, душа его, Христом Богом дарованная, сродни материной, не отцовской; и когда поминал мать, Царствие ей Небесное, то перед скорбно осветлённым, далеко видящим взглядом зорево, полуденно и закатно оживал таёжный кордон на реке Уде, где отец лесничал в ту пору. И приблизилось ...ясно он помнить не мог семи лет отроду... привиделось отстранённым от себя взором, словно узрелось с небес, как страдал с сестрой Верой и матерью о Великом посте, бедовал посреди робко оживающей вешней тайги. Помнится, на Вербное воскресенье заморосил первый апрельский дождь и мать улыбнулась: мол, вот оно наше счастье – дождь и ненастье.

* * *

Отец, и вплавь, и вброд пройдя фронтовые и житейские огни и воды, перебравший на своём хмельном веку уйму деревенских ремёсел, устал от жизни и, чтобы отдышаться, подался в лесники на удинский кордон, куда укочевала и семья. Деревенскую избу оставили сыну Илье, успевшему отслужить на северном флоте, выучиться на ветеринара, а потом и жениться на швее Фae, шалым ветром занесённой в забайкальскую степь с неведомых ангарских берегов. К Илье притулилась и сестра Танька, два лета назад отданная в ученье.

Забываясь в азартных летних и осенних заботах-хлопотах, морозной и оттепельной порой отец всё же тосковал по деревне, мужикам и весёлому застолю, рвался из тайги на люди; и вот за седмицу до ручьиного и пушистого Вербного воскресенья и Страстной недели суетливо запряг Гнедуху и, с натугой прижимая в себе прущую наружу радость, огибая мать, Ванюшку и Веру повинным взглядом, торопливо накидал сена в телегу, примял и укрыл войлочной попоной. В передок приторочил переметную кожаную суму с ощипантыми, потрошёнными и копчёными на холодном дыму косачами⁵⁶ – гостинцы Илье, Таньке и Шуре, старшей дочери, что жила на озерном заимье с промысловым рыбаком Фелоном.

Вешние оповестники – косачи прилетели до Благовещенья, до срока приплавив на крыльях оттепель; да так страстно затоковали, справляя зоревые свадьбы, что отец сломя голову кинулся искать петли. На токовище, в ровной и чистой ложбине, поросшей реденьким молодым листвяком, устланной тёпло-бурой хвоей, по юрким косачиным тропам отец настропалил петли, ссученные из крашеного под хвою конского волоса, и на зорьках приносил пару, а то и тройку косачей. Однажды подивил Ванюшку, но перепугал пятилетнюю Веру – приволок косача-подранка, и тот, распушив радужный хвост, колошматя в половицы крылами, завертелся, запрыгал в горнице. Вера от испуга закатилась в реве, забилась, словно в родимчике, и мать, подхватив девчущку на руки, осерчало крикнула отцу, чтобы унёс птицу от греха подальше, не мучил её и не пугал ребёнка.

Отец собрался в деревню получить христорадную милостыню – лесниково жалование и запастись харчами, потому что в казенке, где в сусеках хранили съестные припасы, и мышам-то нечем было харчеваться. Ушли возмущённые – нет худа без добра... Мать уже ширкала долблёным осиновым совком по днищу мучного ларя, наскребая жменями муку, чтобы замесить тесто на хлеб и пресные лепёшки.

Отец растащил тесовые крылья ворот, сел в телегу и, подобрав вожжи, глянул с довременной виной и раскаяньем на мать и ребятишек, сиротливо жмущихся друг к другу.

– Не забудь, Петро, аржаную муку будешь брать – и белой прихвати, – кулич пекчи к Пасхе... Да смотри, отец, не загуляй в деревне, а то вся зарплата улетит кобыле под хвост. А у нас муки, соли да чая – кот наплакал. День-два – и можно зубы класть на полку, неча будет кусать.

– Не, не, не!.. Ты, Аксиныя, даже и не переживай, я – мухой, одна нога там, друга здесь. Може, седни зарплату получу, харчишек запасу и назадь...

⁵⁶ Косач – тетерев.

По тому, как запальчиво божился и сулился отец, – себя уверял, домочадцев обнадёживал, – при этом не глядя в материны глаза, блудя лукавым и виноватым взглядом по двору, мать обречённо поняла: загуляет во всю ивановскую, и об одном лишь молила безгласо, чтоб вся зарплата не улетела в ненажорную глотку, чтоб скорей выгулялся.

Отец выудил из чёрного галифе засаленный кисет, скрутил самокрутку и, пыхнув махорочным дымом, вздохнул тяжко:

– Ладно, поехал я... За скотиной присматривайте. Корова со дня на день должна отелиться, глаз да глаз нужен... Сено шибко не жалеите – до зеленой хватит. А можно уже по теплу и на пажить выгонять, на подножный корм...

– Ну, с Богом, Петро. Присядем на дорожку. Ваня, Вера, садитесь на крылечко.

Отец тряхнул вожжами, азартно чмокнул, понукал Гнедуху, и телега, щедро смазанная дёгтем, мягко покатила со двора. Вышла за ворота и мать с ребятишками, долго глядела вслед отцу и будто не плакала, но из молчаливых, как морошное преддождевое небо, моргающих глаз катились слёзы.

* * *

На Благовещенье весна – молодница-медведица – переборола зиму-каргу; та весну стылым ветродуем, утренними заморозками пугает, а сама тает, капелями плачет. Рано зажглись снега, заиграли овражки... Вешнее солнышко воскрешало от зимней омертвелой спячки быгающую тайгу, что с трёх боков обжимала лесничью избу. Со дня на день зелёное марево нежно окутает лес, укроется сиротская голь робкой хвоей и листвой и заполошные птахи заголосят на утренних зорях любовные песни. А пока оживающая тайга играла сиреневыми всполохами цветущего багула, да вдоль речки пушилась белая верба.

– На вербе пушок – весна на шесток, – улыбалась мать ребятишкам. – Зимушку пережили, слава Те Господи...

В тёмных распадках по ручьям ещё белел старый ноздреватый снег, а на жарких солнопёках уже пробилась щетинкой зелёная мурава, и Ванюшка с Верой, собирая по изножью хребта сучки на дрова, радовались вешним зеленым, как радуются полугодовалые телята, впервые пущенные на вольный выпас. А мать, приметливая, умудрённая, по капелям и ключам, по травинкам-былинкам, по птичьему клёкоту и граю высматривала, выслушивала из апреля лето с покосами, картошкой, ягодой, грибами. Трижды ...испыток – не убыток... пробрызнул дождь, и мать вслух подумала:

– Ежели в мае ещё дождь польёт земельку, вот и лето ладное выйдет. И на столе, Бог даст, будет густо, не пусто.

После полудня ослепительно сверкала ледяная река, а вечерними затишками долетал ревучий шум, – диковиная щука-зубатка колола лёд могучим хвостом. Но хоть и отсвистела птичка-веснянка – «покинь сани!.. возьми воз!..» – хоть и кряковые селезни уже принесли к Благовещенью благую весть о тепле, весна въезжала на пегой кобыле: то солнышко припечёт, и закаплет с ледяных титек, повисших на дранёвой крыше, то вдруг с речки подует сивер и пробросит крупной снежок.

– Мам, мам! А медведица с медвежатами проснулась? – пытал Ванюшка. – Вылезла из берлоги?

– Нет, сына... пока талый снег бока не промочит, медведь не вскочит. Не было ещё путнего тепла... Но, поди, со дня на день продерёт хозяйнушко глаза... а за ним и медведица с медвежатами. Пойдут шукать Божьи пазушки, где ранняя черемша проклюнется. Самый корм медвежий... А тебе почё это знать?

Ванюшка замялся, а Вера выдала секрет:

– А он, мама, хочет с медвежатами поиграть. Папка ему про берлогу сказал...

– О, Господи! – с перепугу перекрестилась мать. – Чего удумал... Медведица за своих медвежат любого задавит. Да и голодные подымутся, злые... Не дай Бог... Чтоб у меня в лес ни шагу!.. Я, однако, зря и скотину-то выпустила...

Трава ожила лишь на солнопёках, но мать не утерпела – выпустила на волю истомлённых в душной и тёмной стайке корову Майку и тёлку с буруном и велела ребятишкам присматривать, заворачивать, ежели в тайгу шатнутся.

Сама же все глаза проглядела в отпотелое окошко, гляючи на заречный хребет, откуда просёлок спускался к реке, – пятый день минул, канун Благовещенья приступил, от папаши-гулевана ни слуху ни духу. Жив ли, здоров ли, изводилась мать, не ввязался ли спьяну в драку, – мужик в деревне ныне хмельной, отчаянный. Не ровен час... А и запасишки последние иссякли... Да ещё и лёд на Уде тронулся; отревел на ледоломе и пошёл шугой, отчего мать вырешила: к щедрым травам, но и к разливу полых вод. Матери опять переживание: как отец обратно попадет, ежели берега затопит?..

* * *

На Благовещенье Пречистой Мати Марии пало той весной Вербное воскресенье, и мать вслух гадала: к добру ли, к худу ли слились два светлых праздника... но, поди, уж не к беде, – Христовы дни. И надо бы душу Великим постом утихомирить ...грядут и Страсти Христовы, ране о Страстной седмице лишь хлеб да вода, вот и вся еда... но здесь, в тайге, мать постилась духом, а не брюхом, да и как не оскоромишься, ежели в доме одно скоромное, – вяленая, с душком сохатина, солёная рыба да скотский жир; капусту не солили нынче, какая была картошка, и

та задрябла в тёплом подполе, забородатела бледными ростами. Словом, из постного даже постного масла уж полмесяца в глаза не видели.

Про посты, исповедь и причастие помнила мать смутно – сорок лет минуло, как тятя мокроносой девчушкой вывез её в бурятские степи и леса с Красного Чикоя, где гуртились забайкальские староверы, прозываемые семейскими или поляками, ибо по велению царицы Екатерины переселили материн род с тогдашних польских земель. Шатнувшись от семейщины, запамятав, какого они толка и согласия, родова материна обмирщилась и, крестясь то по-семейски двумя суровыми перстами, то щепотью, прислонилась было к единоверцам, – в волостном селе Укыр о ту пору ещё тешил боголюбивые души колокольный звон Спасской церкви, – но тут на худобожи русские головы свалились мутные, кровавые антихристовы времена, и фармазоны порушили волостной храм, а заодно и сельские церквушки. Остались матери на весь век лишь ночные и зоревые молитвы да образа от тятеньки и маменьки и самая заветная в позеленевшем медном окладе – икона Божией Матери «Утоли моя печали».

В Лазореву субботу, накануне Вербного воскресенья, мать смела с углов тенёты, протёрла маменькины, тятенькины образа, подмазала глиной и подбелила печь; потом принесла с Уды пук вербы и ведёрко дресвы – речного песочка, просеяла его ситом, пережгла в русской печи докрасна, а уж после, усыпав им широкие половицы, вышоркала их веничком-голячком, смыла горячей водой, и пасхально заиграли сосновые плахи, обнажили нежную древесную желтизну. Помолившись, нашарила мать в русской печи остывший уголь и намазала бережные кресты на оконных косяках и дверных колодах в избе и стайках, чтобы откреститься от нежити, – лютуют бесы, бесятся накануне святых дней, вроде зимы-карги в вешний месяц зимобор.

Присела отдохнуть, помянула тятю своего, мамушку, узрела себя малую, да и заговорила не то сама с собой, не то с Ванюшкой, что тёрся подле, голодно принохиваясь к жаркой печи:

– Боялись мы Боженьку... Это мне, однако, лет пять было, мешаю молоко – топится в печке. Я молоко помешала ложкой, и эту ложку раз и облизала. А постный день был... Я за печку забежала, да на Божушка-то⁵⁷ гляжу и думаю: может, Божушка-то мене не видел, что я ложку лизала. Давай подолом язык обтирать...

Промытая изба, хотя и не вынули посеревшие от пыли зимние окна, вздохнула по-апрельски свежо и так нарядно, празднично засветилась, что Ванюшка с Верой тут же завели игры, из сыромятных мешочков высыпали на луково светящийся пол крашенные бараньи лодыжки. Ванюшка, парень сметливый, махом объегорил малую

⁵⁷ Божушка – так семейские ласково величали и Господа Иисуса Христа, и сами иконы с Его ликом.

сестру – выиграл все её кости, и Вера, уливаясь слезами, пошла жаловаться матери.

Но... слёзы детские – что ночная летняя роса – высунуло солнышко из-за хребта свой тёплый лик, высушило сырость... и вскоре Ванюшка с Верой, мирно приладившись на полу, разложив старенькие тетрадки и огрызки цветных карандашей, малевали картинку. Вера, почти не глядя на бумагу, размашисто чертила пучеглазых и лохматых див на кривых и сучкастых ногах, – это, по её мнению, были и мать, и отец, и Ванька, и корова, и даже лайка Найда. Ванюшка же, косясь на картинку, развешанные отцом по голым венцам сруба, где озирали степь три дозорных богатыря, заливали байки три охотника, играли на поваленной лесине три медвежонка, – старательно рисовал, потом раскрашивал медведя, которому талая вода подмочила бок, и он с рёвом полез из берлоги.

Ближе к закату мать начесала с лиственничного пня багрового смоля, жарко протопила русскую печь и подле шестка намыла в корыте ребятишек, окатывая речной водицей, кою принесла до зари, когда ворон воронят не купал, – деды баяли, мол, эдакая вода моченьки добавляет. Ванюшка, стоя в корыте, тут же изогнул в локте ручонку, где ожил бугорок мышцы.

– Мам!.. глянь, какая у меня сила. В деревне всех заборую.

– Забороешь, забороешь... – кивнула мать, поливая сына из деревянного черпака. – С гуськи вода, с Вани худоба.

Укутав парнишку в старенький далембовый халат, турнув его в горницу на топчан, с теми же приговорами взялась купать Веру.

– С гуськи вода, с Веры худоба...

Уложив ребятишек ночевать, прикрыла печную вьюшку, чтобы небушко не топить, избу не студить, помолившись, прилегла на лавку подле самовара. Улыбнулась, засыпая: завтра Благовещенье и Вербное воскресенье, Христа Бога прославим, поклонимся, что не по грехам нашим милостив Богом. И лишь укуталась мать сном, приблизилась дивные птицы, – не то косачи, не то глухарки, но с человеческими лицами ...а может, райские птицы с ясноглазыми и ласковыми ангельскими ликами?.. потом незримый в избяной теми тронул за плечо и – голос, напоминающий говор Вани Житихина, брата:

– Чего же ты, Аксинья, разлёживаешься?! Детки твои помирают...

Ветром смахнуло мать с лавки; запалила жирник, – керосин ещё при отце весь вышел, – кинулась к ребятишкам, стала их тормошить, а те и впрямь будто неживые, бездыханные. Тут и учуяла мать угар – красным лиственничным смолем протопила печь и с жаром закрыла. Заполошно выдернув до отказа печную вьюшку, отпахнула настежь двери в избу и сени, а уж потом и Веру с Ванюшкой, плетьюми висящих на руках, поочерёдно выволокла на крыльцо. И откачивала на стылом апрельском ветру, и обрызгивала студёной водой, а всё без проку. Растерялась мать... В деревне хоть соседи: ежели и не побежишь за подмогой, то чуешь их, надеешься, и легче справляться с лихом, а тут

кругом тайга глухая... И взмолилась мать запальчивой молитвой, вроде, и неведомой ей, но, может, слышанной в малолетстве от маменьки-покоенки:

– Владыко Вседержителю, врачу душ и телес, смирай и возносяй, наказуй и паки исцеляй! Чад моих, Ивана, Веру, немощствующа посети милостию Твоею: простри мышцу Твою исполнену исцеления и врачбы, исцели чад моих, возставляй от одра и немощи... Ей, Господи, пощади создания Твои во Христе Иисусе Господе нашем!..

Печально шумели в ночном ясном небе вершины древних сосен и лиственей; изредка в хребте лаяли полуночные гураны⁵⁸; стыло и отчуждённо мерцал Млечный путь – гусиная тропа, по которой уплывали ребячьи ангельские души... Но... услышал Владыко Милостивый материны мольбы, и словно рёк душам: мол, рано, дети Мои... Не исполнилось ваше земное назначение... И отпустил их на землю. Очнулись, горемычные, ведом не ведая, где бродили и как очутились под звёздным небом; мать тут же на крыльце напоила их брусничным морсом, потом, притулив к себе Ванюшку, взяв на руки малую, стала баюкать:

*Баю-баю, баючок,
В огороде хмельничок,
Зайка хмелю нащипал,
Во лесочек побежал.
Зайка пива наварил,
Всех девчат напоил.
Девки песенки поют,
Вере спать не дают.
Уж мы зайньку найдем,
Долги уши надерём.*

* * *

Скучно оживало таёжное Вербное воскресенье, верша Цветную неделю. Вяло и неохотно заголубели двойные зимние окна, смотрящие в серый, ещё очарованный сном ирниковый распадок, освещаая унылым светом лесниково убожество: нетесаные венцы с рыжими куделями мха; лопатистые изюбриные рога; козлоногий стол с рацией, омертвелой без папани; ходовые картинки и вышивки гладью и крестиком, – сестрица Алёнушка с братцем козлёночком да серый волк с царевной и царевичем; вольный топчан около печки, укрытый овчинной дохой, где в тяжком забытье, спинав в ноги ватное одеяло, разметались уснувшие под утро ребяташки, бессвязно и тревожно бормоча, обиженно всхлипывая, будто напрасно матушка вымолила их в печальный мир из ласковой вечности.

⁵⁸ Гуран – дикий таёжный козёл.

С утра вдруг заморосил первый апрельский дождь, и мать печально улыбнулась:

– Вот оно наше счастье – дождь и ненастье.

За ночь не сомкнувшая глаз ...день во грехах, ночь во слезах... перестрадав до полного опустошения, широко и бездумно, немигающе глядела в окно, на заудинский хребет. Но отца не высматривала. Вся её моченька страдать, надеяться, ждать за ночь иссякла, не осталось в заначке даже зла на отца, загулявшего в деревне. Луканька окаянный, что пасётся по лево плечо, словно прошептал за мать: «Ох, упасть бы и уснуть вечным сном, а тут пропади всё пропадом, гори синим полымем...» Но хранитель, что пасёт по право плечо, напомнил свойским голосом: «Хворать-то некогда, Аксинья, не то что помирать, – пора коровёнке с буруном и тёлкой сенца кинуть, напоить скотину; пора иманов выгонять из козьей стаюшки, – пусть пощиплют мураву на хребте, по солнопечным облыскам; пора и курам зерна бросить, а там и ребятишки подымутся, ись запросят, – галчатами в гнездовище отпахнут прожорливые клювы. Так что, Аксинья, некогда помирать...»

Оплескав лицо жгучей ледянистой водой, смывая усталость и унынье, мать потуже заколола волосы гребёнкой, покрыла их козьим полушалком и осенилась покаянным крестом, виновато глядя на божницу, – в утреннем сумраке светились лишь очи Спаса, Владычицы Небесной и Николы Угодника. Поклонилась земно, шоркнула изработанной скрюченной рукой половицы, благодаря: не покарал Господь Милостивый за грехи тяжкие, не отнял чадушек... «Ох, мамочки родны! – жиденько, дробно хихикнул окаянный в лево ухо. – Да какие у тебя грехи, деревня битая... да ещё и тяжкие?! Помыслы с отчаянья да поносные слова отцу-гулевану, и то позаочь. Вон какие изверги в смертных грехах купаются, словно в тёплом корыте, на Бога ропщут, и никакая холера им не деется, как сыр в масле катаются... Грехи у неё... Не смеши... Кому Масленка да сплошная, а тебе, Ксюша, Вербное да Страстная...» Но поперечный голос, что с права плеча, тихо, да внятно промолвил: «Не в земной юдоли человекам за грехи отвечать, на правёж вставать, – в Царствии Небесном, куда навечно укочует и твоя душа... Терпи, Аксиньюшка, и Господь не оставит...»

После молитвы, как после кроткого и короткого птичьего-синичьего сна, явились силы и обречённый, безропотный покой. Надо жить... Майка со дня на день отелится, стайку бы на Чистый четверг богородичной травкой окурить от лукавой нечисти...

Обрядив скотину, по старому свычаю охлестав её вербой, перекинула через плечо коромысло и побрела к Уде, куда с ребятишками моталась утрами и вечерами, карауля отца. Тут она чуть было не помянула шатуна лихом, но окстилась: вербный праздничек, грех браниться.

Утренний дождь иссяк – ветер-верховик ближе к полудню растащил серую мглу, и умытое небо сочно заголубело. Ох, как радостно и буйно опушилась верба! – диву далась мать. – Белым-

бело... Доброе грядёт лето: травостой и покос ранний... Но и к половодью, видно... Подумав, тронулась не прямой тропой сквозь заросли ирника к дощатым мосткам, с коих летом брали воду, а наезженной дорогой к броду: глянуть надо, что натворило половодье за ночь. То, что река вздулась и прибывала, мать уже видела, но, услышав гневливый рев Уды, упершись задолго до брода в полую воду, затопившую прибрежный вербник и черёмушник, испуганно оторопела. Кинув коромысло с вёдрами, беспamięтно опустилась на сухом взгорке, полными слёз отчаянными глазами следя, как со змеиным шуршанием ползёт по линялой осоке полая вода. «Всё! – тоскливо покачала она головой. – Ежели обернётся ныне отец ...выгулялся, поди, вспомнил, что ребятишки тут голодом-холодом сидят... так теперь ни конём, ни пёхом не перебраться. Вот закукуем...» Приподнявшись, сквозь черёмушник с ужасом высмотрела: кипя ярыми белыми бурунами, гневно клопоча, несётся Уда, потерявшая берега, словно табун белых и серых одичавших коней. И взвыла мать, забыв про светлый праздничек: «Боже!.. Боже!.. да за какие грехи мне такая казь Господня?! Аль я не рожена, не крещена, аль я чужой век заела?! Чем же я тебя, Господи, прогневила?!» Но опять увещающий голос справа: «Грех, Аксиньюшка, роптать. У людей хуже бывает, и то не ропщут. Грех тебе жаловаться: дети, слава Те Господи, не пухнут с голоду; отец вот-вот обернётся, харчишки привезёт, и полая вода, Бог даст, спадёт. Даёт Бог и жиду, и злому татарину. Терпи, Аксиньюшка, все перемелется, мука будет...». Согласилась мать: «Дай-то Боже, чтоб все было гоже...»

* * *

Ребятишки уже проснулись, когда мать вернулась с реки, и Ванюшка, сидя на овчине, поджав под себя ноги по-бурятски, хвастливо размахивая руками, вспоминал косачиную зорьку с отцом, привирая, будто стрелял с тозовки в дозорного косача. Вера слушала, разиня рот и пуча глаза в диве.

– ...Бабах!.. из ружья... и маленечко промазал. Отец под руку пихнул... Но счас пойду на ток петли проверять, тозовку прихвачу. Сниму косача-то. На Пасху сжарим...

– Божушки мой!.. охотничек... – засмеялась мать, с певучим позвоноком выливая воду из вёдер в кадушку. – Но сёдни, сына, грех птицу стрелять: Благовещенье – птиц на волю отпущенье. Так от, Ванюха – драно ухо.

Мать, видя детишек здоровыми, весёлыми, и сама отмякла, призабыв и про полую воду, и про отца.

– И робить-то грех. Ворон гнезда не въёт, девча косы не плетёт. Одна непутная пряла шерсть на Благовещенье, Божушка её и проклянул, в кукушку обернул и гнезда лишил. Летат теперичи, бездомка, в чужи гнёзда яйца кладёт. Во как... А ты стрелять... Ой,

упаси Бог отцову тозовку взять, – с ума сойдёт, захлестнёт. Так что, и не вздумай...

– Ма-ама, ись хочу... – подала голос Вера – Пирожка бы или шанюжки...

– Вот отец подъедет, будут вам и пироги, и шаньги, – сумрачно усмехнулась мать.

Затопила плиту ...русскую печь, коль мука вышла стряпать, не разживляла, отмочив, чтобы лишняя соль отошла, сварила окуней – больше нечего, хоть шаром покати. Как ни растягивала, а приели подчистую и муку, и крупу, и лапшу, не говоря уж про сахар. Вялилось на вышке сохатинное мясо, но уже так выбыгало, пересохло, что сытнее и легче кирзовую голяшку жевать, чем перевяленное мясо. Да и обрыдло уже за зиму, в глотку не лезло... И коровёнка-то, стельная, не доилась, – ребятишки, вздыхая, глотая слюну, смотрели голодными глазами на сепаратор, примощённый на полке у двери.

Мать ещё гоношилась возле печи, а ребятишки уже тихо посиживали на лавке, грустно поглядывали на выскобленную дожелта ножом-косарем отмашистую столешницу. Выложила мать в мису разваренных окуней, налила запаренную вместо чая древесную чагу, затем, подумав, принесла из кладовки чашку раскисшей брусницы. Печально, с приступившими к глазам слезами оглядела праздничный стол – ни соли, ни сахара, ни корки хлеба, лишь три заплесневелых чёрных сухаря ... Вера завсхлипывала:

– Надоели солёны окуни кажин день...

– А вот тятя ваш приедет... – ох, как зуделся язык прибавить солёное-перчёное словцо, но сдержалась мать: не ребячьим ушам слушать, да и срам нынче лаяться – празднички великие: Воскресенье Вербное, да и Пресвятой Деве Марии явилась ныне Благая Весть: радуйся, мол, Благодатная, Господа понесла...

– А чё папка не едет да не едет... – канючила Вера.

– Ты меня, девка, лучше не выводил, без тебя лихо!..

Мать не сдержалась, ожгла детей осерчалым взглядом, и те испуганно притаились, – мамка чикаться не станет, отвозит мокрым полотенцем и не поглядит, что Благовещенье и Вербное Воскресенье. Но мать снова, уже в который раз, спохватилась, виновато, с неуголимой любовью глянула на своих чадушек.

– Мало ли чё стряслось... Maybe, захворал, а maybe, дела какие...

– Сёдни должен подъехать, – степенно рассудил Ванюшка. – Гостинцы привезёт. Правая ладонь с утра чешется и чешется.

– Ой ти моя... – засмеялась мать. – Рука у его чешется... Ты у нас, как дед Кузя, конюх, тот всяким заморокам верит... Ох, голова моя непутёвая да от лихоты кругом пошла, всё позабыла, – спохватилась мать и вспомнила, что ещё накануне, в среду крестопоклонной недели, в средокрестие размочила жменю лапши, завела плошку теста и, подсластив сахарной пылью, что осела в швах льняного мешочка,

испекла три креста. Принесла кресты из казенки, выложила на стол, и ребятишки радостно заелозили на лавке.

– Погодите, не торопитесь, торопыги, – сдержала их мать – Надо все чин-чинарём, как и положено на Вербное воскресенье.

Жалобным шепотком отмолилась, потом, чтобы отпугнуть греховное унынье, потешить ребятишек, сняла с божницы освящённую за ночь вербу, перевязанную цветастой вязочкой.

– Ну-ка, дети мои, открывайте рты пошире... – отщипнула вербные почки и скормила их Ванюшке с Верой.

– Фу, небраво... – малая сморщилась, на заплатку не выберешь.

– А мне дак сладко, – подразнил её брат. – А это, мама, почё?

– А пото, чтоб не хворать да всяку напасть отогнать, – верба нынче свята... Счас я вас похлещу... Да не пужайтесь, не пужайтесь, – я же легонечко, что поглажу.

Мать охлопала себя пучком вербы, потом – сына с дочкой, распевно пришептывая:

Верба свята, верба свята!

Не я освящаю, Божушка освящает.

Верба – хлёст, бьёт да слез.

Верба синя бьёт несильно,

Верба красна бьёт напрасно,

Верба бела бьёт за дело.

Верба – хлёст, бьёт до слёз.

* * *

...Голод не тётка, ослабли ребятишки и ползали по избе, словно сонные осенние мухи. И спали, спали... Дольше спишь, дольше о еде не печалишься, купаешься в цветастых видениях – бродишь в райских садах, где на райских деревьях алеют райские яблоки, поют райские птицы... Ребятишки просыпались, поворочаются с бока на бок, да и опять задремлют, притулившись к матери, – ослабли, бедные; и проснулось семейство аж на закате, когда солнышко уже клонилось ко сну, оплавив желтоватым, сомлевшим светом ершистую гребёнку хребта. Вот и день пролетел, вот и отметили праздничек... Теперь бы повечерять с шанюжками и колотым сахаром вприкуску, да вот печка, что кусать неча.

Взявшись за руки, молча поплелись к реке через мглистую голь распадка, поросшего ирником и осинником. Близенько отошли, и тут остроглазый Ванюшка... накануне-то прямо как в воду глядел... высмотрел, что по заречной хребтине божьими коровками ползут к реке две конные повозки.

– Папка едет!.. папка едет! – распугав предзакатную тишь, оглашенно завопил парнишка и, прыгая, размахивая руками, ещё и

присказал на цыганский лад, подслушанное у балагуристого папки. – Тятка идэ, черта видэ, мы его съидэ!..

И ...откуда силёнки взялись... так припустил к реке, что засверкали смазанные дёгтем подошвы сыромятных ичижонок, вспузырились вольные сатиновые шкеры и вздыбилась линиялая, заплатная шубейка. Следом ударилась и Вера, но тут же и запалилась, захныкала.

С вершины телега спускалась неторопко, звонко натянутыми вожжами отец сдерживал коня, чтоб не понесло, но ближе к изножью хребта припустил вожжи, и хлестко под горку рысила краснобаевская Гнедуха – стосковалась в деревне по вольному таёжному выпасу. Но возле бурлящей реки отец осадился и не сунулся в воду.

– Вот и прошло Вербное воскресенье, – неведомо кому промолвила мать, когда возвращалась с ребятишками домой. – Завтра Страсти Господни...

* * *

Утром мать снова явилась к реке, прихватив и Ванюшку с Веркой, которые едва волочили ноги, – со вчерашнего полудня и маковой росинки во рту не ночевало. На солёную рыбу и глядеть не хотят... Отец мотался вдоль берега, высматривая, где помельче, потом сидел у лениво шаящего костерка и глядел мутными, тяжёлыми похмельными глазами в обезумевшую реку, которая неведомо когда и образумиться, войдёт в берега.

Бог уж весть, сколь мать торчала на берегу с ребятами и, надсаживая глотку, пыталась отца про дочь и сына, что зимовали в селе; и лишь помянула сына Илью, как тот – лёгок на помине, долго жить будет, – словно слетел с небес на крылатом снежном жеребце. «Есть Бог на земле...» – вздохнула мать, чуя сердцем: Илья выручит из беды, – парень ловкий.

Илья – рано заматеревший, по-степному скуластый, буролицый, с приплюснутыми губами и кудреватым чубом – ловко соскользнул с коня, привязал Сивку к телеге, потом, увидев на другом берегу родное семейство, весело помахал рукой. Мать ожила, потянулась к Илье ...обернулась бы птицей-синицей, перелетела реку и обняла сына... тут же и ребятишки востепенулись, заверещали на разные лады:

– Братка приехал!.. Братка приехал!..

Илья ходил по берегу... мать напряжённо и тревожно следила за сыном... прищуристо и вдумчиво присматривался, прислушивался к бурлящей Уде и о чём-то негромко рядился с отцом, показывая рукой от берега к берегу. До чего уж мужики договорились, Бог весть, но мать видела, как отец сердчало сплюнул в костёр и стал перебирать в телеге мешки и узлы.

– Ну, Бог не выдаст, свинья не съест, – Илья потрепал жеребца по шее, да и, раздевшись до морского тельника... словно в атаку наладился, бескозырки ещё не хватало... вскочил в седло, куда отец подал хольшовый куль с ляжками, навроде поняги. Проехал вдоль полой воды, спустился в речку. С натугой одолевая стремительное течение, охлестывающее брюхо, скользя по камням, жеребец косым, извилистым путём всё же пересёк Уду. Мать молила Бога, суетливо и мелко крестясь, ребятишки обморочно следили за братом, а когда Сивка выскребся на берег, запрыгали, загомонили галчатами, а потом кинулись встречать братку. А как он сполз с седла и свалил наземь заплечный куль, Ванюшка с Верой повисли у него на плечах, приткнулась и мать, мокрая слезами и без того сырой тельник.

Илья сплавился ещё туда и обратно, а в третий раз, для надёжности привязав Гнедуху за узду к жеребцову хвосту, перебрался с отцом, прихватив уже все припасы. Навьючив коней, тихонько шли к дому, и матери так хотелось, чтобы дивом-дивным, чудом-чудным все её дети – пятеро сыновей и три дочки – сели за один пасхальный стол, обнялись...

– Ну, слава Те Господи, и Пасху Христову, как путние, отведём. Кулич испеку... Да, Илья, что-то Майка не может растелиться. Вроде, уж все сроки вышли... Ты уж, сына, погляди...

– От ить верно, а... – засмеялся отец, – пусти бабу в рай, она и корову туда волочит...

Задав лошадям сена и овса, мужики тут же пошли глядеть Майку, и Ванюшка припарился, тоже, вроде, мужик. Илья помял корове вымя, ощупал живот, заглянул под хвост и беспечно махнул рукой:

– Однако, паря, отелится под утро. Да все, вроде, ладно. Не первотелка же...

Обрядов церковных Краснобаевы не держались, а и ведала про них лишь набожная мать, да и та их никому не навязывала, а потому, хоть и пошла Страстная седмица скорбного поста, семейство на радостях сладило встречины. И постных, и скоромных наедков теперь хватало, а спирт казенный у ветеринара завсегда под рукой. Мужики выпили, крякнули, занюхали сивушный дух, но разговор застольный не сладился: то ли приморились, то ли помимо их худобожей воли прошепталося прямо в души про Страсти Господни. Петь Илья не собирался, да и какая песня без баяна, но вдруг, о чем-то неведомом закручинившись, видно, томило душу горькое предчувствие короткого века... обнял мать и печально запел про то, как глухой неведомой тропю бежал бродяга глухой сибирскою тайгой:

*Умру-у, в чужой земле заре-оют,
Запла-ачет маменька моя-а.
Жена найде-от себе друго-ого,
А ма-а-ать... сыночка никогда-а...*

Мать отвернулась, потом, выскользнув из-под сыновьей руки, накинула мерлушковую душегрейку, платок и, всё так же не оборачиваясь к столу, вышла из избы. Отец недвижно глядел притуманенными глазами на вялый желтоватый огонёк за протёртой стеклой, словно упрекал Илью: что же ты, сына, душу-то рвёшь?!

– Как вы, Илья, с Фаей-то поживаете? – пылливо глядя на сына, спросил отец.

Илья глянул невидяще, поморщился и махнул рукой.

* * *

Месяц залил ограду восково-белым свечением, где едва зримо дымит ладаном молитвенная песнь, – не то во здравие, не то за упокой; мать кладёт поклоны и ярко блестящим звёздам – душам праведных отичей, дедичей, и Млечному пути – дороге ко Гробу Господню, и слезливым шепотком молится:

–...О всемилостивая Госпоже Владычице Богородице! Воздвигни нас из глубины греховная, и избави нас от глада, губительства, от труса и потопа, от огня и меча, от нашествия иноплемennых и междоусобных брани, от напрасныя смерти, и от нападения вражия, и от тлетворных ветр, и от смертоносных язвы, и от всякого зла. Подай, Госпоже, мир и здравие рабам Твоим, – Петру, супругу, чадам моим: Степану, Егору, Ильей, Алексею, Шуре Татьяне, Ивану, Вере да зятю Фелону, да молодухам моим – и всем православным христианом, и просвети им ум и очи сердечныя, яко ко спасению...

Слёзно просит мать Царицу Небесную за отца, сынов и дочерей, за Фелона зятя, за молодух, поминая особо Ильюхину Фаю, а Ванюшка спит на вышке, притулившись к жаркому Илье, но, словно от неведомого толчка, просыпается, подползает к слуховому окошку, прослыша материн говорок, и видит, как молится мать, как скорбно качается на бревенчатом заплоте, на поленнице дров долгая материна тень, и так жалко матушку, так жалко, что парнишка отползает к войлочному потнику, утыкается лицом в полушубок, вместо подушки брошенный в изголовье, и мочит, солит слезами кислую овчину. Илья спросонок пригребает его к себе, и парнишка затихает, словно влетел с мороза в протопленную избу и прильнул к надёжному и тёплому печному боку.

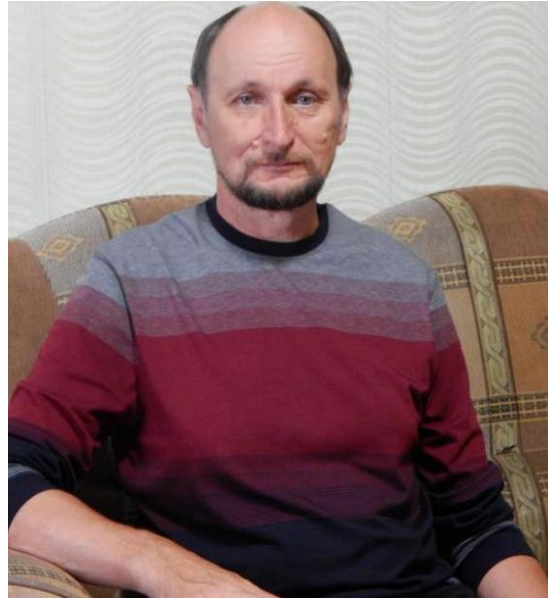
* * *

Через много лет лишь, бывало, помянет Иван матушку, как и услышит её шепотливые молитвы, узрит её побуревшие, облупленные иконы, от которых уже и след остыл; и тут же со свирепым раскаяньем помянется время, когда семья кочевала из Сосново-Озёрска в город, когда Иван, уже бойкий студент, под шумок прибрал к рукам медный

образок Пречистой Девы и приладил его в общежитии над койкой, где криво-косо висели заморские картинки: пороссячи розовые девахи в тёмном бельишке, навроде мелко-ячеистой рыбацкой сети, в которой путаются прелюбодеи. О ту пору вышла мода на иконы, как и на голубые, добела протертые на заду и коленях тexasские штаны с коробистыми, лихо завернутыми гачами. Образок Пречистой Девы, приподнявшись на измаянной постели, голой рукой ...и не отсохла... сняла себе в дар огненно-рыжая, как лиса на окровавленном закате, настырная и мимолётная Иванова зазноба; и он, как в греховном гное, валяясь на сырой и сбитой в комок простыне, не смог отказать в припадке униженной благодарности и раздирающей его до скрипа зубов вины перед ней, оскорбленной уже и тем, что ничего в Ивановой душе не ворохнулось под утро, светом своим немилосердным выветрившим похотливый пьяный дух. Надо было чем-то отдариваться, коль любви не вышло... Потом он люто ненавидел себя за Пречистую Деву, и не потому что святое вмял в потную простынь ...не верил ни в Бога, ни в беса и не кривлялся, изображая из себя богомольца... а потому что рвала душу вина, будто дом свой родной вместе с матерью выменял на беспамятную, звериную ночь с огненной ведьмой. Как в блатной песенке: «...С какой-то лярвой пропивал я отчий дом...» Но, чтобы не спалиться дотла в ненависти к себе, пробовал утешиться хитромудрыми мыслями: дескать, может, растерянной душе рыжей блудни, до треска затянувшей бабий зад синими штанами, и нужна Пречистая Дева, от которой явится спасительное раскаянье. Он ещё пытался правдами-неправдами вызволить материн образок, подсовывая вчерашней зазнобе на выбор книги Булгакова и Набокова, за которые на «чёрном рынке» ломили бешеные деньги; но дева, как собака на сене, лишь учуяла, сколь дорог Ивану медный образок, так упёрлась, что и не спихнёшь, – может быть, от непереносимой обиды на Ивана за его нелюбь, за то, что не смог хоть через силу проворковать ночью любовные слова, а такое не прощается.

Когда мать доживала свой век у Татьяны, давно уже перекочевавшей в город, где дочь позволила ей держать печатную иконку в посудном серванте рядом с фарфоровой посудешкой, молилась она всё же в красный угол, близоруко всматриваясь во вмазанную в стенку вентиляционную решётку; крестилась мать о ту пору вроде по привычке, какая жила с ней от самого рождения, как привычка всякое утро, гожее или непогожее, студено жгучей водой споласкивать с лица грешные остатки сна или чесать частым гребнем свои до старости густые тёмные волосы. И всякий как раз, печально глядя на молящуюся мать, вспоминал Иван, повинно опуская глаза, промотанный им медный образок Пречистой Девы.

Иннокентий Темников

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО ИННОКЕНТИЯ ТЕМНИКОВА

Если бы меня попросили написать обобщённый образ-портрет современного сибиряка, я бы непременно запечатлел в нём что-то от Иннокентия Темникова. Его лукавые светлые глаза; вкрадчивая мягкость голоса, таящая в себе своё, наособицу, мнение; умелые зрячие руки, творящие чудеса из бересты, из коряг и плавней⁵⁹; дышащее здоровьем тело, не изобилующее мышцами, но выносливое и пригодное для изморительных плутаний по тайге – эти и другие собирательные черты человека, для которого характерно особое миропонимание, самостояние, мне встречались не раз в сибиряках, с которыми я ходил по грибы и ягоды, ездил на рыбалку, оживал вместе с ними в сибирской баньке...

То, что для него тайга, Байкал – это не просто территория, а смысл простого добротного сибирского бытия – знаю не понаслышке.

В связи с этим вспоминается один случай, который произошёл в бытность нашего учительствования в Слюдянке. В конце 90-х годов мы «оказались» с Иннокентием на областном конкурсе «Учитель года».⁶⁰ Поехали на этот конкурс не побеждать кого-то, а скорее приятно провести время: пообщаться с передовыми учителями области,

⁵⁹ Плавни – части деревьев, выброшенные на берег Байкала штормом.

⁶⁰ Автор этих строк сопровождал И. Л. Темникова, победителя районного конкурса «Учитель года» как представитель Слюдянского отдела народного образования.

познакомиться с интересным педагогическим опытом. Неожиданно наша с ним «интеллектуальная прогулка» чуть было не обернулась первым местом в этом авторитетном педагогическом форуме. Причём без видимых усилий Иннокентия Львовича. То есть ничего специально он для этого не делал – просто был самим собой: проводил, как и все, открытые уроки, участвовал в промежуточных конкурсах, отвечал на вопросы и т. п. И наверняка стал бы победителем, если бы вдруг, уже перед последним конкурсом с ужасом не осознал, что победитель должен ехать в Москву представлять педагогическое сообщество Иркутской области на всероссийском конкурсе. И должно это было произойти вначале июня, когда по многолетней традиции Иннокентий ходил на Хамар-Дабан за молоденькой черемшой... Только от одной мысли, что он пропустит это одно из самых важных в его жизни «мероприятий» из-за подготовки и поездки на всероссийский конкурс, у него на голове в ужасе начали подниматься остатки кучерявых волос...

Вот тогда-то я и понял: не за какие коврижки Иннокентий не променяет своё долгожданное общение с тайгой на общение со златоглавой. Ему стоило немалых усилий, к разочарованию жюри, увильнуть от первого места, потому что он был наголову интереснее всех остальных участников, которые, кстати говоря, были преимущественно женского пола. Словом, второму месту он обрадовался гораздо больше, чем первому.

Когда же он, «выработав стаж»⁶¹, ушёл из школы в МЧС России, я этому несколько не удивился и по-хорошему порадовался за Иннокентия. Это было естественным продолжением его жизненной философии: приходить на помощь людям и быть ещё ближе к тайге, к Байкалу. Он уже до этого долгие годы ходил по байкальским тропам, рубил зимовья, водил туристические группы, совершал разные чудаковатые поступки, наподобие установления православного креста на Пике Черского, который описан в одной из его бывальщин.

Не удивился я и тому, что Иннокентий начал писать и хочет издать свои «иннокентики». Главный их герой некий сибирский Козьма Прутков. Этот достаточно сложный литературный персонаж на самом деле прост и понятен каждому нормальному человеку, потому что самоирония – важный «двигатель» самостроения личности. Иннокентий, ясно море, склонен созидать, а не разрушать, в том числе самого себя. При этом литературное кредо его достаточно просто сформулировано в одной из иннокентевок:

⁶¹ И. Л. Темников проработал 20 лет учителем труда в средней общеобразовательной школе.

«Толщина книги ещё не свидетельство её мудрости. Если из книги вычеркнуть лишние слова останется афоризм. От большинства книг ничего не останется.»

Кто пишет для поучения других людей – тратит время попусту. Кто искренне пишет о себе – подарит другим людям свой мир, даст возможность другим людям увидеть и узнать в себе их собственные чувства и мысли. Как в волшебном зеркале, в другом человеке увидеть отражение себя».

Возможно, вольно или невольно на этот творческий поступок вдохновил его и я. Если это так – не раскаиваюсь... Наши с ним беседы в «философской баньке»⁶², которую они с другом Александром соорудили на берегу Байкала вдохновили в своё время меня на возврат к качественной (следовательно – немассовой!) журналистике.

Видя перед собой Иннокентия и таких же чудаковатых его друзей, вдруг понял, что для таких людей писать стоит...Точнее, с такими интересно общаться посредством публикации своих журналистских публицистических исследований. И теперь, когда я что-нибудь пишу, всегда представляю их в качестве своих читателей. А таких людей, как я убедился за последние годы, у нас в Сибири достаточно много. По крайней мере, гораздо больше, чем нас пытаются в этом убедить в средствах массовой информации. Вот почему до сих пор мне ещё хочется писать, то есть жить.

Иннокентий, передавая мне свою рукопись, сказал, что написал её для своих друзей и семьи. И я точно знаю, что это не кокетство начинающего автора, а особая правда. Правда, очень важная для обыкновенного человека. По моим наблюдениям и наблюдениям некоторых моих коллег журналистов и писателей⁶³, в последние десятилетия начал появляться особый род народной письменной литературы, которая сознательно ориентируется на небольшой круг читателей и выходит в свет «штучным тиражом». Её авторы – люди, которые не ставят перед собой цель донести до человечества какую-то новую истину или поразить их воображение невиданной формой литературного произведения. Они, используя современные технические средства и право свободно самовыражаться, данное обществом, берутся за перо, чтобы поделиться с близкими им людьми своими мыслями, чувствами (мысли должны становиться книгами!) и оставить о себе добрую память... Как это по-человечески правильно – «объясниться» ещё при жизни с теми, кто тебе дорог. И разве не естественно желание любого человека сделать хоть что-нибудь, чтобы о нём как можно дольше помнили? Нет, не абстрактное

⁶² В двенадцатом номере сибирской литературной народной газеты «Александровский Централ» вышла в свет зарисовка «Философская банька Иннокентия Темникова» (№2 (12) 2002г.), в которой впервые мною было рассказано об этом интересном человеке.

⁶³ Д. Карелина, гл. ред. [http:// www.boiee-drugot.ru/](http://www.boiee-drugot.ru/) Мысли должны становиться книгами (10 причин издавать книгу малым тиражом).

человечество, а твои дети, внуки... Особенно это важно сегодня, когда мы наяву наблюдаем разрыв между поколениями, испытываем острый дефицит знаний о жизни наших ближайших родственников. Разорванные родовые связи пагубно сказываются на полноценном осознании того, что мы представляем собой как личности, зачем мы были явлены этому миру, каково наше предназначение для будущих потомков. «Фома, не помнящий родства» напоминает дерево с обрубленными корнями, которое засыхает, не способное духовно плодоносить и производить новые жизненные смыслы. Книга способна выполнить эту родовую функцию, способствовать продолжению межпоколенческих связей на уровне одной семьи. А значит и на уровне общества в целом. Разумеется, это не обязательно должно быть художественное произведение. И, разумеется, это может быть не только книга, а иной «информационный продукт» (фильм, фотографии, аудиозапись и др.), способный доставлять информацию на личностном уровне от одного поколения к другому.

Мне, как человеку по понятным причинам предвзятому, ближе живое письменное слово. На мой взгляд, перед величием слова меркнут рампа, краски, звуки, светотени и т. п. Оно было и есть средоточие чувств, мысли и некой невыразимой тайны, дарованной нашими предками... Со слова начинается человек мыслящий и остаётся таковым до последнего слетающего с его уст слова-вдоха, когда душа покидает брэнное тело и устремляется с ним в божественную высь, в вечность...

Я оказался в числе друзей Иннокентия. Не скрою – мне это приятно. Это значит, что наш разговор-беседа в его «философской баньке» продолжается. И как бывает во время таких бесед, мы не читаем нравоучений, не устраиваем дебаты, а просто слушаем друг друга, наслаждаясь откровенностью и доброжелательностью собеседника. Хотите окунуться в эту волшебную атмосферу желая понять друг друга, т.е. принять участие в нашей беседе? – Читайте иннокентики и бывальщины И. Темникова. Если что не понравится – не обессудьте, если это ваше – мы искренне рады. Как говорит Кеша: «Не любо – не слушай, а врать не мешай».

Я очень жалею, что нам нечасто удаётся увидеться, пообщаться с глазу на глаз. Но глубоко убеждён – между нами существует (и теперь будет ещё крепче!), какая-то невидимая духовная связь. По крайней мере, мне кажется, я от Иннокентия «подпитываюсь» самоиронией, желанием постигнуть самостоятельно часто непростые жизненные смыслы. И для меня лично это очень важно.

Александр Гордин

ИННОКЕНТИКИ

Иннокентий и совесть

Иннокентий лежал на диване. Пузо мёрзло, но вставать не хотелось. Лежать было уютно и покойно. Гармонично...

В жизни нет покоя. За этим строго следят свыше. Нас вечно что-нибудь потревожит: голод, похоть или зависть. На этот раз внезапно проснулась совесть :

– Вставай безумец, жизнь проходит! – уколола она.

– Отстань, – привычно отмахнулся Иннокентий.

– Другие вон что, не то, что ты, – не унималась совесть. – Наполеон в твоём возрасте был императором.

– Он плохо кончил.

– Чингисхан и Тамерлан создали великие империи. Ротшильд и Морган нажили огромные состояния. – Совесть не кололась, а била под дых. – У соседа новая машина, а твой друг женится в третий раз! – Это был удар ниже пояса.

– Лучше бы они сдохли, не вставая со своих диванов! – заорал Иннокентий. – Поля Азии и Европы не покрылись бы могилами воинов, сотни тысяч людей не потеряли бы имущество и деньги, которые у них отобрали банкиры, ещё одна женщина не стала бы несчастной, как две предыдущие... А машину я могу купить, но мне не надо.

Красноречие

Иннокентий был так красноречив, что мог уговорить собственную совесть.

Косоумие

– Ты скоро окосеешь над своими книгами! – смеялись приятели над Иннокентием.

– Лучше косоглазие, чем косоумие, – смеялся он в ответ.

Быть

В двадцать лет он думал: «Хорошо быть молодым, сильным, дерзким». В сорок: «Хорошо быть уверенным, достигшим, много пережившим». Сейчас: «Хорошо быть!»

Самоубийца

Иннокентий на мосту встретил самоубийцу.

– Что ты хочешь? – спросил Иннокентий.

– Хочу умереть, – ответил самоубийца.

– Глупец, радуйся, что хоть чего-то хочешь, – сказал Иннокентий и прошёл мимо.

Холод

– Иннокентий, какой месяц был самый холодный?

– Нелюбовь – самое холодное время года.

Иннокентий и Вселенная

Иннокентий лежал на диване. Вокруг звёздным пузырьком раздувалась Вселенная. Галактики уносились друг от друга, чернели чёрные дыры, солнечный ветер нёс космический мусор. Гравитация собирала космическую пыль в новые галактики, вспыхивали новые солнца, выгорали, обрушивались внутрь себя, взрываясь сверхновыми. И эта Вселенная, и этот продавленный диван, и сам Иннокентий, и вся Земля, населённая мириадами живых существ, вся эта череда жаждущих еды и секса тварей, которые жили до него, и чья эволюция создала его, и всё живое вокруг него было создано для того, чтобы родился и жил Иннокентий.

Высшая справедливость была в том, что каждый из ныне живущих людей мог про себя сказать то же самое. Иннокентию нравилась справедливость.

Раскаяние

Иннокентий был у Гроба Господня. Пытался каяться. Религиозного экстаза не испытал.

– Наверное мало грешу. – подумал Иннокентий.

Взор

Бог смотрит на нас глазами тех, кто нас любит, и тех, кто нас ненавидит. Не видит нас глазами равнодушных. Так чувствовал Иннокентий.

Друзья

– Сын мой! – говорил Иннокентий. – Береги и цени дружбу.

Есть друзья, как алкоголь. В малых дозах радость и веселье, в больших – головная боль.

Есть друзья, как вода. Когда они рядом, не замечаешь, без них жить не можешь.

Старые друзья нам дороги, как часть нашей молодости, новые, как часть будущего.

Горе

Который день Иннокентий был в горе, но кушать всё равно хотелось.

Привязанность

– О, человек, – говорил Иннокентий. Не привязывайся к вещам – их могут украсть, не привязывайся к друзьям – они могут предать, не привязывайся к жизни – можешь умереть ты.

Но сам чувствовал, что привязывается, ведь он был человек.

Истина

Иннокентию открылся свет истины. Он со всех ног бросился к людям.

– Моя истина, как солнце. Вы можете не верить в солнце, но день всё равно наступит! – орал Иннокентий. Он так торопился, что не смотрел под ноги, запнулся и упал. Свет истины померк в его глазах. Так Иннокентий не спас человечество.

Сомнения

Тропинка раздваивалась. Иннокентий, не сомневаясь, свернул налево. Через полчаса вкрались сомнения, через час он не сомневался, что заблудился.

– Умный от дурака отличается тем, что сомневается. Только, как определить в каком месте сомневаться необходимо? – озадачился Иннокентий.

Материалист

– Не знаю, есть ли во мне душа, не видел. Дерьмо точно есть, – утверждал Иннокентий. Он был материалистом.

Проблема

Проблема стояла как скала. Иннокентий попробовал обойти её. Не получилось. Перешагнуть или убежать от неё не удалось. Проблема была с ним.

– Она часть меня, я часть её, – дошло до Иннокентия. Нерешаемые проблемы не решаются, потому что мы части этих проблем. Измениться самому трудно.

Пост

Иннокентий решил держать пост, чтобы обрести кротость и поразмышлять о смысле жизни. О смысле жизни не думалось, думалось об еде.

– О смысле жизни заботятся сытые, праздные бездельники, – со злостью подумал он, – большинство думает, как выжить!

Как приходит мудрость

Иннокентий с младых ногтей любил потешаться над слабостями ближних, что стоило ему многих потерь. После очередной ссоры он решил, что самое безопасное смеяться над собой. Не только никого не обидишь, но и сойдёшь за умного.

Взросление

К пятидесяти годам Иннокентий так полюбил себя и так ему стало плевать на других, что он мог позволить говорить себе и другим правду, а не те слова, что от него ждут. Так он стал взрослым.

Одиночество

Иннокентий лежал на диване и страдал. Его тонкую возвышенную душу поразили тяжкий вирус разочарования и неверия в себя. Сегодня он вдруг ощутил с беспощадной ясностью, что жизнь прожил зря, он ничего не добился, не свершил, не написал, не построил, не посадил и не вырастил. Жизнь была такая длинная, что успела принести разочарование в любви, друзьях, соотечественниках, прогрессе и религии, и такая короткая, что он её не заметил. Здание наивной веры, которое он возводил всю жизнь, рухнуло, размозжив его душу тяжёлыми обломками бывшего щенячьего оптимизма и надежды... И ни один человек на земле не заметил катастрофы, не поспешил его утешить, ни одна женщина не взяла его лицо в свои прекрасные руки, не заглянула в его усталые глаза любящим взглядом и не пожалела.

Иннокентий почувствовал, как сжалось сердце, и на глаза навернулись слёзы. Из кухни вкусно пахло. Жена жарит мясо, и это отвлекало. Иннокентий встал и закрыл дверь. Никогда никто не узнает его прекрасных, возвышенных мыслей, не оценит игры ума, тонкости вкуса!

На кухне стихло, жена, похоже, закончила жарить мясо, поставила его в духовку томить, как он любил, и включила стиральную машинку. Немецкая машина работала почти бесшумно. Но обнажёнными от горьких страданий чувствами он ясно воспринимал (кажется, не ушами, а всем воспалённым мозгом), как шум воды сменился звуком хлюпающего грязного белья во вращающемся барабане. Иннокентий брезгливо поморщился.

«О, Муза, почему ты меня покинула, сладкоголосая?!» – мысленно возопил он.

Почему-то Муза в его представлении всегда являлась в виде длинноногой блондинки с высокой грудью, ангельским личиком и сияющими большими, чуть порочными глазами. Чуть порочные глаза – это было важно, потому что Иннокентий слишком быстро начинал идеализировать женщин, которые ему нравились, и это мешало ему с ними спать. В чистые отношения в его возрасте с гулящей своенравной Музой он не верил. Жена включила пылесос.

«О-о-о!, – подумал горестно Иннокентий, – о, если бы она на меня обращала внимание больше, чем на пыль на ковре, я бы был много счастливее...»

И он засунул голову под подушку, что бы не слышать назойливого звука пылесоса и сосредоточиться на своём страдании и одиночестве.

БЫВАЛЬЩИНЫ

Спичка

Иннокентий почти сутки брёл по хребту. Третий день в горах шёл дождь, порой сменяясь мокрым снегом. Короткая щётка мха на склонах, рыжие лишайники на камнях пропитались водой, стали скользкими, и ноги противно разъезжались, вытягивая силы из мышц. Серая пелена вокруг временами светлела, и тогда он начинал различать светлые пятна снежников на хребте и пунктир тропы, который полз по склону, часто теряясь в зарослях стланика и на скалах. С Байкала напознала следующая пелена, становилось темно, как в сумерки, и всё вокруг начинало сочиться водой: и серые камни, и заросли рододендронов, и кедровый стланик, и сам воздух. В детстве часто хотелось оказаться в облаке, потрогать его руками. Сейчас он был в облаке. Облако хлюпало в сапогах, сбегало по накидке и брюкам. Иногда тропа пропадала, и приходилось проламываться через заросли. Тонкие струйки воды с неба сменялись ледяными потоками с кустов. Иннокентий уже перестал дрожать. Тело оставило безуспешные попытки согреться и перешло в режим сбережения. Ничего хорошего это ему не сулило. О холоде лучше не думать. Лучше всего думать о зимовье, тепле, еде. Из еды у него остался один ореховый батончик. Нет не так. В рюкзаке у него было достаточно еды, но рюкзак он утопил при безуспешной попытке перейти внезапно поднявшийся ручей, за одни сутки ливня превратившийся в мутный поток. Пришлось возвращаться хребтом. Спускаться по тропе вдоль реки, лазить в дождь по прижимам или пытаться «бродить» поднявшуюся реку представлялось безумием. Батончик лежал в кармане куртки, потому уцелел. От холода болело всё тело, мысли путались, каждый шаг давался с трудом.

Туман сгустился. Всё стало неузнаваемым, тропа исчезла. Наверное, надо остановиться и вылить воду из резиновых сапог. Но он продолжал идти. Сил на лишние движения не было. К тому же вода в сапогах слегка нагрелась, и было жаль терять тепло.

Подул сильный ветер, обещая изменение в погоде, стало ещё холодней. Струи дождя летели почти горизонтально. Хотелось забиться в камни или под стланик, свернуться калачиком, согреться. Вот где-то есть жаркие страны, где в июне не бывает дождя со снегом, там прекрасные мулатки пьют мартини и занимаются любовью на пляже под звёздным небом... Иннокентий потерял равновесие и чуть не упал. В походе, когда кто-нибудь запинался, он всегда смеялся: «Бабу вспомнил!». Сейчас даже не улыбнулся.

Окончательно стемнело. Хребет едва различался на фоне чуть более светлого неба. Слева скорее угадывался, чем виделся провал

долины с безымянной речкой, где много лет назад он с другом поставил зимовье.

В долине тропы не было. Идти стало труднее. Ноги увязали в высокой траве. Но ветер внизу не так свирепствовал. Какой-то краешек сознания постоянно помнил о шоколаде в кармане, но это был последний запас, и Иннокентий не хотел его трогать. Дно долины было заболочено. Сильно пахло черемшой. Иннокентий несколько раз упал, запнувшись о кочки. Больно уже не было, было обидно за своё ставшее непослушным тело. Оно жаждало покоя и тепла. О тепле умоляла каждая мышца, каждая связка, каждая клетка тела.

Пень он увидел внезапно. Пень от спиленного много лет назад дерева для Иннокентия означал жизнь. Пень – признак зимовья. Зимовье было тут же за знакомым огромным в пол-избушки камнем. Маленькая дверь подпёрта полкой. По остатку костра и консервным банкам было видно, что с зимы сюда никто не приходил. За годы, что он здесь не бывал, и дверь, и само зимовье будто усохли, стали меньше. По стене с прохудившейся крыши сочилась вода.

Старый спальный мешок лежал на знакомом коврике из пенки. Бестолковые туристы не подвесили его, и мыши изрядно потрудились над спальником. Синтетическая набивка и ткань по краю мешка были все изъедены. Иннокентий вытряхнул мышинные катышки, разделся догола и завернулся в сухую ткань. Через какое-то время его стала бить дрожь, это тело пыталось согреться.

«Вот бы найти спички, печку затопить!» – стал мечтать про себя Иннокентий. Его коробок со спичками размок в кармане, превратился в кашу, а зажигалку унесло с рюкзаком. В зимовье спичек не было. Он проверил всё. Нашёл только пустой спичечный коробок с окурком сигареты.

– Если бы мне сейчас спички, хоть одну спичечку, я бы уж развёл огонь, – размечтался вслух Иннокентий. А про себя подумал: «Я бы не стал спешить. Спешкой всё испортишь. Вначале нужно настрогать много стружек. Приготовить щепок покрупнее. Можно настрогать «ёжиков». Это когда от щепки стружку не отделяют до конца, и вся щепка покрывается тонкими стружками, как ёжик иголками. Потом всё нужно уложить в печку аккуратненько, вначале стружки помельче, затем чуть крупнее, сверху шалашиком «ёжики». Для верности можно сделать трут из ваты, вон она торчит из рваной фуфайки...».

Он посветил брелком-фонариком на фуфайку. Хорошо хоть этот не уплыл вместе с налобником в рюкзаке.

– Стоп. Фуфайка. Фуфайка это карманы. А карманы это!..

Спички в карманах были, были две целые, замечательные, сухие спички. Свой старый топор он нашёл под крышей. Двадцать лет назад он был острый, но это был, несомненно, он, хоть от топорщица осталась одна кочерыжка, а обух лопнул.

Огонь Иннокентий развёл, почти как мечтал – с одной спички. Из-за тупого топора не вышли только «ёжики». Зато топор прекрасно

расщеплял полешки и ломал ветки. Вторая спичка была бережно уложена в кусочек ваты из фуфайки, вата в коробок, коробок завернут в непромокаемую плёнку.

Зимовье прогрелось быстро. Жизнь налаживалась. На полке стоял знакомый котелок с ручкой из тонкой проволоки, чтобы не нагревалась от костра. Котелок они нашли с другом в сгнившем зимовье охотника, а ручку он приладил сам. Сколько в этом котелке было сварено каши. В молодости с другом они любили кашу-абалаковку, и часто её готовили. Абалаковка – это манная каша на молоке с изюмом. На костре манную кашу приготовить – целая наука. Проще научиться бить крючья и вязать узлы. Секрет этой каши в том, что в кипящую воду надо тонкой струёй всыпать крупу, непрерывно помешивая. Разведённое предварительно сухое молоко влить позже. Соль, сахар, масло и изюм по вкусу, если они есть.

Есть захотелось так, что замутило. Он не ел уже сутки. Холод и проклятая ходьба высосали из тела всю энергию. Можно съесть ореховый батончик, но до населёнки выбирать ещё целые сутки. Вот бы найти заначку! Иннокентий вспомнил, как другой его друг на работе на лавине забросил несколько банок сгущёнки в снег, и как они летом радовались, когда нашли их. Значка – это вариант. Он вспоминал, куда они обычно прятали продукты, куда бы он спрятал, если задался такой целью.

Ржавую, но целую банку сайры и две литровые стеклянные банки с винтовыми крышками он нашёл в дупле засохшего кедра в десяти метрах за зимовьем. Кедр, в котором они с другом прятали продукты, сгнил, это был другой кедр, но продукты в нём были. Их спрятали давно, потому что сейчас продукты никто не прячет, их просто выбрасывают или оставляют на столе на радость местным мышкам. Сайру пришлось выкинуть. Стеклянные банки были полные, в одной оказался сахар, в другой – гречка.

Запах варящейся гречи наполнил зимовье. Иннокентий не спешил, ел долго, со вкусом, смахивая капли пота с носа. Заварил крутой кипяток листьями брусники и смородины. На полу под босую ногу несколько раз попадала пластиковая бутылка, и он закатил её под нары, чтобы не запнуться.

Сытость пьянила. Иннокентий попытался улечься. Все мышцы болели, расслабиться на твёрдых нарах не получалось. Он вспомнил, как в молодости спали на пенопластовых ковриках в палатке на камнях или леднике. Не помогло. Тогда помогал расслабиться глоток спирта, который Док наливал в крышку фляжки, обычно хранившуюся у него рюкзаке. Однажды они притащили в это зимовье в стеклянной бутылке горькую имбирную. Им на два года хватило этого ужасного пойла, чтобы по приходу сюда чуть плеснуть на дно кружки, выпить, захмелеть и весь вечер быть пьяными от спиртного и усталости. Эх сейчас бы завертушечку! Теперь спиртное в стекле сюда никто не носит, носит в пластике. В пластике! А чего там в бутылке под столом?

В бутылке была водка, немного, но много и не надо. Согревшиеся теплом, едой и спиртным мышцы расслабились. Отблески огня от печки причудливо играли на потолке. Иннокентий временами проваливался в сон. По крыше стучал дождь, струйки сливались, падали на землю, журчали, будто женщина лепечет ласковые слова. В лесу и вокруг зимовья непрерывно шуршало и шумело, словно кто-то ходит, иногда казалось, что за стеной говорят или далеко шумит мотор. От живого тепла печи, горячей еды и спиртного тело согрелось. Мысли лениво текли в голове, цепляя одна другую. Вот если бы сейчас сюда в его тепло и уют вошла усталая путница, такая же замёрзшая и мокрая, каким он был недавно. Он понимал – это невозможно, но даже не удивился бы, если это произошло. Судьба в этот вечер давала ему всё, что он просил.

Иннокентий ещё раз подбросил дрова в печь, выбирая самые плотные, сучковатые поленья, которые будут дольше гореть. Последней мыслью, перед тем как заснуть, было: если судьба даёт человеку всё, о чём он мечтает, он тут же желает большего.

Вечером другого дня Иннокентий был уже дома. Шоколадку съела младшая дочь, а коробок со спичкой выбросила жена, когда стирала его вещи.

Крестоносцы

В конце последнего года двадцатого века приснился одному слюдянскому предпринимателю странный сон. Приснился ему некто, кто строгим голосом сказал:

– Миша, в честь двухтысячелетия Господа нашего Иисуса Христа воздвигнуть надо на горе высокой пике Черского крест памятный. Очень удивился Михаил такому сну. Не был он человеком слишком праведным и слишком религиозным, но странный сон запал ему в душу и не давал покоя. А может, Михаил хотел искупить грехи предпринимательские периода первоначального накопления капитала. Пошёл Михаил к батюшке местному.

– Благое дело задумал ты, сын мой, – сказал батюшка и дал своё благословение вместе с советами, в какую сторону ставить ликом, какие гвозди аль шурупы использовать, чтобы потёков ржавчины избежать. Утвердился Михаил в своём намерении и стал думать, как исполнить сказанное. Брус шестиметровый сухого дерева был у него. Чтобы занести груз тяжкий на гору высокую, сильные ноги надо, и сразу вспомнил Миха друга Александра – альпиниста и крепкого малого.

– Хоп, я участвую, – сразу согласился Александр, хоть христианином был лишь по рождению, по вере же – кришнаитом.

Но крест деревянный памятный изготовить надо, прежде чем нести. И позвали они на помощь Иннокентия. Иннокентий в местной

школе сеял разумное, доброе, вечное, разжёвывал его и заставлял проглотить слюдянских недорослей, приучал головы думать, руки мастерить, а задницу терпеть. Короче работал учителем труда. Как преподаватель естественных наук, Иннокентий был скорее атеистом, но возможность существования высшего разума не отрицал. Иннокентий не был крещённым и православным считал себя условно, лишь как представитель великорусского народа.

Иннокентий согласился. Красота идеи покорила его. Крест изготовили в школьной мастерской, что близ церкви расположена. Брус распилили на три куска по два метра. Строгали много, чтобы брус хоть немного стал легче. Крестовину из двух кусков соединили в «полдерева». Вертикальный брус срастили из двух косым шипом, как корабельные мачты сращивают. Молитву «Отче наш» на берёзовой фанере искусно вырезал ещё один не очень хороший христианин, но хороший краснодеревщик, поэт и музыкант Вячеслав. Объединили друзей поиски истины и совместные посиделки в бане на берегу Байкала. Наверное, Бог не очень привередлив в выборе материала для нужд своих. Так люди выкладывают дорогу простыми булыжниками, а не ищут для мостовой драгоценные самоцветы чистой воды.

В двадцатых числах декабря крест памятный с молитвою изготовлен был, окрашен и упакован в рюкзак крепкий. В пятницу вечером Михаил с Александром затащили ношу по речке Слюдянке до карьера мраморного, а это километра три с половиною верных будет из двадцати пяти до пика. У Кехи уроки были, и помочь он мог только духовно, но и духовно не помогал, потому что, когда ведёшь урок, всё другое у тебя из головы вышибает.

В тот год зима всё не наступала, стояли оттепели. Вот и утро субботы выдалось тёплым и хмурым. Такие дни, если дома сидеть, кажутся унылыми, но для работы хороши. Декабрьское солнце, скрытое низкими облаками, катилось по гребню Станового хребта, и в долине Слюдянки лежала тень. Воздух чист и прозрачен. Конусы пихт, изогнутые стволы рябин и черёмух, стройные берёз и осин, кедры с раскидистыми ветвями, красные стрелы тальника, сливаясь, образуют единый чувственно-прекрасный лесной мир. В чёрных ветвях вспыхивают драгоценными камнями красные ягоды рябин. Всё вокруг живое и всё связано с тобой: и лес, и река, и камни, и горы, и небо. Ты часть мира, и мир часть тебя. Иннокентий ощущал, что вся вселенная вокруг, и ты, как часть вселенной, и есть Бог. Когда бежишь на лыжах, хорошо думается. Бесконечные распри людей о истинной вере кажутся безумием. Человечество напоминает гномиков, обнаруживших единый компьютер, от которого зависит их жизнь.

Одни гномики обожествили системный блок, другие клавиатуру, третьи мышку, четвёртые монитор и спорят, и убивают друг с друга с ожесточением, только свою веру считая истинной. Вероятно, истина сложнее. Бог это всё. Бог – вся вселенная и всё сущее в ней. Долгое

время Кеха не мог принять, что в мире все едят друг друга, пока не понял, что всё живое едино. Нет трагедии, что энергия от одной клетки организма перешла другой, она снова возникнет. Нет беды, что одна жизнь поглотила другую, раз всё едино. Жизнь снова возникнет. Иннокентий уважает религию своего народа, но не может принять стремление христианства создать систему запретов, которую ни один здоровый человек не исполнит, навязать человеку чувство вины, чтобы всю жизнь он жил с этим чувством, стеснялся своего тела, любовь к женщине считал греховной, боялся Бога, называл себя рабом и каялся, каялся, каялся. И всё это, чтобы через чувство вины и страх наказания управлять людьми. Искренне верующие церковники Иннокентию представляются инвалидами, которые от рождения лишены руки или ноги. Здоровыми они никогда не были и не знают, как хорошо пользоваться тем, что тебе дал Бог. Они научились изготавливать протезы и пользоваться ими. Один сделал протез деревянный, другой железный, восхитились, как хорошо им стало, и теперь спорят между собой, чей протез лучше, а здоровым людям предлагают отрезать живую конечность, чтобы стать такими же, как они, всучить им свой протез железный или деревянный, протез веры истинной. Большая часть священнослужителей – это просто чиновники или мошенники от веры. Кехин Бог не требовал бы, чтобы перед ним ползали унижено на брюхе. Кехин Бог никогда бы не потребовал от отца убить сына, чтобы испытать отца. В Бога жизни и радости хотел бы верить Иннокентий, его благодарить и его славить.

Бежать было легко, небольшой рюкзак за спиной не мешал.

– Крест из трёх частей, – рассуждал Кеха, – нас трое, значит каждому по бруску. Один брусок меня точно не задавит. Путь его не пугал, потому что был привычен. В те годы Иннокентий бегал по Комару, а это сорок пять километров лыжни по горам, не меньше десяти раз за зиму.

У карьера нашли припрятанный рюкзак, и Кеха предложил разделить ношу по справедливости, то есть поровну, каждому по двухметровому куску. Михаил не возражал. Но тут неожиданно этому решительно воспротивился Александр.

– Иисус нёс целый крест, и мы понесём целый, – категорично заявил он. – А если вы не согласны, я один его понесу. Сашка немного помолчал, а потом добавил:

– И, к тому же, я его так удобно упаковал.

Кеха вначале опешил от такого поворота, потом разозлился. «Конечно, он один утащит, упрямый чёрт. Сдохнет, но от своего не отступит. А мы кто будем, не мужики? И вся благодать от богоугодного дела ему достанется!» – пронеслись вихрем мысли в Кехиной голове.

Иннокентий знал, что спорить с упрямым Сашкой – только время терять, поэтому он молча снял свой рюкзак, отдал его Сашке и взвалил на плечи рюкзак с крестом. Александр не врал, рюкзак сидел удобно, крест хорошо упакован. Сил и злости хватило пронести груз

до подъёмов. В гору от Горелой поляны до метеостанции несли поочерёдно, сменяя друг друга. Нет лучше способа избавиться от раздражения и злости, чем работа. Кеха когда злится, бегает кроссы, а его жена убирается в квартире, поэтому они ни разу не скандалили друг с другом; Кеха в хорошей физической форме, а в доме всегда чисто.

После того как крест затащили до метеостанции, Иннокентий признал правоту Александра, крест в одной упаковке выглядел благородней и солидней. В декабре день короткий, но Сашка с Кешкой решили поднять с ходу ношу по древнему тракту, докуда сил и светового дня хватит. Света хватило, чтобы подняться на треть горного серпантина. Отсюда метеостанция казалась кубиком, оставленным в песочнице ребёнком.

В домике метеостанции в печи горел жаркий огонь. Две кошки уютно мурлыкали, выгибали спины, и тёрлись о ноги, выпрашивая вкусненькое. Лампа-семилинейка распространяла вокруг живой желтоватый свет и запах керосина. Скольким людям дала тепло эта печка из белёного кирпича, сколько усталых путников приютили эти старые стены, сколько песен спето и сколько выпито за простым деревянным столом. Всегда стой и живи – метеостанция Хамар-Дабан. Многие лета тебе и твоим служителям, продолжайте объяснять туристам, что вы метеорологи, а не синоптики, продолжайте отправлять на рыбалку в колодец, поить в жару холодным компотом и горячим чаем зимой.

Под шаманские заклинания метеостанщика: «Грейдер, грейдер я Хамар-Дабан...» – тарабарщину цифр спали плохо, дергаясь от усталости ногами, продолжая и во сне идти на лыжах. Чёрные пихты всю ночь махали в тёмном окне лапами и звали в скорый путь.

Утром вышли, когда невысокое зимнее солнце сквозь облака рассеянным светом, как сквозь матовое стекло, осветило гольцы. Намеревались выйти раньше, но собираться в потёмках не хотелось, и они припозднились. Подъём в гору быстро согрел. На свежем снегу мазь на лыжах хорошо держала. Поднялись до большого кедра с вязочками – подношениями горным духам. Ветерок с Байкала слегка шевелил разноцветные тряпицы и шнурочки. Здесь тропа раздваивается. Одна по склону хребта идёт на перевал Чёртовы ворота, другая, круто поднимаясь, к пику. За провалом реки Подкомарной синели отроги Бешечного хребта. Прорываясь водопадами, Подкомарная отсюда начинает свой бег к Быстрой и, слившись с ней водами, течёт к Иркуту. За тысячи лет река подмыла склон вулканического конуса, у подножья которого стоит метеостанция. По тропе не полезли, а обошли крутой подъём по гребню, где ветер сдул часть снега, и идти было легче. Справа уже были видны Чёртовы ворота, а пик всё ещё прятался за склоном, на который они взбирались. Наверху ветер бывает такой силы, что уносит снежный наст целыми пластами, вырезая причудливые узоры.

Здесь всюду чувствуется влажное дыхание Байкала. Длинная хвоя невысоких кедров вся покрыта блестящими мохнатыми кристаллами льда так, что самой хвои не видно, а деревья кажутся целиком отлитыми из хрусталя.

Они были уже выше границы леса, когда, наконец, из-за гольца выглянула глава пика с чёрточкой триангуляционного знака на макушке. Пик всё рос, будто древние боги вытаскивали из праокеана первую сушу, и вот он виден весь от подножия до вершины. Виден весь путь, который предстояло пройти. В горах никогда не бывает пути только вверх или вниз. Чаще, чтобы подняться, вначале нужно спуститься. Вот и сейчас им нужно спуститься на широкий перешеек с памятником, этот памятник погибшей в лавине девушке уже много лет напоминает путникам об осторожности. Пройти мимо памятника по перешейку и длинным крутым подъёмом забраться на голую предвершину, с гребня и макушки которой ветер содрал снег, обнажив острые камни; пройти узким, местами не шире обеденного стола, скальным, зубчатым, как пила, гребнем – и по заснеженному склону забраться на пик.

Лыжи сняли у памятника. Михаил с Александром были в ботинках с рифлёной подошвой и бахилах, Кехе пришлось переобуть лыжные ботинки на старенькие горные. Он спешил, глядя, как быстро удаляются фигуры его друзей. Когда торопишься – всё идёт не так. Ветхий шнурок на ботинке несколько раз рвался, а бахил не застёгивался, и когда Кеха выпрямился, Сашка с Михой ушли далеко. Михаил шёл впереди, выбирая путь, за ним Сашка. Санька чуть косолапит, и узнать его легко даже издали. Вот и сейчас его ноги торчат из-под рюкзака. За высоким рюкзаком самого Сашку не видно, и кажется, что рюкзак сам ползёт по склону.

Они несколько раз менялись, пока лезли на предвершину. Перед скальным перешейком рюкзак вновь надел Александр. Теперь Кеха выбирал путь и протапывал ступени в снегу, Сашка тащил крест, а Миха страховал. Слева скальный гребень круто обрывается в верховье Слюдянки, справа к озеру Сердце. Очертания озера в виде сердца легко угадываются даже под снегом.

В опасных местах в кровь гонит адреналин – и усталость отступает. На перешейке останавливаться и меняться было неудобно, и Александр тащил крест один. После перешейка гребень расширился, они вновь стали меняться. Последние шаги перед вершиной сделали, встав рядом друг с другом и взявшись за руки. Сердца радостно стучали. Мы сделали это! Всё видимое пространство от горизонта до горизонта занимали горы, лишь с одной стороны неостывший Байкал кутался в серое одеяло тумана. В хорошую погоду отсюда виден даже исток Ангары. С юга торчит брат-близнец пика Черского – пик Чекановского. Оба пика в пятидесятые годы названы в честь поляков, сосланных в Сибирь, и от скуки и безысходности начавших изучать её природу. Царская ссылка из революционеров сделала учёных.

На вершине троицу встретила только пирамида триангулятора. Туристы занесли и прикрепили к стальному уголку вышки билетный компостер. Это юмор такой туристский, специфический. Один из друзей Кехи затаскивал на свой юбилей сюда пудовую гирю.

Низкие серые облака буквально скоблили мягкими животами по вершинам гор. Вечнозелёный хвойный лес в долинах казался чёрным. Пока распаковывали рюкзак и собирали на никелированных, чтобы не ржавели, длинных шурупах крест, закрепляли доску с молитвой, вдруг в облаках возникло круглое отверстие – и столп солнечных лучей упёрся в долину. «Глаз бога» называют моряки такое явление. Внезапно небесный глаз повернулся, на мгновение залил вершину солнечным светом, снисходительно и с любовью, как на неразумных детей, посмотрел на друзей и закрылся. Они сочли это хорошим знаком. Наворотили кучу камней и сложили их пирамидой. В середину воздвигли крест ликом на восход солнца, и основание накрепко привалили камнями. Прочли по три раза «Отче наш» и спустились с горы. Дома были ещё засветло.

Ночью пришёл холодный фронт, запуржило, выпал снег, ударили морозы – и наступила настоящая зима.

Вопрос

Как не длинна зима в Сибири, но и она заканчивается. Промчались март и апрель, подарив весеннее солнце и замечательное время для катания на лыжах, прошёл май с первыми бабочками, цветами и клещами. Пришёл июнь, самое красивое и нарядное время на Хамар-Дабане летом. В долинах и по побережью уже отцвели подснежники и багульник; белыми душистыми облаками, севшими на землю, обратились кусты черёмухи; жёлтые и фиолетовые башмачки вырастили орхидеи для красавиц; в горной тундре рядом со сверкающими под солнцем снежниками вспыхнули целые поляны жарков; восковые цветы вечнозелёных рододендронов сплошным ковром укрыли гольцы; вдоль горных ручьёв и болотцев пробились сочные и пахучие побеги черемши, развернулись огромные листья ревеня. Лес надел свежий зелёный наряд, в котором, как ни старайся, не найдёшь ни одного жёлтого листочка. Начало лета прекрасно обещаниями. В изысканной Японии есть время любования сакурой, на Хамар-Дабане время любования цветущей горной тундрой. Не пропусти его.

Если пятьдесят километров по горам для вас тяжёлое испытание, а не приятная прогулка, вы логику наших героев не поймёте. Кеха с Таней и ребятами Кирышей и Анечкой пошли в лес отдохнуть, отвлечься от жизни городской, запыленной, подышать свежим воздухом, послушать шум водопадов и заодно собрать черемши. Собственно сбор черемши – это такой предлог два дня побыть в горах.

Незадолго до описываемых событий они закончили обустройство крохотной избушки за водопадами на Подкомарной. Конечно, туда легче и быстрее пройти от метеостанции, но когда семья дошла до Горелой поляны, у мужиков созрел план добавить заход на пик Черского, и чтобы маршрут был логичным и красивым, проложить его петлей от Горелой поляны к верховьям реки Сдюдянки, через пик к водопадам и оттуда к зимовью. Девчонкам была выдвинута версия осмотра цветения кустов жимолости с целью оценки будущего урожая. Сошли с основной тропы и по камешкам перепрыгнули маловодную в это время речку. Сдюдянка умеет прикинуться ласковой тихоней, но может и показать свой дурной характер. Стоит в горах пройти дождю, вздымается свирепым зверем, устраивает завалы из стволов деревьев, несёт и катит по дну камни. Горе любому, кто рискнёт войти в такую реку. Не одну жизнь забрала шальная вода.

Если свернуть с хоженной тропы, окажешься в девственной тайге. Старая тропа вела до зимовья в верховьях реки. Когда-то слюдянцы ходили сюда за черемшой. Постарели те слюдянцы, а молодёжь не ходит, в другие места на автомобилях ездит. Зимовья давно нет. Сожгли. Тропа совсем бы заросла, если бы не туристы. Тропа вначале резво поднимается по правому берегу речки. На неё прорываются ручьи со Станового хребта и разводят на пути грязь. Когда-то часть пути была обустроена гатями, следы которых сохранились до наших дней. Наверху долина выполаживается и с небольшим подъёмом идёт к водоразделу с рекой Широкой. Здесь тропа часто теряется в высокой траве. Лучше руслом пройти до водораздела и подниматься на пик оттуда. У Иннокентия никогда не хватало терпения дойти до водораздела руслом, и он начинал подъём на гребень, срезая путь. Так получается короче, но метров пятьсот или более приходится идти без дороги, по щиколотку утопая во мху, перебираясь через поваленные деревья, мимо ям, которые копают медведи в поисках бурундучьих кладовок. На тропу чаще натыкаешься после крохотного озера, по капризу горных духов, расположенного прямо на гребне. В разгаре лета здесь тучи мошкеры, но в июне вполне терпимо. Дальше тропу не потеряешь. Она поднимается по просторному, заросшему молодыми кедрами гребню между двумя горными цирками пика Черского. По этому лесу здорово ранней весной съезжать на широких лыжах. Слева обрыв круче, и там, на дне долины, блестит небольшое озеро, из которого Широкая вытекает. Солнце начинало припекать, но воздух был свеж, и по твёрдой тропе шагалось легко. Глубокое небо сияло такой синевой, какая бывает в горах только в начале лета.

Кеха шёл и вспоминал друзей, зимнюю эпопею с крестом, думал, как всё связалось в единый узел: вера и самолюбие, любовь к горам и к Богу. Они никогда не говорили друг другу высоких слов, но каждый надеялся, что и их стараниями любви и веры в мире станет чуть больше.

Шёл Кеха в гору и думал о своих грехах. Всю жизнь он прожил с чувством вины за то, что не пошёл в тот злосчастный майский поход на Бабху вместе с друзьями по маршруту, который он придумал для себя. Зимой у него родился первенец. В Слюдянку Таня и Кеша приехали после института работать в одной школе. Кеха специально выбрал это место поближе к горам. Родственников здесь у них не было, поэтому Кеха не мог оставить жену с ребёнком на первомайские праздники одних. В горы в тот раз он не пошёл, пошли друзья по маршруту, который он посоветовал, и не вернулись – почти все погибли в одной лавине... Иннокентий иногда думает, как сложилась бы судьба, если бы он не остался дома. После этого несчастья он осознал значимость каждого слова, никого в горы не зовёт и старается никому не давать советы.

Подниматься на пик Черского с водораздела Слюдянки и Широкой не так интересно, как от метеостанции, потому что не страшно. Нет скал и сбросов, бояться негде, но так же красиво. Кедровый стланик с перекрученными смолистыми стволами и яркими шишечками завязей, цветущие золотистые рододендроны образуют сплошной ковёр, выше которого поля низкорослой травы, с розетками листьев горечавки и крохотными фиолетовыми шариками цветов шикши.

Метров за сто до вершины нашёл Кеха камень подходящий и потащил его в гору.

– Ты что, пик повыше достраиваешь? – пошутила Таня.

– Нет. Положу я камешек на вершину и покаюсь в грехах своих, – ответил Иннокентий серьёзно. Подобрали Кехины домочадцы по камешку пропорционально своим силам и представлениям о собственных грехах и понесли на вершину. Памятный крест чётко выделялся на фоне неба. Положили свои камни в пирамиду у подножья, прочли молитву каждый про себя.

На небе не было ни облачка, солнце стояло в зените, и его лучи светили так, что, казалось, всей кожей чувствуешь их жаркое давление. Последний раз пили ещё на речке, весь подъём по пути воды не было. Были небольшие снежники, и можно было сосать льдистый снег, но жажду такая вода из снега почти не утоляет. Сильно хотелось пить, и Кеха распаковал рюкзак. Когда доставал фляжку, из рюкзака выпал большой пакет – сумка из толстого прочного полиэтилена с двумя ручками, приготовленный для черемши. Вода во фляжке не успела нагреться. Нет вкуснее напитка жарким днём, чем простая вода, нет вкусней еды, чем самая незамысловатая снедь, когда работаешься.

Кеха разулся и сел на тёплый камень. Воздух был неподвижен, словно прозрачное стекло, ни ветерка, ни даже самого лёгкого дуновения. Вдали у горизонта снежные шапки Саян белыми видениями будто парили в небе. Ничто, созданное руками человека, не может сравниться с творениями Земли. В этом величавом природном храме, как в церкви, неуместными казались суэта или громкие разговоры. Все почувствовали это и сидели тихо, даже дети.

В такие минуты всегда хочется благодарить неведомого творца всего сущего за небо, землю, камни, траву и деревья, за всё, что окружает нас, за жизнь, какая бы она ни была, и становится стыдно за жадность, глупость, гордыню, вражду и грязь, что принёс человек на землю. Сидел Кеха и, подперев голову рукой, думал, обращаясь мысленно к Творцу: «Ты читаешь в моей душе как в открытой книге, прости меня за ошибки мои, за неверие, но если ты меня сейчас слышишь, Боже, дай знак, что ты есть!»

Словно в ответ на безмолвный вопрос, налетел лёгкий порыв ветра, взъерошил волосы и остудил разгорячённую кожу, закружил вихрем на вершине и поднял в воздух чёрную сумку-пакет, которая лежала рядом с рюкзаком. Иннокентий соскочил на ноги, чтобы поднять сумку, но сумка не упала. Она развернулась, как китайский летающий фонарик, и стала подниматься над пиком. Поражённый Кеха в изумлении смотрел, как сумка поднялась вначале на пять метров, затем на десять и выше, выше в самое небо к солнцу.

Они уже собрали рюкзаки, а чёрный пакет продолжал подниматься. Прошли скальный перешеек, время от времени поднимая глаза к небу, – сумка летит. Даже спустившись к памятнику, можно было отыскать в прозрачном небе едва различимую точку.

Получил Кеха ответ на свой вопрос? Не знаю. Он часто вспоминает слова святого Фомы: «Пока не вложу персты свои в раны его – не поверю!». Червь сомнения по-прежнему ест мозг. Легко объяснить полёт чёрного пакета в жаркий день над вершиной устойчивым конвекционным восходящим потоком воздуха... Но слишком невероятным был полёт сумки в ответ на вопрос. Кеха уверен, если положить сумку на вершине, хоть год будешь ждать, она не взлетит, а она – взлетела! Но даже если Бог есть, как отличить законы, что дал Бог, от суеверий, выдуманных людьми из скудоумия или корысти? Борьба веры и неверия продолжается в нём. Если бы найти силы поверить, но ни в чём в жизни он не уверен, даже в смерти, возможно, души в самом деле бессмертны, и мы все встретимся в лучшем из миров.

19 мая 2016 года

Лариса Зими́на

Лялькино детство
Автобиографическое повествование

Родилась я на далёкой белорусской станции Бобр Крупского района Минской области 19 июля 1951 года в семье военнослужащего. Мой отец – Язынин Алексей Фёдорович в то время был капитаном, а мама Язынина Надежда Васильевна (в девичестве Шарапова) работала фельдшером на станции. Была я третьим ребёнком в семье. Когда меня привезли из роддома, который находился в городском посёлке Крупки, домой, мама спросила: «А как же мы назовём нашу девочку?» – братья Саша и Гена дружно закричали: «Пусть будет Лялька! Лялька и всё.» Так я стала Ларисой.

Братья, как могли, «помогали» маме ухаживать за сестричкой – то накормят сахаром – прямо из сахарницы, так, что я чуть не подавилась, то искупают в ванне (в то время были большие цинковые ванны), и, естественно, если бы мама всё это вовремя не увидела – вряд ли я бы писала эти строчки.

Время шло...

С самого рождения я была очень болезненной девочкой и, когда мне не исполнилось и года, я заболела менингитом. В то время эта болезнь была практически неизлечима: «Сожалею и соболезную», – сказал маме здешний доктор, отдавая бездыханное тельце. Вся в слезах она прибежала домой, но мамин старший брат Михаил Шарапов, который работал железнодорожником на станции, повернул

меня и влил в рот капельку воды – я её сглотнула. Тогда дядюшка, громко ругаясь, быстро завернул меня в одеяльце, остановил первый проходящий через станцию поезд и увёз меня с мамой в Минск – вот здесь-то меня и спасли. Так получилось, что в один год я родилась дважды.

Время шло...

Мы подрастали, а поскольку папа был военным, то его по долгу службы направляли из одной воинской части в другую.

Когда отца из Белоруссии направили в Нерчинск, мама заплакала и начала упрекать папу: «Что же ты натворил, что нас с тремя ребятишками отправляют в далёкую ссылку? Мои бедные деточки и лука там не увидят».

II

Но служба есть служба, и пока папа был военным, мы, как цыгане, кочевали из одной воинской части в другую, из одного гарнизона в другой. Мне хорошо запомнились два больших коричневых чемодана, которые ранее, когда меня и в помине не было, папа привёз из Германии. На этих чемоданах мы и спали. Да складывающийся круглый стол, за которым решались все наши домашние дела, за которым старшие братья делали уроки.

Так в 1956 году мы и оказались в Иркутске. Первое время мы жили за ширмочкой в офицерском клубе Красных казарм, и как же мы радовались, когда нам выделили одну комнату в трёхкомнатной квартире с соседями, рядом с Красными казармами. Мы даже купили никелированную кровать и небольшую тумбочку. Нашими соседями были тоже военные Задороженко, но больше всего мне запомнилась Антонина Константиновна, которая часто приглядывала за нами, пока родители были на работе. Мама в то время работала медсестрой во втором отделении детской больницы (сейчас это Ивано-Матрёнинская больница на улице Советской), а папа служил в Красных казармах начальником арт. вооружения⁶⁴ в звании майора.

Между тополиной рощей и нашими сараями, где мы хранили дрова, была дорога, по которой на лошадях возили покойников на Амурское кладбище, впереди процессии, как правило, шёл оркестр, а позади лошади шли родственники и знакомые усопшего. Наш двухэтажный восьмиквартирный кирпичный дом, построенный пленными японцами, располагался рядом с тополиной рощей, в которой любила гулять окрестная детвора. Роща была всегда чистая и ухоженная, за порядком в ней следили солдаты из Красных казарм. В роще были качели для ребят, лавочки для бабушек, площадка для волейбола, стадион и лужайки для детских забав, дорожки для велосипедистов, между тополями многие размещали

⁶⁴ Арт. вооружение – орфография автора (прим. лит. редактора)

гамаки и в них отдыхали, читали книжки. В какие только игры мы не играли в этой роще – это лапта, выжигало, жмурки, цепи-цепи кованы, ручеёк, городки, лунки, футбол, волейбол, казаки-разбойники и много-много других разных подвижных и спокойных игр.

Я, как себя помню, в основном играла с мальчишками, и, когда мы шли играть в футбол, на просьбу других девочек взять их с собой – дружно кричали: «Девчонок не белём», – да-да, именно так я и кричала, поскольку букву «р» научилась выговаривать только в шесть лет. Опять же в этой роще, когда мы загадывали друг другу фильмы, был загадан фильм «Альба Регия», и я его отгадала. Наконец-то у меня получилась эта трудновыговариваемая буква «р» – я бросила игру и побежала домой, крича «р-р-р-р-р...», чтобы не забыть её, но, к большому моему огорчению, никого дома не было, и я до вечера бегала и рычала. Когда вечером собралась вся семья – я с гордостью продемонстрировала своё достижение в произношении «р».

В детстве у меня почти не было игрушек, кроме двух пластмассовых куколок-пупсиков (один большой, а второй совсем маленький), которым я сама шила одежду, ещё я сама рисовала куколок на картонках, вырезала их, а потом рисовала им наряды и наряжала своих «красавиц». Еще помню, как каждое утро бегала в рощу заплетать косички на траве – это тоже были мои дочки.

В детстве я, как и многие девчонки, коллекционировала осколки разных стёклышек от разбившейся посуды и бутылок, этикетки от спичечных коробков, марки, открытки, значки, а вот вместо фантиков (это обёртки от конфет) я собирала конфетки. Если меня угощали конфеткой в фантике, я бегом бежала домой и складывала своё богатство в тумбочку, но каково же было моё разочарование, когда мои старшие братья добирались до моей коллекции, съедали конфеты, а мне доставались одни фантики, а иногда мои братья съедали конфетку, а в фантик заворачивали кусочек хлебного мякиша. Фантики я тоже собирала, иногда делала из них игрушки, коробочки и красивые платья для картонных кукол.

Маленькие дети нашего детства мечтали быть лётчиками, врачами, пожарными. Когда меня спрашивали – кем ты будешь, когда вырастешь, я отвечала, что, когда я вырасту – буду мамой, да-да, мамой и никем больше, и конечно, эта моя мечта сбылась – у меня два сыночка и лапочка-дочка. Потом я захотела стать врачом и в седьмом-восьмом классах ходила в медицинскую секцию от общества «Знание». Мы ходили на экскурсии в мединститут, дежурили в детской больнице, ухаживали за больными ребятами, но когда нас привели в анатомический музей мединститута, а на входе сидел смотритель музея и жевал пирожок – мне стало худо, очнулась я на лавочке, а вокруг суетились медики. Так один пирожок распорядился моей медицинской карьерой.

Так как мой день рождения был летом, то в этот день прямо на улице, под окнами (мы жили на первом этаже) мама устанавливала

огромную колоду (на которой кололи дрова), накрывала бумажной скатертью, ставила на этот стол большой графин с компотом, газировку, конфеты и разные сладости, звали всех соседских ребятишек, и мы отмечали мой день рождения » пировали всем двором до самого вечера.

III

В пятилетнем возрасте я с родителями ездила в Белоруссию в отпуск. Ехали мы на поезде, и каково же было моё удивление, когда я увидела на деревьях крупные красные яблоки.

«Ой, смотрите, смотрите! Яблоки на деревьях растут!», – кричала я, глядя в окно вагона.

«Девочка, а где же у вас растут яблоки?», – спрашивали наши попутчики.

«А у нас они в ящиках», – бойко отвечала я. Я даже не понимала, почему смеялись взрослые дяди и тётки, а дело было в том, что папа всегда покупал в военторге яблоки в ящиках, этот ящик хранили в подполье и нам оттуда доставали по яблочку, а садовых участков ни у кого из военных не было.

Когда мы приехали в Белоруссию, к маминому брату Шарапову Владимиру и его жене тётке Зине, там же гостил мой двоюродный брат Шарапов Игорь. Двоюродные братья Шараповы Вова, Олег и Коля – дети тётки Зины и дяди Володи очень обрадовались моему приезду, а так как я не знала белорусского языка, всё время подшучивали надо мной.

Так они сорвали луковицу и дали её мне, а потом спрашивали – «Хочешь цибулю? Дать тебе цибулю?» – А сами ничего мне не давали, и тогда я вся в слезах прибежала к тётке Зине и с луковицей в руке, жаловалась на братьев, что они мне не дают никакой цибули. Тётя Зина объяснила, что лук и цибуля – это одно и то же. У тётки Зины и дяди Володи, где мы гостили, был просторный деревянный дом с фруктовым садом. Тётя Зина нарвала ведро вишни и сказала: «Ешьте, сколько хотите» – и я ела до тех пор, пока не высыпала сыпь по всему телу. Мама очень испугалась и повела меня к здешнему фельдшеру, но тот сразу сообразил, в чём дело, и сказал, что девочка съела много того, чего раньше не ела, это просто аллергическая реакция. Мой двоюродный брат Игорь из Волгограда был единственным ребёнком в семье маминого родного брата Тимофея и его жены Нины Сергеевны, поэтому его часто баловали, и мне запомнилось, как Нина Сергеевна, одевая сыночка, приговаривала: «Игорёчек, надень чулочек»... Дядя Тима был кадровым военным лётчиком, прошедшим дороги Великой Отечественной войны. Отпуск пролетел быстро, а когда мы на поезде возвращались домой – маме стало плохо, и нас высадили из поезда на

незнакомой станции Котельничи. Здесь, пока маме делали операцию, мы с папой жили в гостинице. Со здешними ребятами я бегала собирать ежевику и на речку. Когда я стала постарше, сказали, что у мамы была внематочная беременность. Когда мама поправилась, мы на поезде продолжили свой путь домой.

IV

Однажды осенью мы, как всегда, играли в роще, под ногами шелестели разноцветные листья, часть листьев были собраны в кучи. Мы так разгорячились, что я бросила на одну из таких куч своё новое, красивое пальтишко кирпичного цвета с кармашками (его мне купили в Москве), даже не заметив, что листья в куче кто-то поджог. Представляете, что стало с моим новым пальтишком? Да-да, вот именно – пальтишко загорелось, мальчишки вырвали его из огня и погасили. Я бегом побежала домой, надела шубку, а пальто затолкала во встроенный в коридоре шкаф да ещё накрыла подушкой и убежала опять на улицу. Когда вечером я пришла домой, мама строго спросила, почему я в шубке и где моё новое пальто? И глазом не моргнув, я ответила, что мне стало холодно, но Антонина Константиновна достала и показала маме моё пальтишко, вернее то, что от него осталось. Пока я бегала на улице, подушка загорелась и хорошо, что наша баба Тоня оказалась дома и вовремя погасила пламя.

Росла я очень любопытной девчонкой и всё хотела знать, всё потрогать своими руками, вот и в этот раз, когда никого не было дома, я решила посмотреть, что же такое электрический ток и почему горит лампочка? Я включила свет в туалете, забралась в металлическую раковину и стала рассматривать бра, висящее как раз над раковиной, взялась за него руками, и не помню, как я упала в раковину и меня, будто волчком, закружило в ней. Хорошо, что оторвался гвоздь и вырвался провод у бра, и только тогда я закричала. На мой крик опять же прибежала соседка и вытащила меня из раковины. С тех пор я точно знала, что электричество – это не игрушка.

V

В 1958 году папу перевели на станцию Лесную Читинской области. Здесь нам сразу выделили комнату в самом большом доме барачного типа, с длинным коридором и множеством соседей – папиных сослуживцев. Когда мы только приехали на станцию Лесная, я пошла в лес и заблудилась. Нашёл меня дяденька-солдатик. Спрашивает: «Где живёшь, девочка?», – а я отвечаю: «В большом доме с флажком на

крыше», а поскольку такой офицерский дом был один, он меня быстренько привёл к родителям.

Вокруг дома был лес, и мы с соседскими ребятами бегали туда, срывали цветочки багульника и хвою лиственницы, шишечки от сосны и ели их – такими вкусными они нам казались! Вот в этом посёлке я пошла первый раз в первый класс. Школа была деревянная, классы маленькие, и меня посадили за одну парту с мальчиком по фамилии Дураков, а вот имя его я забыла. Когда мы учились считать – братья из прутиков вырезали мне палочки, а сосед по парте всё время забирал их у меня, а вечером братья опять строга́ли мне счётный материал. Никогда не забуду я свою первую учительницу Веру Макаровну – полную добродушную женщину в строгом тёмно-коричневом костюме, которая относилась к своим ученикам, как к родным детям. В то время её сын служил в армии, и всю свою материнскую любовь она отдавала нам – своим ученикам. В посёлке почти не было фруктов, но когда мы проходили букву «Я», Вера Макаровна принесла в класс яблоки и раздала нам по целому яблоку, нашей радости не было предела. Когда кончались уроки, мы шли домой к нашей учительнице, где всегда было тепло и уютно.

Часто папа усаживал меня на раму велосипеда, и мы ехали на источник за Кукинской водой, какие красивые поля ярко-красных саранок и голубых подснежников встречались на нашем пути! Иногда мы с ним ездили в Читу, и там он водил нас в кино.

Хорошо запомнила я, как нас принимали в октябрята. Из войсковой части к нам пришли солдаты и прикололи нам, гордым и счастливым, октябрятские звёздочки, которые накануне мы делали сами на уроке труда. По трафарету, выданному учительницей, мы нарисовали на картоне звёздочки, вырезали их и обшили красным материалом, а с обратной стороны прикололи обыкновенные маленькие булабочки. Эти звёздочки, сделанные своими руками, нам были дороже всех октябрятских значков, которые уже в Иркутске покупали нам родители. После приёма в октябрята нас сразу разбили на звёздочки, по пять ребят в каждой. После этого мы не расставались друг с другом – вместе делали уроки, вместе гуляли, вместе ходили в кино, когда приезжала кинопередвижка, вместе были и в праздники, и в будни.

Не могу не вспомнить и свою соседку Монастырёву, которая прекрасно стряпала и даже умела делать мороженое, а мы с замороженными глазами, как на волшебницу, смотрели на эту удивительно добрую женщину, которая часто баловала всех соседей разными сладостями. В нашем бараке все соседи жили как одна очень дружная семья, где все радости и горести делились поровну.

В то время у нас жили кот Мишка и кошка Катька. Мишка был старый и очень ленивый кот, но если ему кто-то говорил: «Мишка, поваляйся», – он шёл на коврик, ложился на спину и начинал переворачиваться с боку на бок. В отличие от Мишки, Катька была

очень энергичная непоседа. Однажды с ней произошёл такой случай. Прямо за нашим домом был базарчик с небольшими дощатыми прилавками, где продавали молоко, мясо, вязаные изделия и разные мелочи. Сидим мы на крылечке дома и что же видим? Появляется наша Катька и волоком тащит кусок мяса, больше, чем она сама, а следом бежит торговка и громко ругается. Мама, улыбаясь, вышла навстречу этой процессии, забрала у Катьки мясо, вернее, Катька сама положила мясо к маминим ногам и отошла в сторонку. Мама подняла мясо и хотела вернуть хозяйке, но та, увидев сколько ребятишек наблюдает за происходящим, только махнула рукой и сказала: «Оставьте его своей добытчице».

VI

В 1959 году папа уже давно был майором, мы опять переехали в Иркутск и поселились в той же комнате и с теми же соседями, что и раньше. Во второй класс я пошла уже в школу № 23, которая была расположена на улице Первой Советской. В отличие от моей любимой первой учительницы Надежда Алексеевна, моя вторая учительница, была высокой, худой и очень злой, как мне тогда казалось. Она всегда кричала на нас, а пацанов, если они не слушались, била указкой по рукам. Здесь моим соседом по парте был Валера Гардыш. В нашем классе был мальчик Лёша Яженских, который очень хорошо играл на аккордеоне полонез Огинского – с тех пор этот полонез мне очень нравится. Класс у нас был дружный, но не такой, как первый. Когда я училась в третьем классе – нас на территории Иркутского авиационно-технического училища (ИВАТУ) около памятника Ленину принимали в пионеры. Каждый из нас выходил вперёд и читал торжественное обещание «Я, юный пионер Советского Союза, вступая в ряды пионерской организации, перед лицом своих товарищей торжественно обещаю...». Потом наши пионервожатые повязывали нам пионерские галстуки, но не шёлковые, как в старших классах, а сатиновые красные галстуки и выдавали пионерские значки. Звеньевым нашего звена был назначен Витя Володин. В каждом звене было пять человек. На улице был ветер, шёл дождь, а мы расстегнули свои пальтишки, чтобы были видны наши красные галстуки, и пошли всем звеном домой (все ребята нашего звена жили в Красных казармах) по улице Ядрицевского. Когда мы подходили к дому – нам дорогу перебежала чёрная кошка – и наш звеньевой совершенно серьёзно сказал, что надо вернуться в школу и пойти по другой дороге. Мы так и сделали и пошли домой уже по другой, грязной дороге, мимо частных домов и кинотеатра «Экран», и все чумадые, но счастливые пришли домой. Мы вместе всем звеном делали уроки, «подтягивали» отстающих, ходили в кино, музеи, планетарий, собирали металлолом и макулатуру. Я училась ни хорошо,

ни плохо, в основном на четвёрки. Писали мы чернилами перьевыми ручками, а мешочки под чернильницы сами вязали. В каждой нашей тетрадке лежали промокашки, если зазеваешься, то и клякса может появиться в тетрадке.

Поскольку наша школа располагалась по пути в аэропорт, нас часто снимали с занятий, выдавали флажки и выстраивали вдоль дороги встречать разные приезжающие делегации. Так, я помню, как к нам в Иркутск приезжали Никита Сергеевич Хрущёв – генеральный секретарь СССР, Фидель Кастро Рус, Андриано Челентано, Юрий Алексеевич Гагарин и другие знаменитости СССР, а также зарубежные гости. А проезжали они, как правило, стоя на машинах с открытым верхом, и махали нам рукой.

VII

В 1960 году папу комиссовали из армии по болезни, у него была язва желудка. Телевизор был нам в диковинку, а папа купил чёрно-белый телевизор «Нева». Все соседи приходили к нам смотреть это чудо техники. А до этого мы ходили смотреть телевизор «КВН» с крошечным экраном к моей однокласснице Ольге Рудовой.

Когда родителей не было дома, я, как всегда, решила обследовать это чудо техники и переключила одну из ручек управления телевизора, как потом выяснилось, переключила ручку переключения каналов. А канал в то время показывал один и то в определённое время утром (для тех, кто работает во вторую смену) и вечером. Когда папа пришёл домой, естественно, телевизор не работал. Тогда папа взял ремень (меня никогда в жизни и пальцем не трогали) и закричал, что убьёт меня... Я заплакала и запричитала: «Вот, телевизора уже нет, и дочки не будет, а я вырасту большая, буду конструктором и сделаю вам цветной телевизор!», и тем самым всех рассмешила. И, конечно же, в этот раз мне тоже не попало, зато все соседи стали надо мной смеяться: «Вот идёт конструктор цветных телевизоров!». Когда пришёл мастер, тоже не сразу догадался, что я только переключила канал, но телевизор я больше не трогала. А когда выросла, поступила в Иркутский госуниверситет на физический факультет, на отделение радиофизика-электроника и действительно много лет работала инженером-конструктором на Иркутском заводе радиоприёмников им. 50-летия СССР.

Уволившись из армии, папа устроился начальником стеклодувной мастерской и цветорекламы. Как я любила вечерами ходить по улицам города с папой и смотреть, как он включает иллюминацию на вывесках магазинов. Очень интересно было смотреть, как стеклодувы выдували разные шарики и причудливые фигурки. Но папа почему-то ушёл с такой интересной работы на релейный завод простым рихтовщиком,

где и проработал всю оставшуюся трудовую жизнь. Мама в то время тоже сменила место работы. Теперь она работала медсестрой в городском туберкулёзном диспансере.

VIII

В 1963 году на улице 30-й Дивизии построили новую школу № 76 и всех учеников, кто жил в Красных казармах, перевели в неё. Вот в этой школе я и училась до самого выпускного вечера. Нашим классным руководителем в школе № 76 была молодая учительница математики Андреева Элла Александровна. С ней мы не раз ходили в походы, ездили к ней на дачу. В 1965 году в Иркутске на улице Первой Советской, около дома ребёнка (сейчас это музей-усадьба Сукачёва) и детского парка (бывший Дунькин сад) установили на постамент танк «Иркутский комсомолец». На этом открытии я стояла в почётном карауле, почти так же, как сейчас стоят школьники у Вечного огня.

Когда я училась в седьмом классе и сидела за одной партой с Таней Сутть, с ней же ходили домой и дружили, в нашем классе появилась новая девочка – Оля Смолянинова, она была выше нас ростом. Татьяна предложила мне: «Хочешь, научу тебя драться?» «А зачем?», – спросила я, но возражения не допускались, и когда мы шли со школы, Таня продемонстрировала своё умение. Мы подошли к Ольге, а та повернулась – и мы обе оказались лежать на земле, с тех пор, хотя прошло много лет, я дружу с Ольгой, теперь она Голубева Ольга Александровна, живёт в Благовещенске, и когда она приезжает в Иркутск – всегда приходит ко мне в гости. Двери нашего дома всегда были открыты для моих друзей. К нам приходили почти все мои одноклассники, даже когда меня не было дома, мама встречала моих гостей и поила их чаем с вареньем. Чаще других ко мне приходили Толя Полещук, Вова Илинзер, Гена Данилов, Таня Тимофеева, Тома Пенькова и другие. Дружья же моих братьев, которых тоже было много, всегда называли меня маленькой или малышкой и старались защитить от разных жизненных ситуаций.

После восьмого класса наш класс расформировали, я попала в 9 «В», где классным руководителем была учитель географии и астрономии Шестакова Татьяна Ивановна, с ней я дружу до сих пор и хожу к ней в гости. Помню, на перемене мы с Таней Тимофеевой скакали в классики и даже не услышали, как прозвенел звонок. Вдруг открывается окно, из него выглядывает Татьяна Ивановна и зовёт нас на урок.

Вечерами мы любили гулять по улице Ядрицевского, единственной заасфальтированной улице в нашей окрестности. Наши одноклассники, такие как Женя Костенко и Олег Бархатов, всегда оберегали нас от местной шпаны, а если кто-то и хотел подойти к нам, – наши рыцари тут же вставали на их пути.

Шли годы...

Пришло время прощаться со школой, последние выпускные экзамены, последний звонок, прощальный выпускной бал.

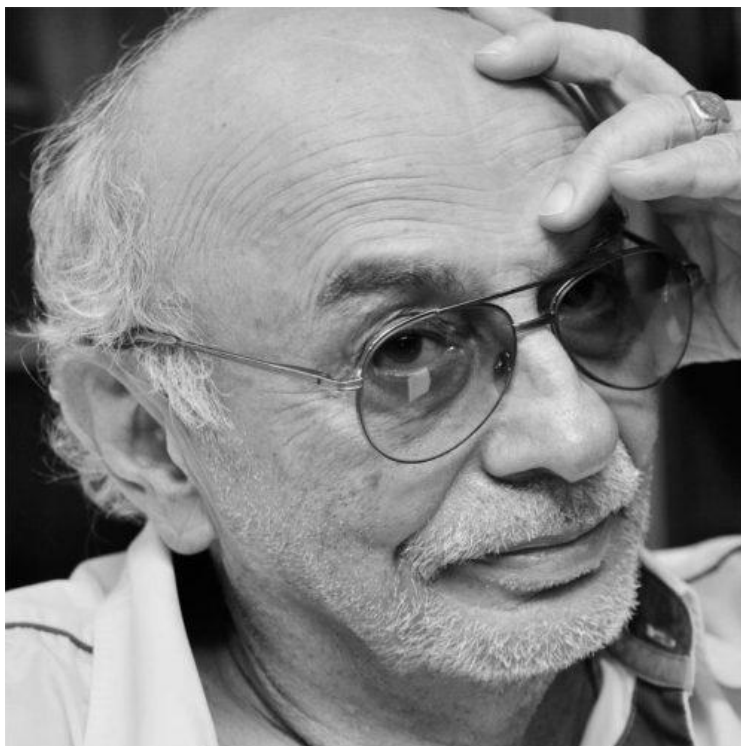
Прощай детство! Мы вступаем в новую жизнь. Кто пошёл работать, кто в армию, кто учиться, а я поступила в Иркутский госуниверситет на физический факультет.

Иркутск, 2011 г.

ПОЭЗИЯ

Сергей Захарян

«ЧТОБ ДОСЧИТАТЬСЯ ВСЕХ...»

О поэте А. Кобенкове,
о его стихах,
посвящённых друзьям и Иркутску

Мы прожили рядом, в постоянном общении, почти 30 лет, всю вторую половину из его 58. Когда он ушёл, то был моложе меня на пять лет; сейчас я старше на 15.

А он – всё моложе, и шелуха житейских обстоятельств развеивается, уже совсем его не касается. Всё какие-то пустяки – как мешал он жить местным «коллегам по цеху», как они сладострастно хоронили его, обводя на газетной полосе его имя траурной рамой. Как ему с новой молодой женой некуда было податься, они недолго жили у нас, и ещё одна девушка сильно на меня гневалась за это (слава Богу, у них обеих выросли Толины дочери).

Корзинка

Оле

У птицы есть гнездо,
и есть нора у твари...

Я птица,
я и тварь:
есть у меня гнездо
и тёплая нора –
я годы государю
на кухоньке своей
с утра и до утра.

Я чаще здесь пишу,
чем ем,
но реже плачу,
чем хохочу,
и здесь,
как жадный иудей,
я главное добро –
свои писанья – прячу
в корзинке для белья
из ивовых ветвей.

Я думаю, что в ней
(но бесконечно прежде,
чем я её нашёл
и привязался к ней)
по голубой воде,
звездой и рыбой между,
грызя свой ноготок,
плыл мальчик Моисей...

Смешно, но раз в году
меня светло тревожит
ветхозаветный сон:
на кухне, у стола,
сидит моя жена
и слёз сдержать не может:
«Корзинка уплыла!»
Корзинка уплыла...

А эти стихи - из нашего домашнего альбома:

«Людмиле 3»

Я жил.
 Но трудно и уныло.
Я пил, но всё же не был пьян,

покуда нас не приютила
Людмила.

Та, что Захарян.

Я, наконец, судьбой доволен:
тепло, уютно и светло,
в окошке – свет, на кухне – Оля,
журчит вода,
шуршит стило –

его не грусть поторопила,
а полный жидкости стакан,
подъятый мною за Людмилу.
Спасибо, Люда Захарян.

Март 1986

Ещё одной девушке:

«...дудочка моя, дружок,
медсестричка, проводница.
просветлившая лужок
локотками ангелица, –

дудочка моя, мой бес,
вытряхнувший из копилки
жизнь мою, оставив без
всё потомство без копейки, –

дудочка моя, щенок,
двортерьерка, попрошайка...
Моисеев посошок,
Аронова болтанка, –

дудочка моя, ударь
тросточкой, чтоб нам открыли
женщины; Эсфирь, Фамарь,
все Ревеки, все Рахили...

Дудочка, когда меня...
то есть, если я уеду,
одинокество кляня,
не заглядывай к соседу, –

где ему тебя понять –
разозлится не на шутку

и, глядишь, пойдёшь плясать
под его кривую дудку, –

дудочка моя, не смей –
я и там, поспав немножко,
не окошке из корней
продышу себе окошко –

посмотрю да рассмотрю,
он какой, да ты какая...», –
дудочке я говорю,
дудочку перебивая...

Всё какие-то пустяки – вроде облачка копоти над окном его кабинета на 9-м этаже панельного дома на улице Карла Либкнехта (звучит торжественно и бессмысленно); отсюда он уезжал в Москву. Изредка проезжая мимо, я видел это облачко – привет от друга, которого всё сильнее недостаёт; потом облачко закрасили – и всё.

Не могу рассказать про «поэта в жизни». Всегда и всегда самое главное и ошеломляющее – его монотонно-отстранённое бормотание стихов; а «жизнь» – только случайный фон, как то облачко от его трубки.

Сергею Захаряну
по случаю
его
послемолодости, предстарости
и
пятидесятилетнего счастья
между
идами и календами,
без календул,
но – сердечно –
с улицы Карла
в штат Карла⁶⁵,
в гайдаровском ноябре.

Грустно, Серёжа, но бег Хроноса всё быстролётней:
Мне – сорок шесть, а тебе – страшно сказать – пятьдесят.

Внуки, Серёжа, пошли: люлька и старость извечно

⁶⁵ «С улицы его «Карла» – на проспект другого «Карла» – тогда нынешний «Жуков» в Солнечном был «Карл-Маркс-Штадтом» (прим. автора).

Рядом, как «кровь» и «любовь», или Вергилий и Дант.

Слышал, что ты ещё бодр – разве что с палочкой ходишь,
Разве что дышишь с трудом, разве что спереди лыс.

Знаю, что душат долги... Прежде нас левы душили,
Оля да Люда – сейчас нас обнимает Гайдар⁶⁶.

Знаю, что мама твоя Дора (все мамочки – Доры⁶⁷)
Любит тебя как дитя в послевоенном Баку.
Слышал, что Люда твоя любит тебя как и прежде –
Варит похлёбку тебе и зашивает штаны.

Знай же, Серёжа, что жить с Ольгами много труднее:
Лень моей Ольге варить, лень ей штаны зашивать.

Знаю, что Марья твоя хорошеет – вчера её встретил,
Нежную щёчку лизнул – и до сих пор хорошо!

Знаю, что сын твой Сергей верно баллады читает;
Что ж, и Качалов – актёр был иудейских кровей.

Слышал, что Люда твоя всех юбилейно кормила,
Знаю, Кокорин⁶⁸ был пьян (правда, чего с него взять!)

Грустно, Сергей, что коньяк не про мою селезёнку:
Пью молоко в сорок шесть, как ты пивал его в шесть.

Если поставишь ведро нежного млека Бурёнки,
Я за твои пятьдесят опорожню и ведро.

Если же выставишь два – чтоб юбилей твой отметить,
Пузо своё напрягу – выпью, заев пирожком.

Если и третье ведро – Марья, Сергей или Люда
Мне поднесут, так и быть – стану лакать за тебя!

Там же, на 9-м этаже, он задержался в своём прокуренном крохотном кабинете, а мы в гостиной ждём его у прекрасного (как всегда у Ольги) стола: 9 марта 2002, Толин день рождения. Вот он выходит с листочком (почему-то всегда неказистым, измятым,

⁶⁶ Гайдар – премьер-министр России (прим. автора)

⁶⁷ «Все мамочки Доры» – это про его маму Дору Давыдовну и мою – Дору Зеликовну (прим. автора).

⁶⁸ Кокорин – театральный режиссёр и наш с Толей друг (прим. автора).

надорванным) – я беру его в руки, пытаюсь с его помощью разобраться в невысказанных, каких-то куриных каракулях, и – плачу (и сейчас, вспоминая, плачу) – от восторга. Каракули эти – от его машинки, и экземпляр рукописи он тут же мне дарит, а стихи – посвящает:

Русский роман

Сергею Захаряну

Всё уже было, а слово найдёшь и – жарко,
всё уже знаешь, а пишется как во сне,
русский роман: снег, рукавички, шарфик,
чёрные лестницы, белые скверы, снег...
– Не позвонила... – Ты не ответил... – как ты?
– Вся обревелась... – Ты как снежинка... – Ах!
– Может быть, в гости? – Рюмочка, люди, карты...
– Мы заночуем? – Узкий диванчик, страх:
Вдруг нас услышат? – Где же ты? – Сладко, больно,
влажная простынь. Жар... – Принеси попить!...
Русский роман: в доме подружки школьной,
стены сшибая, спящих перебудить;
с мужем подружки – в кухоньке по варенье –
рюмкой об рюмку, пьяной башкой в рассвет...
Русский роман: шёпот и осужденье,
ропот и слёзы... – Ты уже выпил? – Нет.
Русский роман: стражи ночных общежитий...
– Мы заночуем... – Вот полотенце... – Вот
розовый венчик из разноцветных нитей
плюшевых ковриков и воробьиных нот.
Вот тебе венчик: крыша – на самой кромке
голубь с голубкой... – Не уходи, стой...
Русский роман: тьма, полутьма, потёмки,
больше Крестовский, нежели Лев Толстой;
русский роман: аэропорт, реклама
аэропорта, буквы: «В добрый путь»,
Южин-Сумбатов, Жак Оффенбах, мелодрама...
– Я тебя встречу... – Глупости, забудь...
Низкое небо, ветер, сигнальный прочерк...
Память – тетрадка: захочется перечту...
Вот тебе венчик из разноцветных строчек
острых снежинок, круглых окошек «Ту»,
вот тебе венчик: связанный из тумана
узел сюжета, петелька, узелок
из твоего обмана – рычаг романа,
что при желании складывается в венок...

Прекрасно, что сочинённый Толей фестиваль, на который приезжали (и приезжают) со всего мира лучшие русские поэты, называется теперь Фестивалем Кобенкова. Вот где жизнь его продолжается – легко, естественно, как дыхание. И Толи нет, и меня не будет, и фестиваля когда-то не будет (надеюсь, очень не скоро); и случайные имена уйдут из названий улиц; и Либкнехт отвалит, и на какое-то время уступит место Кобенкову... и жуткого Трилиссера (тоже Кобенковский адрес) – не будет! и улица Ленина в предполагаемых экскурсиях по «Иркутску Кобенкова» станет снова Амурской... и всё равно – не в этом дело.

А дело в том, что в этом пространстве был – при мне, по счастью, – человек, умевший, по его слову, «вызвать пространство» – одновременно это пространство создававший – в материале куда как более долговечном, чем всё, что с ним и со мною может произойти и уже произошло. Был – и остался навсегда – *поэт*.

Послание друзьям

Летят года, торопятся...

увы,

растут долги – попробуй рассчитаться...

друзья мои,

мне помнится, что вы

умели жить, и плакать и смеяться...

В который раз нам жёлтый лист кружит,

в который – соловьи отголосили?

Так юность далека,

что кутежи

нам даже жёны верные простили –

куда она, с кем песенки поёт,

в каких краях печали рифмой лечит?

Уже мой семилетний обормот

не верит в то, что были мы беспечны...

Я помню, как ходили вы вразнос,

бледны от голода и общежитских шумов

как вы любили,

думая всерьёз

о том,

о чём забыли нынче думать...

Друзья мои, как труден наш союз
в середине дня на первом перевале!
Молюсь земле,
 кузнечикам молюсь,
чтобы они о нас не забывали,
стучусь в деревья, кланяюсь ручью,
далёким звёздам и дорожной пыли...
Ни долгих дней,
 ни славы не хочу –
хочу, чтобы о вас не позабыли...

В полночный час сойдёмся за столом,
Махнём на годы и вина пригубим...
Давайте будем счастливы потом,
когда несчастных рядышком не будет,

давайте будем молоды сейчас,
сейчас – бездомны
 и сейчас пристрастны,
хотя бы потому,
 что наш успех
придёт не так,
 как мы того желали
в начале дня,
 чтоб досчитаться всех
в середине дня на первом перевале...

И дальше – по железной логике *настоящей жизни поэта* – здесь должна идти безостановочная вереница стихов. Ограничусь сейчас несколькими его посланиями друзьям. Для нас это воспоминания о счастливом Толином будущем.

Вот *фотография 2001 года*. Она – к трём Толиным «посланиям»: Григорьев – художник, слева на снимке его акварель; Харитонов и Сапронов – журналисты, вместе с которыми мы делали тогда «газету четырёх» – «Зелёную лампу». Здесь за моим столом – четвёрка, из которой, увы, двоих уже нет.

На фото из архива автора: (слева направо) Г. Сапронов,
А. Харитонов, С. Захарян, А. Кобенков

Сергею Григорьеву

**В подвале художника крыса жила,
какао пила и хозяйство вела.**

**И друг мой художник – когда запивал –
не думал о быте и горя не знал.**

**– Художник, художник, – твердил я тогда,
ты с крысой навечно, а я – иногда...**

**Я знал эту крысу, не знал, почему
мне выпала птица, а крыса – ему.**

Я знал его жизнь, но не знал, отчего
она не моя, эта жизнь, а его...

Не в меру завистлив и в меру тверёз,
я шёл к нему в гости в жилетке для слёз

(жилетка, жилетка – как очи жены,
твои сухожилья слезой прожжены),

я шёл к нему в гости, уже за версту
расслышав, как лапка прилипла к холсту,

как бьётся она, как дерётся с холстом,
сеча его дали сторуким хвостом...

– Художник, художник, – волнение уйми,
кричал я ему, угощением гремя.

И он расцветал, получая портвейн,
и пела она, принимая ликёр...

Ах, как выпивалось нам под помидор
В то время как крыса крошила эклер...

– Художник, художник, не спи в башмаках, –
несчастливая крыса молила в слезах, –

художник, художник, не спи под столом –
щекой на щели и на кисточке лбом...

Ах, в эти часы на жилетке моей
легко выжималось с десятков морей...

Когда я из пьяного сна выплывал,
я слышал, как крыса уютит подвал:

послушные ей, то метла прошуршит,
то встанут навтыяжку карандаши,

то кисть, разбегаясь со скоростью «Ту»,
сквозь бури палитры летит по холсту...

– Художник, художник, я понял в тот час,
кто дышит за нас и кто пишет за нас,

что счастье твоё и несчастье моё
зависит от лапок и зубок её...

Геннадию Сапронову

В той области – за три девять морей –
нас головокруженьем угощали
малиновый лопух, седой пырей
и – в красных венах – изумрудный щавель.

В той области, куда впускали за
царапины, болячки, синячища,
нам пауки тарасили глаза
и стрекоза тарасила глазища...

Там разрешалось думать ни о чём,
и мы могли заплакать, как придётся –
в жилетку тли, в мушиное плечо,
в грудь муравья и куртку древоточца.

Там можно было курево сложить
из буквиц «Правды» и опилок «Примы»,
там наши вздохи умудрялись жить,
не выбегая из колечек дыма...
Там миг равнялся году, веку – час,
покуда пучеглазая наука,
надев очки, не высмотрела нас,
чтобы швырнуть под линзы Левенгука...

Арнольду Харитонову

... и длинных свиданий густая и вязкая тина,
и встреч сквознячок, и заставы застолий – не тема
для старой гитары, скорее – для бледного тела,
которому – ночь на дворе! – а вина не хватило.

Возлюбим друг друга за рифмы, связавшие строки,
за жадные строфы, не знавшие ночи и страха,
за то, что для них начинаются новые сроки –
наточен топор и ни малой пушинки на плахе.

Возлюбим друг друга за реки, любимые нами,
за синее небо, любимое нами и ими,
за имя, к которому можно губами,
как будто к воде прикоснуться: «Во имя...»

Несколько историй про мои счастливые приключения в мире его слов.

Он привёл меня в Иркутский костёл к одному из лучших людей в моей жизни, Толиному духовнику о. Игнацию Павлюсу. Отец Игнаций – образованнейший и нежнейший человек – поёт рождественские колядки в Толином Союзе российских писателей (не скажу «на улице кого», не выговорю; впрочем, по Вернадскому эта улица от Филармонии была бы Торквемадской).

Толя устраивает в костёле экуменические Чтения им. о. А. Меня, и там я слушаю одного из важнейших людей в моей жизни – о. А. Борисова.

Собор Девы Марии освящал в Иркутске 8 сентября 2000 года папский легат кардинал Ян Петер Шотте. Толина мистерия «Благодарение Заступнице» специально написана к этому событию и прозвучала на открытии собора на следующий день. Музыка Владимира Соколова, режиссёр Вячеслав Кокорин. За Поэта – сольный голос в мистерии – читал автор; и ничего подобного по силе и красоте я в жизни не слышал⁶⁹. Вот отрывок из этой вещи:

⁶⁹ Потом мистерия перешла на светскую сцену, много гастролировала, за Поэта читал актёр; а актёрское чтение – сами знаете – это не лучше чтения учительского (прим. автора).

Сретенье

Поэт:

Когда Она внесла Его во храм,
Все догадались: надо что-то делать!
Ковчегу – вздрогнуть, старице – молиться,
Младенцу жить, а старцу – умирать.

Когда Она, дыханье затаив,
Решилась передать в чужие руки
Из рук своих Младенца, показалось,
Что жизнь в тот миг оставила Её.

Меж тем Младенец, тельцем согревая
Священника ладонь и сердце старца,
Одним из тех лучей, что излучал Он,
Дыхание Её восстановил.

Хор:

Когда во храм Его ввели,
Когда ввели во храм,
На небеси и на земли
Пришло спасенье нам...

9 марта 2008 года, в день 60-летия Толи, в Иркутском костёле – Органном зале – звучит редкая аудиозапись: Толя читает свои стихи. Это презентация его первой посмертной книги. И смерти нет. Мы вместе с Г. Сапроновым были редакторами этой книги, я писал к ней предисловие, вёл тот памятный вечер. Накануне просил участников сообщить мне, какое стихотворение из нового сборника («Однажды досказать») они выбрали для чтения. И вот масштаб Толиного словесного мира: почти сорок выступавших – и ни одного пересечения в выборе.

Потом я не раз устраивал со своими студентами такую игру: вы называете страницу из этой книги, а я читаю стихи; иногда, к их удивлению и моей радости, случаются удивительные попадания!

1990. Я перевожу для Омского музыкального театра мюзикл «Чарли-бар» Грэга Опелки. Кроме прозаических диалогов, там больше двух десятков стихотворных номеров, которые должны попасть в готовую музыку – на совсем другом языке. У Толи в Иркутске, как всегда, нет денег, я зову его на заработок, очень небольшой. (Мы с ним отнеслись к этой халтурке легкомысленно, вместо имён

переводчиков в программке стояли наши псевдонимы; и потом нас не искали с «потиражными» гонорарами – хотя спектакль шёл несколько сезонов). Я в разговоре с Толей выражаю дилетантское пожелание (от уверенности, впрочем, в Толином всемогуществе – хотя опыта в песенном переводе к тому времени у него не было), – чтобы в русском тексте гласные тянулись под музыку те же и там же, где и в английском. Толя относится к слову серьёзно, мучается, даже готов отказаться (стихи оригинала, надо сказать, вполне опереточные); но – дошли до премьеры. Приезжает молодой чикагский композитор (он же автор «лирики», то есть стихов), садится за рояль, ему поют, мы переводим...

На фото из архива автора: Омск, Музыкальный театр, ноябрь 1990. Справа налево: Г. Опелка, С. Захарян, А. Кобенков

И вот результат: Грэг говорит, что на такие стихи он не способен: они сильно выиграли в переводе! (Справедливости ради добавлю, что и для опереточных артистов Толины стихи оказались не по зубам – и они их «перепевали» потом, упрощая каждый на свой лад).

Вопрос на засыпку: кто писал песенки для Лопе де Веги?

В нынешнем январе я спросил об этом своего гида в Мадриде, у памятника великому испанцу, автору двух тысяч стихотворных пьес. Ответ знал я, а гид – моя дочка Ира, влюблённая в стихи «дяди Толи», – догадалась.

Это было в конце 80-х. Тогда в Иркутске по моему нахальному заказу (тоже за небольшой гонорар) – вмешаться в «Дурочку» Лопе, безотказный шлягер в русской театральной провинции, – мог только Толя Кобенков. В Иркутской драме (я был там тогда завитом) режиссёру Э. Симоняну для первого выхода на сцену героя не достало у классика бравурной арии. Толя её написал; другой Толя, мой приятель по инязу Селютин перевёл Кобенкова на испанский, и уже на двух языках её спел на эффектном выходе третий Толя – заслуженный артист Басин!

...Презентация в Иркутском Доме актёра его последней прижизненной книги – лучшей книги с нелучшим названием – «Строка, уставшая от странствий...» (2003). Я говорю о книге – ещё до всех, и до автора. То есть читаю стихи из книги: «Игра», «Стихи о покойной Анне Ивановне Голубцовой», «Две колыбели», «...дудочка моя...», «Старая барменша», «Визит», «Е. Раппопорту», «Г. Сапронову», «С. Григорьеву»... это было скандально, Толя явно злится... но остановиться было невозможно.

Из той книги – ещё послание другу, важнейшему для него в ангарские годы – и на всю жизнь:

Инне Фруг

Переулков и дворов
перельницы –
 всё чужое
и моё...
 Тома домов
не прочитанные мною;
голоса ночных зверей –
эха, дали,
 тьмы и ветра;
облетевших фонарей
одуванчики;
 газеты
снов,
 куда мне вход закрыт...
Грустно...
 Кто там за спиною?
Оглянулся –
 Лист летит.

Уже вчера знакомый дворник,
на память помнящий «Муму»,
мне поклонился: «Здравствуй, Йорик!» –
и я откликнулся ему...

Разваливаемся...

Ну и что же,
коль Бог позволит, будем жить...
пусть я не Болдырев⁷² Серёжа,
чтоб всех настойчиво любить...

Пусть ты не Болдырев, Серёжа,
и Блок, и Френкель Илия,
и даже тот, чья телерожа
ещё пьянее, чем моя,

пусть Слава⁷³ – тоже не Серёжа,
и Венгер⁷⁴, ибо – селяви! –
никто Серёжей быть не может...
ни Ножиков⁷⁵, ни соловьи...

Зато нигде – ни в ближних странах,
ни в дальних, ни в иных мирах –
никто не ходит в Захарянах,
кроме тебя...

кроме меня... –

прости,

однажды было дело –
я так напился, так был пьян,
что всех – направо и налево –
приветствовал, как Захарян.
И было холодно и серо,
когда ко мне, сквозь снежнослизь,
четыре милиционера
как к Захаряну отнеслись.

Они везли меня в коляске
туда, где ты и не бывал,
где я ругался по-армянски
и по-английски хохотал...

⁷² С. Болдырев – театральный режиссёр (прим. автора).

⁷³ Слава – В. Кокорин, театральный режиссёр (прим. автора).

⁷⁴ В. Венгер – великий артист (прим. автора).

⁷⁵ А. Ножиков – незабвенный иркутский губернатор (прим. автора).

Как хорошо быть Захаряном –
при серой кепочке, в штанах,
с бокалом или со стаканом
на захаряновских пирах,

Как хорошо бранить Людмилу,
с Серёжкой в шахматы играть,
а Марью называть кобылой,
а маму – мамкой называть,

как хорошо в тиши дивана,
в луче домашнего огня
читать глазами Захаряна
Шекспира или же меня,

как хорошо неторопливо,
жидовской грустию лучась,
прогуливаться вдоль залива
с армянским носом между глаз;

как хорошо...

Хотя и странно,
что я поднесь не позабыл,
как хорошо быть Захаряном,
хотя мгновение им был...

Может, я ещё вспомню про наши с ним диалоги – театральные рецензии в «Советской молодёжи» и в альманахах «Иркутская рампа» в 90-е годы (на них любит ссылаться Венгер в своих книгах). И про наши трёхлетние дела в «Зелёной лампе», где он писал искусствоведческую прозу, а я – театральные рецензии и – с его подачи – комментировал «только одно стихотворение» разных поэтов (у многих «только одного» не находил). А Толино «только одно стихотворение» я осмелился комментировать лишь после его ухода, в «Иркутском времени»-2007 (сейчас, в 2016-м, к Фестивалю Анатолия Кобенкова вышел уже 15-й такой альманах поэзии).

Вначале было письмо из Москвы (Варя – дочка, Иден – любимый пёс):

Дорогой Серёжа, жаль, толком не пообщались: ты занят Иркутском, а я Иркутском разбит.

Отныне буду жить по совету Чупринина, который потребовал, чтобы я перестал числить себя в иркутянах.

Но и в москвичах пока не выходит, хотя – столько здесь хорошего и столько интересных людей.

*Вот тебе кое-что из сложенного на моём пятом этаже.
Сможешь, черкни пару строк: что глянулось – что раздражило.
Людке – поцелуй.
Тебе – объятия.
Харитонову – тоже.
От Оли, Вари и Иди – поклоны.*

Всё из «сложенного» Толей «глянулось» и опубликовано. Но прежде случился трагический сентябрь 2006.

И вот то «одно стихотворение» с тогдашним моим комментарием:

Иркутску

Не докричать – хотя бы домолчать...
Отныне и молитва нам не сводня –
прощай, мой брат, ты волен убивать –
убей меня на Тихвинской сегодня:
ударь вподдых, швырни меня в фонтан –
пойдёшь гулять и, в воробьином гвалте
гася свою тоску – пока не пьян,
узришь меня сквозь трещинку в асфальте...
Не домолчать – хотя бы докурить,
табачный дым не застит нам дороги...
Прости, мой друг, ты в силах хоронить –
я в силах умереть у синагоги –
шумну ступенькой, вышумнусь травой,
и ты, не медля, жизнь свою отладишь,
когда к Ерусалиму головой
я развернусь, приладив к сердцу кадиш...
Не докурить – хотя бы додышать
до двух берёз четвёртой остановки,
до – жизнь моя, ты мастер отпевать –
отпой меня на холмике Крестовки –
ссыпь в ладанку, держа меня в персти,
и, отлучив мой бранный дух от песни,
свой дух переведа, оповести
сестру и брата: двери мне отверсты...

Нетрудно вчитать задним числом пророчество в его стихи. Но он не собирался умирать. Так выпало – стихи про смертное расставание с Иркутском. Поживи он ещё – отчётливей в этих стихах была бы главная тема: не с лёгким сердцем он уезжал, не изменял нам со столицей *первый поэт Иркутска*.

А – нет пророка в своём отечестве. Страдание и смирение нелюбимого сына.

Один наш общий с ним приятель впал в болезнь. И весь мир от него заслонён болезнью. И это так знакомо, так «соприродно» человеку.

С Толей про болезнь мы никогда не говорили: здоровый дух не рабствует у тела. Он никогда не жаловался на сердце, а оно раз за разом подводило. В нём не было больного. В нашем последнем с ним московском застолье – «не хватило»; он, как младший и как хозяин, пошёл за добавкой – с пятого этажа без лифта, хоть пили мы – так было заведено – без него, ему полагался сок. Это теперь заноза в сердце: он бегал за вином перед третьим инфарктом, до которого оставался месяц.

В тот день с утра мы были с Толей в храме Космы и Дамиана на проповеди его духовника, отца Александра Борисова. В храмовой лавке я получил от Толи последний завет: «Дневники» протопресвитера Александра Шмемана.

Я читал эту книгу после Толиного ухода неотрывно, и жалел, что она кончается, как кончалась жизнь её автора – одного из лучших людей, каких теперь знаю. Знаю, что не перестану эту книгу читать – вместе с Толей. Вот запись из неё (от 14 янв.1976) – прямо к инфарктам Толи и про то, почему всё светлей в последние годы становилась музыка его стихов:

«Самая важная и потому самая трудная тайна христианства: спасительность страдания. Не «искупительство», а именно «спасительность». Единственное, чего «природный человек» хочет на глубине, это – не страдать. Единственное, что христианство ему предлагает – это страдание. Почему? Потому что в духовной победе над ним, в духовном «претворении» страданья – совершается духовный рост человека, вхождение его в другое измерение».

Вот тот снимок 5 августа 2006. На нём запечатлены в домашней обстановке Толя и Оля Кобенковы, моя жена – Люда Захарян и супруги Оля и Сергей Арутюновы. Арутюновы – наши иркутские-московские пожизненные друзья.

На фото автора: (справа налево) Анатолий и Ольга Кобенковы, Ольга Арутюнова, академик Сергей Арутюнов, Людмила Захарян.

Толя умер 5 сентября 2006 года. Мы прощались с ним в храме Космы и Дамиана в Москве. Отпевал его отец Александр Борисов.

Лежит Толя на Переделкинском кладбище.

Но смерть поэта – только досадная частность.

Повторю с торжеством: 15-й по счёту Международный Фестиваль русской поэзии в Иркутске прошёл в июне 2016, теперь уже как Фестиваль Анатолия Кобенкова.

Иркутск, 2016

БОЖЕСТВЕННОЕ БЕЗРАССУДСТВО «КОРОЛЯ ЭКСПРОМТОВ»

Неоднократно, настойчиво, публично и в частных беседах Анатолий Викторович в категоричной форме заявлял: *«Я поэтом себя не считаю и стихов никогда не писал...»*⁷⁶ И всё-таки мы, в частности, лично я, вынудили его в этом году разрешить подготовить к печати и издать сборник его стихов, который он назвал «Судьбы крутые повороты».

Книжка состоит из разделов: «А годы летят», «Не забудет сердце никогда», «Здесь мой причал», «Паруса надежды», «Отшумели вьюги золотые» и «Пародии, эпиграммы и иронические стихи».

В этом номере нашего альманаха мы представляем последний раздел выбранными нами 25-ю стихотворными творениями А. Волчука.

Эти «творения» особого рода. Кто знает, как Анатолий Викторович их создаёт, подтвердят, что в них много экспромта – «фирменного волчуковского стиля». Такого рода стихи пишутся им «на одном дыхании», часто на любых подвернувшихся под руку листках. Достаточно много из них безвозвратно утрачены, потому что после прочтения он о них сразу же забывает. Они как бы перестают для него существовать. Такое ощущение, что, чем более он руководствуется при

⁷⁶ Волчук А. Судьбы крутые повороты., Иркутск, 2006. - С.79

их написании интуицией, заряжается озорной и азартной иронией и самоиронией, тем более яркими и запоминающимися они получаются.

Читая такие поэтизмы А. Волчука, так и хочется сказать в его же духе: «Ну, натворил – так натворил!» Мне кажется, что они – не только органичное отражение, но и продолжение его личности, рядом с которой в жизни не только «светло и уютно»⁷⁷, но и весело... Причём обижаться, например, на его экспромты и пародии, а значит на него самого, просто невозможно. Почему? – Он в них неуловимо иронизирует не только над кем-то, но и... над самим собой. Точнее, над своим литературным героем, с которым некоторые ошибочно отождествляют его самого...

Лучше всего, вне зависимости от желания «Викторыча», такой образ быстро и непредсказуемо самосоздаётся в его молниеносной иронической поэзии, когда у него нет времени на тяжёлые претенциозные размышления.

Что же это за образ? – Некий карающий критик абсолютно уверенный в своей правоте, излишне придирчивый, немного влюблённый в свой иронический дар, имеющий право возвышаться над другими «человеками» и не только «пишущего рода». Возвышающийся, как оказывается при пристальном рассмотрении, прежде всего, над самим А. Волчуком...

Этот персонаж уже не управляем Анатолием Викторовичем. И, кажется, это ему нравится. А это обстоятельство «незаметной самокритики», в свою очередь, неосознанно нравится читателю. Особенно тем из них, кто «Викторыча» знает лично. Ибо, конечно, образ автора и сам он, при видимом сходстве, по сути противоположные друг другу жизненные персонажи...

Во время живого общения с другими людьми Анатолий Викторович удивительно деликатен и уважителен. Часто излишне медлителен, и создаётся впечатление, что он с трудом «выдавливает» из себя слова для точного обозначения своей мысли.

Но когда он пишет что-то наподобие эпиграммы, в него как будто «чёрт вселяется»! Слова, возникая из глубины его подсознания, льются сияющим прозрачным ручьём. Такое ощущение, что когда он берётся в такие минуты за перо, он ощущает себя свободным от самого себя и становится божественно безрассуден...

А впрочем, возможно, я ошибаюсь. Судить об этом предстоит Вам самостоятельно, уважаемый читатель. Итак, мы предлагаем Вашему вниманию некоторые из поэтизмов короля экспромтов Высшей народной школы г. Иркутска.

**Александр Гордин,
руководитель литературного клуба ВНС**

⁷⁷ Гордин А. Поэт и гражданин. Судьбы крутые повороты., Иркутск, 2006. - С.3

Из раздела
«Пародии, эпиграммы, иронические стихи»

Признание

Я поэтом себя не считаю
И стихов никогда не писал.
Я – читатель, стихи я читаю
Те, что кто-то другой написал.

Но когда вдруг тоска одолеет,
Иль с похмелья болит голова,
В подсознание мыслишка затлеет
И облечь её просит в слова.

И тогда я хватаю бумагу
И стремительно что-то пишу,
Только эту, признаюсь, бодягу
Я в журналы тащить не спешу.

Перед зеркалом встав на паркете,
Причесавши остатки кудрей,
Я читаю творения эти
Для своих музыкальных ушей.

После этого, малость помедлив,
Разрываю всё это в клочки
И без всяких таблеток немедля
Избавляюсь от жуткой тоски.

2011 г.

Сон

Сегодня мне приснилось: умер я,
И вот меня торжественно хоронят.
У гроба собрались мои друзья,
Соседи, сослуживцы и родня,
Колокола церковные трезвонят.

Над моим гробом речи говорят,
Я узнаю, каким я был хорошим,
И как я на том свете буду рад,
Что жизнь свою достойно очень прожил.

И даже мой начальник, паразит,
Сказал в своей проникновенной речи,
Как обо мне ужасно он скорбит,
И эту скорбь могила лишь излечит.

Но я-то помню, как три дня назад
Грозился он урезать мне зарплату,
И выговор ещё вlepил мне, гад,
За то, в чём сам же был он виноватым.

Жена лицо царапает своё
И так при этом, бедная, рыдает...
Мне очень жаль становится её
И выпрыгнуть из гроба подмывает.

Но я минутной слабости порыв
Преодолеl, лежать заставив тело,
Поскольку вспомнил, как, лицо разбив,
В меня с борщом тарелка прилетела.

Я вспомнил её фразу: «Уходи
И больше никогда не возвращайся!
Меня ещё ждёт счастье впереди,
И ты его разрушить не пытайся».

Мой лучший друг сказал, как предан я
Мужской был нашей дружбе беззаветно,
Но помню, как подставил он меня,
Чтобы добиться должности заветной.
Моя соседка, кудри наклоня,
Так трогательно, мило говорила
О том, как уважали все меня
И за мою отзывчивость любили.

Но помню я: когда моя жена
Однажды в отпуск на курорт свалила,
Соседку попросил я, чтоб она
Мне пол в квартире как-нибудь помыла.

О боже мой, какой тут был скандал!
Она такого мне наговорила!
Я и развратник, бабник, и нахал,
И рожей-то страшнее крокодила.

А сослуживец Федя Иванов
Так слёзы лил у моего затылка!
Да я бы, может, был ещё здоров,
Если бы он занял мне на бутылку,

Когда с похмелья жутко я страдал,
А до полочки день лишь оставался,
И я б в гробу сегодня не лежал,
И он слезами бы не обливался.

Проснувшись, с удивленьем понял я,
Что столько лестных слов на самом деле
Услышать можно о себе, друзья,
Лишь на похоронах иль юбилее.

2007 г.

Прощёное воскресенье-2

Л. Г.

Прощёное сегодня воскресенье,
И попросить хочу прощенья я,
Если тебя по недоразумению
Обидела пародия моя.

В пародиях моих нет злого умысла,
А просто лишь желанье пошутить,
И если ты плохое что подумала,
То можешь ими печку растопить.

А я начну писать стихи серьёзные
И складывать их в бабушкин сундук,
Чтобы мои потомки в дни морозные,
Собравшись вечерком в домашний круг,

Припомнили семейные предания,
Из сундука достав листочки те,
Прочли мои наивные писания
И вспомнили, что жил я на земле.

2015 г.

Письмо к женщине

*« Говорят, не повезёт,
Если чёрный кот дорогу перейдёт».*
Из песни «Чёрный кот»

Я вас любил, любил вас больше жизни,
И думал, что судьбу свою нашёл,
Но вот, бродя, как призрак коммунизма,
Мне чёрный кот дорогу перешёл.

А я о вас лишь в это время думал
И сочинял любовный мадригал,
Такие фразы нежные придумал,
Но мне котяра этот помешал.

Он перекрыл течение моих мыслей,
И пересох поэзии ручей.
Хоть я себя в поэтах и не числю,
Но всё ж обидно стало мне, ей-ей.

Мгновенно вдруг иссякло вдохновенье,
Я стал тупым, как бильярдный шар,
И уж ни одного стихотворенья
С тех пор, увы, ещё не написал.

«Киллерша»

Однажды как-то пишущая дама
Воскликнула, вперив в меня свой взгляд:
«Коль на меня напишешь эпиграмму,
Немедленно убью тебя я, гад».

Я срочно в оружейном магазине
Купил себе дуэльный пистолет,
Не расстаюсь с оружием отныне
Я даже, посещая туалет,

Поскольку твёрдо я теперь уверен,
Что жизнь моя не стоит и гроша.
От страха, как у загнанного зверя,
Уходит в пятки у меня душа.

Что делать мне, читатель, посоветуй,
Как избежать печального конца?
Быть может, наложить на юмор «вето»,
Чтоб не лишить детей своих отца?

Светлане Михеевой

Светлане в детстве очень скучно было,
Она не знала, чем себя занять,
Но вдруг её однажды осенило:
Попробую-ка я стихи писать.

И бросилась отчаянно Светлана
В поэзию, как в омут головой,
Вот с той поры и пишет постоянно –
И летом, и зимою, и весной.

А я её творения читаю,
И у меня сомнений больше нет
(Хоть иногда не всё я понимаю):
Она большой, талантливый поэт.

Приснился мне сегодня Пушкин Саша.
Давя авторитетом на меня,
Он мне сказал: «Светлана – гордость наша,
А классика – такая, блин, фигня!»

Прямая линия

Слушаю ответы президента –
Всё он очень верно говорит,
Кроме одного только момента:
Как же слово в дело претворить?

Мы должны... нам надо постараться
Обустроить жизнь в своей стране...
Отчего ж тогда, скажите, братцы,
Сердюковы снова на коне?

Почему по-прежнему Ливанов
В Минобразования сидит,
А Чубайс бахвалится: в «Роснано»
Денег много, есть на что кутить?

Почему, как кролики, плодятся
Наши олигархи с каждым днём?
Не пора ль вопросом нам задаться:
Так куда ж мы всё-таки идём?

Поэт в России – больше, чем поэт

Поэт в России – больше, чем поэт.

Евг. Евтушенко

*Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить.*

Ф.Тютчев

1

Поэт в России – больше, чем поэт,
Художник тоже больше, чем художник,
Сапожник дядя Вася, мой сосед,
Конечно, больше, чем простой сапожник.

Мы все немного больше, чем мы есть.
Я не хочу давать себе оценку,
Но стоит вам хоть раз меня прочесть,
Поймёте вы: всех больше – Евтушенко.

Корова

*Шла по улице корова
И сказала мне: – Здорово!
Я ответил ей: – Здорово,
Благородная корова!
Дай, корова, молока!
А она в ответ: – Пока!
Владимир Скиф*

Шла по улице корова,
Грустно голову склонив,
Вдруг навстречу ей фатовый
Наш поэт – Владимир Скиф.

Говорит: «Привет, бурёнка!
Дай напиться молока».
А она: «Уйди в сторонку,
Видишь, кризис? Всё, пока!»

Он ушёл и про корову
Написал прелестный стих.
Так у нас родился новый
Михалков – Владимир Скиф.

За любовь к простой корове
Ему должно воздав,
Вручил премию Ершова
Сам Куняев Станислав.

Встреча друзей

*Мгновенья дольше, лучше
И не было, и нет,
Когда со мною Тютчев
И Афанасий Фет.*
Владимир Скиф
Умом Россию не понять...
Фёдор Тютчев

Мгновенья нету лучше,
Когда ко мне в обед
Приходят Федя Тютчев
И Афанасий Фет.

Жена радушно ставит
Бутылочку на стол,
Закуску быстро правит,
Несёт крутой рассол.

Я знаю: Афанасий
Всегда не прочь поддать,
И водочку рассолом
Он любит запивать.

А Федя пьёт немного,
Он интеллектуал,
С похмелья, слава богу,
Ни разу не страдал.

Он знает, что умишком
Давно пора понять,
Что, еслихватишь лишку,
То Скифа не догнать.

*То не боль головная –
то сквозная дыра.
в ней бессонницы стая
гнёзда вьёт до утра.*
Феликс Чечик

То не зуб разболелся –
это съёмный протез:
словно дятел уселся
и стучит на весь лес.
И ни сна, ни покоя:
он стучит и стучит.
Что же это такое,
скоро ль он замолчит?
Но он долбит и долбит –
в голове уж дыра,
я терпел это долго,
аж всю ночь до утра.
Ну, а утречком рано
коньяка хватанул,
йоду капнул на рану,
к зубнику сиганул.
Доктор быстро исправил
мне мой съёмный протез,
дятел крылья расправил,
улетел в тёмный лес.

Дама без возраста

*Не хочу я стареть, не хочу!
Говорят, что отлично я выгляжу...
Мне такое еще по плечу,
Что не всякая юная выдержит!
Юность блеклая в вечном долгу-
Что я в ней, кроме скромности, видела?
Кроме комплексов – что бы надеть??
Ну какие у нас были платица...*
Лариса Рубальская

Не хочу я стареть, не хочу!
Говорят что отлично я выгляжу...
Мне и Галкин ещё по плечу,
Если ревность я Алкину выдержу.
Про Киркорова я уж молчу,

Охмурить его – дело минутное.
Я ему так мозги закручу,
Что у нас станет всё обоюдное.
Будет он по утрам надевать
На меня симпатичные платица,
Будет кофе в постель подавать
И, как зайка, ко мне будет ластиться.
Зверев сделает мне причесон,
Слава Зайцев наряды придумает,
Чтоб затмила я тех примадонн,
Кто со мною соперничать вздумает.
Заявляю торжественно вам,
Глядя в зеркало, честно и просто я:
Из поющих и пишущих дам
Лишь Рубальская – дама без возраста!

Справочка

*«Выдайте мне справочку, что я не косяя,
а что я – создание редкостной красоты.
Напишите в справочке то, что не коза я,
и не обладаю вредностью козы.
Я за эту справку хоть на что готова,
о ее могуществе знаю наперёд:
мне не только молвят ласковое слово,
а ещё запустят в сад и огород».*

Надежда Ярыгина

Выдайте мне справочку, что я поэтесса
И пишу не хуже Пушкина А. С.,
Чтоб Париж и Лондон, Вена и Одесса
Знали – среди поэтов я деликатес,

И меня читают даже в Хомутово,
Там я заслужила славу на века:
Ведь, меня услышав, каждая корова
Сразу прибавляет литр молока.

А за эту справку я даю вам слово
В гениальных строках обессмертить вас.
У меня для справки фото уж готово,
С модною причёской, в профиль и анфас.

Покажу я справку Евтушенко Жене
И скажу: «Ты понял, кто поэт из нас?»

Женя мне ответит что-нибудь по фене
И пинком отправит прямо на Парнас.

Жертва стрелкового спорта

*Я – мишень. Никуда от судьбины не деться.
Я – всего только круг для прицельной стрельбы.
Но не знаете вы, как сжимается сердце
Каждый раз в ожидании новой пальбы.
Никуда не уйти, я – мишень и не боле,
Этот тир для меня – и причал, и приют.
Но сильнее всего цепенею от боли,
Если с ближней дистанции бьют.*

Надежда Кудашкина

Я – мишень. Я вчера лишь об этом узнала,
Когда в тир забрела, чтоб разочек пальнуть.
Я увидела там молодого нахала,
Он теперь не даёт мне ночами заснуть.
Только лишь задремлю, он уже к изголовью,
Словно змей-искуситель, прилечь норовит
И, пытаясь меня одурманить любовью,
Как весенний ручей, возле уха журчит.
Слышу я в тишине: «Ты мишень моя, Надя,
Ну а я – кандидат в мастера по стрельбе».
Замираю я вся и, в глаза его глядя,
Соглашаюсь, не в силах перечить судьбе

Ода дураку

*Где десять умников откажут,
Там выручит один «дурак».
Без рассуждений он докажет,
Что можно было сделать так...*

.....
Есть, слава богу, «дураки».

Маргарита Лукашевич

Когда все умные откажут,
Ищите, бабы, дурака.
Без рассуждений он докажет
Предназначение мужика.
Он объяснит вам, что не надо

Искать в мужчине интеллект,
Чтобы не вызвать в нём досаду
И отрицательный эффект.
Да пусть все умные исчезнут
Из моей жизни мужики –
Мне наплевать, скажу вам честно:
Есть, слава богу, дураки.

Ошибка

*Кровь, как река в землетрясенье,
Рвалась из русла, не спросясь,
Вдоль лиц родных, давно ушедших,
Я проплывал не торопясь.
Сгорая в муках расставанья,
Гордыни сбросив плащ земной,
Я не успел на покаянье,
Господь послал уже за мной...
Тому, кто призван в мир поэтом,
Не выпадает долгий срок,
Но я с судьбою разминулся
У «лукоморья» детских строк.*

Виктор Бронштейн

Кровь, словно лава из вулкана,
Рвалась из тонких вен моих,
А я в бассейне у фонтана
Читал поклонникам свой стих.
Сгорая в творческих мученьях
И ног не чуя под собой,
Я ждал со страхом и волнением,
Когда Господь пошлёт за мной.
Тому, кто призван в мир поэтом,
Живётся тяжело на земле.
Господь, видать, забыл об этом
Иль не узнал во мне поэта
Там, в непроглядной звёздной мгле.

Тет-а-тет

*Корова встала на дороге
И смотрит. Вроде на меня.
Любовь Гибадуллина*

**Корова встала на дороге
И смотрит. Вроде на меня.
Как будто чувствует: изжога
Меня изводит уж три дня.**

**Корова думает: «Дурёха,
Что пялишь буркалы свои?
Я ж вижу, как тебе тут плохо...
Дои меня быстрее, дои!**

**Хлебнёшь парного молочишка –
Изжогу снимет, как рукой,
Потом черкнёшь об этом в книжке
И гонорар получишь свой».**

**Так мы с ней молча постояли,
И каждый думал о своём:
В моей душе стихи звучали,
Корова ж думала о том,**

**Что ходят всякие тут дамы –
Ни в зуб ногой о молоке –
И топчут свежий луг ногами,
Вкуснейший луг во всей Тунке.**

**И сами ж будут обижаться:
Невкусным стало молоко.
Ужели трудно догадаться,
Как нам, коровам, нелегко?**

Путаница

*Господь наш тоже кулинарил:
Создал сей Мир – и закемарил.
Любовь Гибадуллина*

Господь наш тоже кулинарил:
Создал меня – и закемарил.
Спросонья гены перепутал
И с Пушкиным меня попутал.
Теперь всю жизнь я так и маюсь:

Сравняться с Пушкиным стараюсь.

*Ах, у тебя есть женщина, мой милый!
Любовь Гибадуллина*

Ах, у тебя есть женщина, мой милый?!
Я буду поцарапать ей лицо.
Скажи ей, чтоб она не выходила
Одна сегодня ночью на крыльцо!

*Струится музыкой душа,
И звуки промывают тело.
Любовь Гибадуллина*

Струится музыкой душа,
И звуки промывают тело,
А я же, грешная душа,
Помыться мылом захотела.
Мочалка грохнулась к ногам,
И улетело в небо мыло,
И я, признаюсь честно вам,
Весь день немытая ходила.

*Всех женщин я твоих люблю
И всё, к чему ты прикоснулся.
Любовь Гибадуллина*

Всех женщин я твоих люблю,
Да, всех, которых ты коснулся,

И Господа о том молю,
Чтобы ты ими поперхнулся.

*Ты самый опытный из всех.
Чуть посмотрев, сказал: «Цунами!»*
Любовь Гибадуллина

Ты самый опытный из всех.
Чуть посмотрев, сказал: «Цунами!»
Но не пытайся: я из тех,
Кто всё рассказывает маме.

*Тебя я, кажется, забыла
И верной мужу быть решила...*
Любовь Гибадуллина

Тебя я, кажется, забыла
И верной мужу быть решила!
Но муж мой как-то догадался,
Что ты внутри меня остался...

Теперь во мне тебя он ищет,
Забыв про сон, работу, пищу!..

*А меня никто не любит,
ну – никто!
Разве только приголубит
дед Пыхто!..*
Любовь Гибадуллина

Что вас никто не любит, я не верю.
Увидев вас, я сразу полюбил,
И думаю, отчаянно краснея:
«Да где же я, придурок, раньше был?»

• **ПРОБА ПЕРА**

Владимир Кузекевич

Это первая публикация стихов Владимира Робертовича Кузекевича. При некотором стилистическом несовершенстве его стихотворных опытов, обращает на себя внимание их образность, детская открытость, стремление быть самим собою, то есть таким, как есть, понимая, что человек – это прекрасное несовершенство...

По просьбе автора текст не подвергался стилистической правке и сохранён «авторский бланк» – расположение строк и строф в стихотворениях.

Байкальский тополь

Был тихий день.
Я просто шёл по лесу.
И вдруг внезапно, у тропинки встав,
Явился ты – байкальский тополь! –
Могуч, красив и величав!
Красив особою мужскою красотой,
Как исполин, как ветеран седой,
В тебе сокрыта мощь и сила,
Уверенный, несуетный покой,
Кора потрескалась, шершава как морщины,
Сухие ветки, словно руки старика,
Но в образе сурового мужчины,
Стремление к жизни – на века!
Стоял ты до меня, стоять ты будешь после,
Как связь времён, как страж, как часовой
Тебя увидят те, кто будет после,
Тебя увидят те, кто будет жить за мной,
Шумит листва, идут за годом годы,
Иль снег идёт – летят за днями дни.
Тебе вершины обломили непогоды,
Но тянешь к солнцу ветви ты свои.

О женщине

Пусть о женщине сказано много
И написано – не перечесть,
Я скажу как перед Богом:
Есть загадка в женщине – есть!
Жизнь мужчины на то и уходит,
Чтоб загадку ту разгадать,
И хотя ничего не выходит,
Он берётся опять и опять!
Переменчива, непостоянна,
Притягательна, словно магнит,
И всегда – далека, но желанна,
Она дразнит нас и манит.
То невольница, а то тигрица,
Рукодельница и мастерица
Не давая мужчине покоя,
Мир крутя слабой женской рукою,
Как звезда, словно синяя птица
Это женщина – мира царица.
Жизнь свою мне не жалко потратить,
Чтоб загадку ту разгадать,
И хотя ничего не выходит,
Я пытаюсь опять и опять!

Сегодня буду сам не свой, и сразу не пойду домой,
Налью вина, стакан подвину, и времени включив машину,
Вернусь на двадцать лет назад, когда себе я был бы рад.
И точно знаю, что случится – в карету тыква превратится,
И я, беспечный, молодой, сижу с тобой в карете той...
И жизнь свою я так построю, чтобы все время быть с тобою,
Ошибки прежние исправлю, себя на верный путь направлю
И по-другому проживу всю жизнь прошедшую мою...
Очнулся я, вино разлито, машина времени – корыто,
И я, совсем себе чужой, сижу с больною головой...
И не распутан жизни узел, я не избавлен от иллюзий,
Но видно в том и благодать, что надо жить, а не мечтать.
Я все фантазии разрушу, поскольку разъедают душу,
И буду просто реалистом, прагматиком – не утопистом!
Но ... как порой всё же приятно, хоть в мыслях, и на миг
Вернуться в прошлое обратно!

Тосты

Когда мы за столом, когда мы пьём
То мы профессию, как правило, блюдём...
Колхозник – пьяный как свинья!
Напился столяр – пьяный в доску!
Сапожник – стельку,
А водитель – вдрызг!
Железнодорожник пьян в дрезину,
А шахматист – тот пьян в матину!
Вот кочегар – он пьяный в дым...
У каждого свои профессии причуды:
Понятно, что «есть у кого и что откуда»,
Пока мы не попали в вырезвитель...

В кого же напивается учитель?

Летела бабочка на свет, хоть понимала – света нет!
Летела бабочка к огню, себя кляня, – сгорю, сгорю!
Но всё-таки летела, неловко, неумело,
Летя на «крылиях» души, себе шептала -- не спеши!
Но всё-таки летела, хоть пламя жгло, не грело...
Мужчина тоже мотылёк, летит на солнечный цветок,
Вдохнуть запретный аромат, и он летит, чему-то рад...
И каждый в чём-то мотылёк: летит в огне искать цветок...
Так выпьем же за мужиков, что в поиске своих цветков
Летят, не думая на свет, летят, хоть в этом смысла нет!

БУДУШЕЛЫ –

**ЭТО ТВОРЧЕСКАЯ МОЛОДЁЖЬ,
КОТОРАЯ ПРИШЛА В НАШУ ЖИЗНЬ
ИЗ БУДУЩЕГО...**

Алёна Бояренцева

От автора:

«ВЗРОСЛЫЕ ИЛИ ШКОЛЬНИКИ?»

Этот вопрос звучит, казалось бы странно, но слушатели Высшей народной школы города Иркутска (ВНШ), которые уже в зрелом возрасте вновь «сели за парты», наверняка поймут, о чём дальше пойдёт речь.

Однажды я наблюдала в Педагогическом институте Иркутского государственного университета (ИГУ) такую «картину»: большая аудитория для «поточных» лекций, в которой «парты» расположены как кресла в амфитеатре, «волнами» поднимающиеся вверх, была до отказа заполнена «очень взрослыми» людьми. Самому молодому из них примерно лет пятьдесят. Светлые тона стен придавали этому помещению какой-то особенный уют. Постепенно аудиторию заполнили «взрослые школьники». Они – разные, но их определённо объединяло что-то общее. Кто-то из «учениц» задушевно беседовал, кто-то делился последними новостями и женскими секретами...

Тем временем лектор готовился к занятию, проверял исправность мультимедийной техники и содержание материала. Но

«учеников», которых в ВНШ принято называть «слушателями», пока это мало интересовало. Практически каждый из них был чем-то занят...

Это был очень впечатляющий момент, один из тех, что запоминается как часть нашей жизни. Часть, которая порой «впопыхах буден» кажется маловажной, а поэтому не стоящей особого внимания. Осознание её важности приходит потом, через некоторое время. Так и я, когда наблюдала эту предлекционную суету, не отдавала в полной мере себе отчёта в том, что на моих глазах происходит что-то важное и одновременно трогательное, без чего в том числе и моя жизнь была бы очень скучной и однообразной – этаким студенческой рутинной... Удивительно то, что когда я взялась за перо, мне вспомнился именно этот эпизод из жизни ВНШ, хотя к этому времени я была свидетелем-участником достаточно многих образовательных мероприятий школы. Мне кажется, я эту «картину» буду помнить многие годы в силу того, что прописная, немного поднадоевшая за время учёбы педагогическая истина «учится никогда не поздно» обрела для меня в тот момент черты реальных людей, которые объединились для того, чтобы вместе *продолжать* интересно жить, наперекор сложившемуся мнению, что после выхода на пенсию человек *доживает* остатки своей жизни.

Итак, начинается занятие... Все настроены очень серьёзно. Или только создают видимость? Ведь многие актуальные личные проблемы «учеников» до сих пор не решены, и некоторым необходимо обсудить их. Для меня стал очень интересным тот факт, что чем дальше находится «парта» от преподавателя, тем охотнее обсуждают ученики интересующие их вопросы, в том числе и по теме занятия.

Вдруг в аудитории появляется опоздавший... Он демонстративно, не заботясь о правилах этикета, со всей напыщенностью, не задумываясь о серьёзности момента, двигается к своему месту. Преподаватель, сделав паузу, пристально смотрит на опоздавшего. Затем очень тактично, обращаясь ко всем, а не только к одному «ученику» персонально, старается объяснить то, в чём он был не прав. Многие головы опущены. Как и в далёком детстве, «ученики» будто бы хотят стать ниже ростом и таким образом скрыться от строгих глаз преподавателя. Чувствуется, что многим стыдно: ведь они тоже могли, а возможно, не раз и оказывались на месте опоздавшего. А уж как стыдно самому опоздавшему...

Обычный день, обычная лекция, обычные ученики. И в то же время – всё необычно! Потому что у «учеников» Высшей народной школы главный девиз: «На пенсии жизнь только начинается!»

Люди третьего возраста пришли сюда с разными целями: кто-то реализует потребность в общении, кто-то самоутверждается в рамках школы. Многие пришли в школу потому, что надеются научиться чему-

то новому, о чём, возможно, мечталось давно, но всё было недосуг – надо было зарабатывать деньги, растить детей... У некоторых есть потребность, но не было возможности поделиться своими знаниями, умениями, навыками с другими людьми. И эти их желания так же естественны, как и сама жизнь, которая у каждого из нас пролетает в спешке, мы постоянно, куда-то торопимся, суетимся, не замечая при этом, что наша жизнь тает и просачивается в бездну, откуда мы и пришли, подобно льдинке, зажатой в ладони.

Слушатели ВНШ – люди абсолютно разные. У многих из них «за плечами» высшее образование. Все – взрослые, со своими взглядами на жизнь, способные передавать подрастающему поколению свой жизненный опыт. Но почему же в рамках занятий Высшей народной школы они так похожи на детей? Удивительно! Наверное, был прав человек, сказавший: «Чем старше мы становимся, тем всё более и более походим на детей». Крайне интересно наблюдать со стороны во время образовательного взаимодействия со слушателями ВНШ, как эти слова подтверждаются прямо у тебя на глазах.

Сама атмосфера такого образования творит потрясающие вещи с людьми любых возрастов. Например, слушательница ВНШ Мария Ильинична⁷⁸ – причудливого вида бабушка, и, судя по внешнему виду, в молодости она была жуткой модницей. Она и сейчас старается следовать, конечно, сообразно возрасту, за её последними тенденциями. Представьте себе, взрослая женщина, у которой, наверное, есть не один внук, шёпотом, стараясь не отвлекать соседей, с энтузиазмом повествует своей соседке о потрясающем мероприятии, на котором ей удалось побывать, и о галантном джентльмене, так кстати согласившемся помочь ей в очень важном деле... ВНШ в прямом и переносном смысле – «потрясающая» образовательная организация для людей третьего возраста, в рамках которой слушатели могут быть такими, какие они есть!

Они могут снова и снова на каждой лекции, во время занятий в группах, секциях, клубах по интересам чувствовать себя школьниками и молодеть душой от этого. Школа помогает многим из слушателей раскрыть свои таланты, дремавшие в них всю сознательную жизнь. Во время наших педагогических наблюдений мы встречали таких людей немало. Например, одна из слушательниц впервые в 60-летнем возрасте взяла в руки художественную кисть во время занятий в кружке живописи, а теперь она каждый год устраивает персональные выставки своих картин. Другая слушательница начала писать стихи, прозу, когда ей было уже далеко за шестьдесят, и выпустила в свет несколько собственных художественных книг. И. т. д.

⁷⁸ Мария Ильинична – имя отчество изменено, любые совпадения случайны (прим. – редактора).

Глядя на такую творческую деятельность слушателей, на бурную «студенческую жизнь» слушателей ВНШ, одна из молоденьких студенток Педагогического института ИГУ, которая довольно тесно сотрудничает с ВНШ, однажды удивлённо воскликнула: «Эти потрясающие люди в 60-70 лет раскрывают свои таланты, достигают поставленных творческих целей, стремятся всячески сделать свою жизнь интересней, а я в 20 лет – ни петь, ни танцевать...»

То, что слушатели ВНШ – это «взрослые дети» подтверждает ещё одно моё наблюдение. Большинство из них очень любят играть! В этом я неоднократно убеждалась, проводя, вместе с другими студентами, с ними тренинговые занятия, большинство из которых основано именно на игровой деятельности.

Я горжусь тем, что у меня есть возможность общаться с такими удивительными людьми, соединяющими в себе огромную жажду жить и желание поделиться своим жизненным опытом с младшим поколением. Они для меня пример того, что человек может побеждать неизбежно надвигающую старость, когда он молод душой.

НАДЁЖНЫЙ ПОМОЩНИК

Людмила Николаевна Романова, одна из «старичков» Высшей народной школы, куда она пришла семь лет назад в числе первых. Сегодня она один из самых бескорыстных помощников администрации ВНШ, преданный делу образования взрослых человек, который всей душой переживает за то, чтобы школа продолжала жить и развиваться.

Людмила Николаевна человек непростой и интересный. Эта «непростота»,

кажется, даже запечатлена в её внешности, в которой органично соединяется особая женская красота третьего возраста и строгость. Строгость к самой себе и к окружающим, особенно если они решили почему-то «пошалить» и нарушить устоявшиеся правила поведения в школе. Некоторым это не нравится, другие с благодарностью принимают её многочисленные инициативы, так как согласны, что порядок должен быть во всём, даже в мелочах.

Особенно её принципиальность и ответственность ценят организаторы школы.

– Людмила Николаевна, – говорит Ольга Васильевна Гордина, – *Это настоящий помощник, который добровольно берётся за выполнение таких сложных поручений, которые не каждому «по плечу». Например, летом 2016 года слушатели ВНШ стали частью экологического десанта, который участвовал в уборке мусора на острове Ольхон. Перед «десантированием» школа решила обозначить себя на острове собственным знаменем, на котором изображён герб школы и соответствующая надпись. Знамя было готово за день до отъезда. Но в надписи была сделана по вине фирмы, которая его изготавливала, незначительная фактическая ошибка. Участники «десантирования» готовы были и с таким знаменем ринуться в «экологический бой». Но Людмила Николаевна, узнав о возникнувшей проблеме, добровольно взяла на себя хлопоты выяснения отношений с фирмой. В результате последняя, после обстоятельного и принципиального разговора с Людмилой Николаевной, «сдалась» и переделала заказ. И это не единственный случай, когда эта удивительная женщина оказывается «на передовой» при решении сложных, часто «нервных» задач, требующих от человека проявления характера.*

У Людмилы Николаевны высшее образование. Она окончила химический факультет Иркутского государственного университета. Работала на руднике в Саянах, где находилось уникальное богатое месторождение, за открытие которого геологи получили Ленинскую премию. После этого практически всю сознательную жизнь работала в Иркутске в тресте «ВостокЭнергоМонтаж». По служебным делам «исколесила» весь Советский Союз: участвовала в запуске Абаканской ТЭЦ, Читинской ГРЭС, Братской ГРЭС, Белибинской атомной станции и др. Позже работала в школе учителем, откуда и ушла на пенсию.

В нашей с ней беседе она рассказала;

– *Я седьмой год занимаюсь в нашей школе. Мне с самого начала было в ней очень интересно, ведь это уникальная форма организации досуга пожилых людей! Стараюсь не пропускать лекции. Если же такое происходит, то исключительно по состоянию здоровья, что в нашем возрасте вполне уважительная*

причина. Кроме того, у нас много занятий по интересам, общешкольных и организованных вместе с городом

_____ А.Боярнцева. Взрослые или школьники?

образовательных мероприятий, таких как «Неделя неформального образования», «Бабушка-онлайн, фитнес, полиглот». Интересно всё. Некоторые кружки, студии, клубы существуют год или два, а потом прекращают свою деятельность по разным причинам, в основном из-за «потери связи» с преподавателем: переезд, рождение ребёнка и т. п. Но на их место «приходят» другие. Сначала я посещала почти все кружки. Сейчас у меня «остались», кроме лекций, студия «Живое слово», литературный клуб «Родные берега» и английский язык.

Она рассказала также, что все слушатели ходят именно на те кружки, которые им нравятся. Отметила, что очень хорошо читаются лекции, чувствуется, что преподаватели делают это, как говорится, от души. А как же иначе?! – Темы они определяют сами, делятся самыми любимыми своими знаниями, которые не всегда востребованы в их повседневной педагогической практике. Их нисколько не смущает, что перед ними великовозрастные ученики. А «ученики» с благодарностью внимают им и обязательно после каждой лекции провожают преподавателя аплодисментами – в школе это традиция. Иначе и быть не может, ведь лекторы за свою работу не получают денежного вознаграждения, выполняют свой долг исключительно на добровольческих началах. Часто преподаватели ВШ – это люди, которых слушатели сами «приводят» в школу, потому что им интересна та или иная тема.

– Вот, например, Ольга Юрьевна Юрьева у нас читает лекции по русской литературе, – продолжает Людмила Николаевна. – Мы очень ждём её лекций, потому что это потрясающая женщина, талантливый учёный, артистичный лектор! Она очень интересно ведёт занятия, открывает нам многие литературоведческие тайны, о которых мы до этого не знали, любопытные факты из биографии русских писателей...

Последнее моё личное открытие – Людмила Адамовна Бабицкая, которая ведёт в школе студию «Живое слово». Она ищет к нам новые «подходы». Мне кажется, ей интересно с нами, потому что она долгие годы преподавала студентам, с которыми у преподавателя выстраиваются отношения несколько по иным педагогическим принципам. Мы взрослые люди, каждый со своим, порой непростым жизненным опытом, своим устоявшимся взглядом на жизнь... У большинства из нас нет артистического опыта, а она ставит с нами множество театральных постановок, даёт особые творческие задания, разучивает стихи... И всё это в свободное от работы время. Хотя я лично не знаю – сколько у неё этого «свободного времени». Может быть, совсем немного, но она его тратит на нас...

В нашем разговоре Людмила Николаевна, размышляя о том, какую роль выполняет лично в её жизни школа, заметила, что главный «урок»,

который она «вынесла» из занятий, заключается в том, что, дословно:
«В нашем возрасте очень сложно быть терпимыми друг к

Народное обозрение

другу. А взаимосвязь очень важна. У нас не было бы такого «костяка», если бы мы не стремились так уважительно, с пониманием относиться друг к другу. Со многими слушателями мы созваниваемся, ходим вместе на различные мероприятия и выставки. Да, мы знакомимся в школе, но основное общение происходит за её рамками. У каждого из нас стало больше знакомых и друзей».

Важным образовательным эпизодом в своей жизни она считает тот период, когда в школе студенты пединститута преподавали для них живопись. Ей очень нравились эти занятия. Множество картин, которые она написала во время обучения основам живописи, подарила своим близким и родственникам.

Сдержанно, но не без гордости Людмила Николаевна рассказывала о том, что школу в Иркутске знают всё больше и больше людей. Этому способствует, в частности, участие слушателей в различных общегородских мероприятиях. Например, слушатели были участники «Площади талантов», которая летом обычно организовывается общественностью и городской администрацией на бульваре Гагарина. Там слушатели читали стихи, пели песни, некоторые из которых были собственного сочинения. Запомнился ей и День города, в праздновании которого школа приняла участие в виде отдельной красочной колонны, и, по свидетельству горожан, значительно «оживила» общее традиционное праздничное шествие.

Своеобразным пропагандистом ВНШ стала и сама Людмила Николаевна, которая рассказала:

– Да, разговаривая со многими знакомыми, я рассказываю о нашей школе, многие даже не знают, что в Иркутске есть такая школа. Близкие мне люди с интересом относятся к моему увлечению и тоже хотят присоединиться к нам. Мои знакомые из разных уголков нашей страны и за её пределами очень жалеют, что у них нет таких школ. Например, моя знакомая из Швеции рассказывала мне об их Высших народных школах, но проекты там развиваются совсем иначе....

Дело в том, что слушатели ВНШ – люди разные. Мы, я имею в виду актив школы, живём жизнью школы и города. Но есть и такие, кто, как говорится, «пришёл, послушал и ушёл». Что ж, это их право... Мне же лично некогда скучать, вместо того чтобы сидеть на лавочке или «тупо» смотреть телевизор, я предпочитаю заниматься многими делами как в ВНШ, так и за её пределами.

Спокойствие, сосредоточенность, строгость. Этими тремя словами я могу охарактеризовать нашу беседу с Романовой Людмилой Николаевной. На протяжении всего нашего разговора меня не оставляло впечатление, что внутри этого человека бурлит целая буря эмоций, но внешне невозможно этого увидеть. Людмила

Николаевна напоминала мне доброго и понимающего учителя, как оказалось в итоге, она работала некоторое время в школе.

Народное обозрение

В процессе нашего разговора мне удалось выяснить, что Людмила Николаевна с удовольствием занимается саморазвитием, её привлекают разные занятия, но предпочтение она отдаёт только наиболее интересным из них. Она признаёт, что большинство из полученных знаний не реализуются ею на практике, но, тем не менее, её точка зрения по поводу образования в третьем возрасте сводится к тому, что образование необходимо продолжать в течение всей жизни.

Я заметила, что Людмиле Николаевне свойственен ретроспективный взгляд на действительность. По большому счёту, он сводится к сопоставлению советского периода и современной России. Мы обсудили различия в системе образования, научной деятельности, промышленности и т. д. Я во многом согласна с её точкой зрения, ведь действительно реформирование в наше время не приносит таких результатов, как в советский период. Будем надеяться, что когда-то в будущем мы достигнем того же уровня, но пока ситуация плачевна.

На вопрос о семье Людмила Николаевна отвечает, что предоставлена сама себе и не считает нужным никого беспокоить. На этом этапе нашего разговора мне захотелось подарить Людмиле Николаевне очень много своей заботы. Возможно, потому, что моя мама точно так же одна в другом городе предоставлена сама себе. Представив себя матерью взрослых детей, я поняла, что не смогу не беспокоить их, хотя полностью уверена в том, что лучше не лезть в их жизнь. В этот момент я осознала, насколько сильным и выдержанным человеком является мой собеседник, мне очень не хватает этих качеств, хотя, возможно, со временем, если захочу, они обязательно появятся.

Мне хочется упомянуть о доброжелательности Людмилы Николаевны, которая с лёгкостью пошла со мной на контакт, когда я договаривалась о встрече. Ради того, чтобы встретиться со мной, она проделала путь до Педагогического института, хотя занятий в этот день у неё не было. Этот факт ещё до нашей встречи заставил меня искренне уважать Людмилу Николаевну.

После нашей беседы у меня остались только положительные эмоции. Я получила множество советов, которые касаются многих сфер жизни вообще и моей в частности. И я действительно полагаю, что они обязательно мне пригодятся.

**«МНЕ ИНТЕРЕСНО ВСЁ... ПРИХОДИТСЯ ТОЛЬКО
СОЖАЛЕТЬ О НЕДОСТАТКЕ ВРЕМЕНИ»**

Эти слова Людмилы Владимировны Арсентьевой можно назвать её жизненным кредо. Грациозность движений, приятная женственность, манера говорить, чуть-чуть выразительно прикрывая глаза, лукавый взгляд, открытая улыбка – всё выдаёт в ней артистичную натуру. Такой её видят слушатели и преподаватели Высшей народной школы.

И действительно, Людмила Владимировна, как принято говорить, «в молодости» (хотя это выражение совершенно «не вяжется с её внешностью и манерой поведения) занималась в народном театре. Полученные навыки выступления на сцене она неоднократно, ещё до появления в студии «Живое слово», демонстрировала на общешкольных и городских мероприятиях, в литературном клубе ВНС «Родные берега» и просто во время общения на школьных или клубных «тусовках» на лоне природы и во время дружеских чаепитий.

Но всё-таки «чистым гуманитарием» её нельзя назвать. Людмила Владимировна по образованию – программист, закончила в своё время киберфак ИГУ. Потом достаточно долго работала, сначала в подрядной

организации «Каскад», в сосновском ПГО. Затем с мужем уехала в Монголию, где тоже работала программистом. После этого

Народное обозрение

служила в областной администрации. Там она опять-таки занималась сопровождением программного обеспечения. А ещё была работа в контрольно-счётной палате уже в качестве бухгалтера.

Можно не сомневаться, что её творческая натура проявлялась всегда и во всём в период её активной трудовой деятельности? – Вопрос риторический. И если верно говорят, что «нет неинтересных дел, есть неинтересные люди», то Людмила Владимировна как раз тот интересный человек, который может стать украшением и одновременно творческой движущей силой любого дела.

В нашей с ней беседе она косвенно подтвердила это такими словами:

– Всё хорошо по-своему! Вообще ведь очень интересно узнавать что-то новое! Приходится жалеть только о недостатке времени: у меня нет ни одного свободного дня! Каждый день занятия, а то и несколько...

Среди любимых «уроков» она назвала лекции по литературе Ольги Юрьевны Юрьевой, по астрономии Сергей Артуровича Язева. Людмила Владимировна увлечённо занимается лечебной физкультурой в группе «Твоё здоровье – в твоих руках», занятия по которой проводит опытный педагог Ольга Николаевна Ивлева. В «сфере её жизненных интересов» литературный клуб «Родные берега», студия «Живое слово», любительский клуб «Модный сундучок».

Она твёрдо убеждена, что знания вообще никогда не бывают лишними, потому что никогда не знаешь, на каком возрастном этапе тебе может пригодиться та или иная информация.

– Те же лекции по психологии, – рассказывает Людмила Владимировна, – дают возможность понять многие аспекты поведения человека. Наталкивают на мысли о том, что, возможно, в какой-то момент допускал ошибки, например, в воспитании детей. Думаешь о том, что если бы раньше овладеть этими знаниями, многое могло бы сложиться значительно проще. Ведь нас никто не учил быть родителями, каждый сам «пробивал эту стену собственным лбом», методом проб и ошибок.

Без сомнения, кроме прикладных знаний, которые Людмила Владимировна получает в школе, особенно ей близки занятия в литературном клубе ВНШ, где он вместе с другими участниками открывает для себя новые имена писателей и поэтов, познаёт глубже творчество уже известных мастеров литературного слова, размышляет, делится своими впечатлениями о прочитанном.

Последнее её увлечения – студия «Живое слово». Людмила Владимировна была одной из тех, кто долго и настойчиво говорил о том, что школе необходим свой народный театр. И когда в ВНШ появилась такая своеобразная «театральная площадка», она была в

прямом смысле первой, кто записался в студию. Неудивительно, что её роли и в классических, и в шуточных постановках студии один

А.Бояренцева. «Мне интересно всё...»

из самых запоминающихся. О занятиях в студии она с увлечением может рассказывать «часами».

– В студии «Живое слово» мы в этом году поставили две сказки «Муха-цокотуха» и «Разноцветная семейка». Мы показали эти постановки в нашей школе, в детском доме и двух школах для детей с ограниченными возможностями.

Когда дети смотрели наши небольшие спектакли, у них горели глаза! Они так живо и эмоционально воспринимали всё происходящее на сцене, что даже, например, паук, который по сценарию является отрицательным героем, казался им очень-очень хорошим и привлекательным. У детей такое непосредственное восприятие, что невольно заряжаешься, и это запоминается больше всего. Мы все, кто участвовали в этих мини-спектаклях, остались очень довольны их радушным приёмом.

Людмила Владимировна не из тех людей, кто до прихода в школу испытывал недостаток в друзьях, потому что, по её словам, «всегда была очень коммуникабельной». Но именно в школе она обрела единомышленников – таких людей, которые могут и хотят интересно жить. А теперь её не оставляет чувство: «Кажется, я знаю полгорода: в трамвае, на улице, везде знакомые лица!» И ещё Людмила Владимировна одна из тех, кто всегда готов поделиться с другими людьми своими новыми открытиями:

– За последние годы мы с дочерью несколько раз ездили в Испанию, и два года назад я рассказывала в школе о нашем путешествии, делилась, так сказать, туристическим опытом.

Или, например, я стала замечать, что моя тринадцатилетняя внучка немного сутулится, а в это время на занятиях в «Модном сундучке» нам показали несколько упражнений, которые являются элементами восточного танца. И я показала эти движения внучке, она восприняла с интересом. Также я брала её с собой, когда мы ходили в лес с другими слушателями. Правда, сейчас, в силу возрастных особенностей, наверное, ей будет не очень интересно с нами... В её возрасте главенствующую роль во взаимоотношениях с другими людьми занимает общение со сверстниками... Но ничего! – У меня есть ещё одна внучка немного младше, буду брать её.

Кстати, в семье к её увлечённым занятиям в ВШШ дети относятся неоднозначно.

– С одной стороны, – говорит Людмила Владимировна, – они рады за меня, потому что понимают: мне точно не придётся скучать, и я не превращусь в сварливую бабушку, «протирающую юбку» на лавочке. А с другой стороны, иногда обижаются, что им уделяется меньше внимания...

Что ж, наверное, таков удел всех молодых душой бабушек, которые не согласны «доживать» свою жизнь в виде безвольного и безынициативного приложения к жизни своих детей, потому что они

Народное обозрение

продолжают жить полной жизнью, не ограниченной территорией кухни или приусадебного участка. Именно поэтому Людмила Владимировна не просто прилежно посещает занятия ВНШ, но и является одной из тех, кто активно включается в общее дело, а то и вовсе может стать его «застрельщиком». Так, слушатели школы хорошо знают, что она всегда является одним из главных организаторов выходов школы в лес. Причём в любое время года. Например, она непременно приглашает на свой день рождения близких друзей, соратников-слушателей и преподавателей в лес! И это в ноябре, когда «унылая пора очей очарования» не только у нас в Сибири – «на излёте»: белые мухи кружат, может серьёзно мороз «прижать». Но ей и таким же, как она, энтузиастам – всё нипочём!

Людмила Владимировна – участник всех митингов, которые поддерживает ВНШ. Например, преподаватели ИГУ вспоминают, что она была в первых рядах, когда Педагогический институт, ещё бывший в составе Восточно-Сибирской государственной академии образования, отстаивал автономию этого высшего учебного заведения. Одно из последних событий, где она была «замечена», – представление ВНШ на Городской ярмарке волонтёрского движения. Разумеется, к моменту выхода этого материала Людмила Владимировна уже успеет побывать на других (и не на одном!) городских мероприятиях.

Как-то Аневито Кем сказал: *«Есть люди на земле, с которыми поговоришь, как солнца выпьешь... Начинаешь весь светиться изнутри»*. Я неспроста вспомнила эту цитату. Она полностью отражает моё состояние после беседы с Людмилой Владимировной. Во время нашего разговора я постоянно ловила себя на мысли, что она обладает способностью по-матерински, добрыми и мудрыми глазами взглянуть на волнующуюся студентку и снять невольное волнение, которое возникло у меня во время нашей беседы. Пожалуй, именно такой взгляд способен творить чудеса: убрать барьеры в общении, направить диалог в позитивное русло. На протяжении всего нашего разговора меня не оставляло ощущение беседы с близким человеком, добрым наставником, который желает тебе только лучшего.

Меня очень удивило то, что Людмила Владимировна не скрывает свой возраст, а значит, она не считает себя пожилой, не сопоставляет цифры в паспорте со своими возможностями. Она полна сил и энергии, способна идти в ногу со временем, обладает неиссякаемым потенциалом для деятельности.

Говоря о ВНШ, я часто упоминаю одну закономерность: слушатели ВНШ очень похожи на обычных школьников. Но вспоминая Людмилу Владимировну, я не могу сказать, что она похожа на

А.Боярнцева. «Мне интересно всё...»

школьницу. Даже среди остальных слушателей она ведёт себя несколько «по-взрослому». Она очень авторитетна в группе своих сверстников, к её мнению стараются прислушиваться остальные, будто бы зная, что её совет обязательно окажется верным и поможет в любой ситуации. Лидерские качества Людмилы Владимировны неоспоримы, именно такие люди способны вести за собой, но она ... не стремится к власти над другими людьми.

После нашего разговора я задумалась о том, что пока не представляю себя в «третьем возрасте». Не знаю, хорошо это или плохо, но на вопрос, какой бы я хотела быть в этом возрасте, я ответила бы: «Во многом похожей на Людмилу Владимировну». Ведь все те качества, перечисленные мною ранее, очень близки мне. Да и вообще я искренне хочу, чтобы таких людей в нашем мире было больше.

Т. Лукьяненко. «Есть красота...»

Татьяна Лукьяненко

От автора:

**«ЕСТЬ КРАСОТА...
И ПОЧЕМУ ЕЁ ОБОЖЕСТВЛЯЮТ ЛЮДИ»**

У каждого человека понятие о красоте своё. Для кого-то это красивый загородный дом с дорогой отделкой, для кого-то новый «продвинутый» телефон последней модели, а для других это чистота помыслов и мудрый, добрый, достойный уважения человеческий поступок! Даже при таком сравнительно беглом взгляде на то, как может «красота» восприниматься разными людьми, видна огромная разница!

Приведу простой пример: представим, что мы идём мимо пекарни и на витрине видим бисквитный, пропитанный вкусным сиропом торт с белоснежным, густым, взбитым сметанным кремом и большой созревшей клубникой. Первое наше впечатление – это восхищение! Нам сразу хочется его попробовать! Но вот в чём парадокс, не всегда этот на вид красивый аппетитный торт оказывается таким же достойным по вкусу! Он может, например, оказаться приторно-сладким или же чересчур кислым...

Так же по аналогии бывает и с человеком! Как часто бывает ошибочным наше мнение о том или ином человеке! В жизни мы встречаем разных людей. Они бывают внешне очень привлекательными (красивыми!), на первый взгляд умными и воспитанными. Обычно такие люди у всех вызывают симпатию. Но когда они начинают говорить, то сразу понимаешь, как был прав

Народное обозрение

Сократ, произнёсший однажды: «Заговори, чтобы я тебя увидел!». Этот человек может оказаться либо слишком избалованным вниманием и материальным достатком, либо в его действиях будет виден явный негативизм по отношению к окружающим и готовность в любой момент, образно говоря, «воткнуть нож в спину», будь это близкий друг или совершенно посторонний человек!

Конечно, я говорю сейчас лишь про какую-то часть таких людей. Есть и положительные примеры, когда внешняя «обёртка» полностью соответствует внутренним личностным качествам человека! Ведь существуют противоположные примеры. Например, мы иногда встречаем угрюмых или крайне застенчивых людей, которые на первый взгляд не обладают «прекрасными» внутренними качествами! Но при более длительном общении с ними становится понятно, насколько это хорошие и порядочные люди. В этом случае нам, как правило, просто не хочется с таким человеком расставаться. Ведь с ним так приятно и интересно беседовать! Т. е. вместе размышлять, что-то открывать в нём и себе...

Нечто подобное произошло, когда я попала на занятия Высшей народной школы. Парадокс заключался в том, что наша дистанция в возрасте должна была выражаться во вполне естественных внешних и, самое главное, внутренних признаках: ведь у наших поколений такие разные взгляды на жизнь, такие разные интересы...

Но с первых же шагов знакомства с «жителями этой школы», которых все называют слушателями ВНШ, а сами они себя – учениками, мне сначала смутно, а потом всё отчётливее и явственнее стало понятно, как мне повезло! Я ещё никогда в жизни до этого не видела такого большого количества «бабушек и дедушек», сведённых в одном месте, которые решительно не хотят себя называть пожилыми (т. е. прожившими уже жизнь!) людьми и гордо именуют себя «людьми третьего возраста». Позже я поняла, что биологическое понятие «возраст» не всегда совпадает с психологическим, хотя уже неоднократно в жизни «имела счастье» сталкиваться среди своих сверстников с «молодыми старушками и стриками». Я просто не задумывалась всерьёз об этом социально-психологическом феномене – «молодые старики». Жажда новых знаний, которая читалась в их лицах, желание изменяться самим и изменять окружающий мир, которые имеют скучные названия научных терминов «третичная социализация», «самоактуализация», «самоидентификация» и т. п., – меня ослепляли своим

непосредственным очарованием реально стоящие передо мной люди. Это был не научный миф, не художественный вымысел (сказка!), а живые люди! Оставалось только понять, почему они сумели сохранить такой интерес к жизни и к самим себе. Это и оказалось самым трудным...

Т. Лукьяненко. «Есть красота...»

В Высшей народной школе много творческих, неординарных личностей как среди слушателей, так и среди преподавателей, которые поражают всех окружающих своими возможностями. Несмотря на свой возраст, они потрясающие танцоры и актёры. У них золотые творческие руки, знающие толк в любом деле, за которое они берутся, будь это урок по макраме, урок рисования или живописи. Они восхитительно поют и принимают активное участие в общественной жизни города Иркутска, выигрывают гранты за добрые дела, принимают участие в общественных акциях, субботниках и концертах. Писатели, поэты, журналисты из литературного клуба ВНС «Родные берега» «несут в мир добро» словом, публикуя свои труды в альманахах и газетах, издавая книги своих произведений...

В рамках своей научной работы, которая называется «Развитие творческих способностей как фактор социализации человека третьего возраста», мне предстояло взять интервью у творческих, ярких слушателей ВНС. Для меня это дело новое, но благодаря рекомендациям научного руководителя мы пошли в «бой»! Оказывается, брать интервью дело непростое... Даже просто позвонить и договориться о встрече с незнакомым для тебя человеком – дело тонкое! Но с каждым звонком становилось всё легче! При встрече следовало учесть место, где будет проходить беседа. И сразу же возникла проблема: как найти в стенах Педагогического института укромный уголок, где нам не помешают шумные студенты! Я выбрала диван возле деканата: кто же посмеет кричать в таком месте! Не стоит забывать также о том, какое впечатление ты произведёшь на собеседника в первые минуты знакомства... Так что мы с девочками, которые также брали интервью по заданию научного руководителя у других слушателей ВНС, «ответственно» выбрали для себя деловой стиль.

Но самое ответственное ожидало нас впереди! Это непосредственный процесс интервьюирования! Заочно мы знали, с какими людьми будем беседовать, и у нас, как у любого человека, возникли предположения о том, каким примерно будет собеседник... Но тот образ, который создаёшь в своём воображении, всегда отличается от образа реального человека, с которым начинаешь говорить. Это я поняла сразу же, когда, например, начала брать интервью у Дмитрия Викторовича Шматкова...

Когда он сел напротив меня, у меня, если честно, задрожали ноги, и мне хотелось убежать и спрятаться, потому что он показался

мне сердитым, молчаливым и совсем неготовым вести со мной какой-либо диалог. Он нахмурил свои густые брови, собрал руки в замок и молча посмотрел на меня своими большими голубыми глазами. И тут я поняла, что не зря говорят: «Глаза – отражение души». Ведь «они смотрели на меня» как-то по-доброму, как будто Дмитрий Викторович сам боялся этого «злополучного» интервью и дико смущался!

Народное обозрение

Я взяла себя в руки и попыталась улыбнуться. Представилась. Предупредила, что это мой первый опыт в качестве журналиста. Он ответил мне улыбкой. А потом вдруг сказал, что у него тоже никогда никто не брал интервью. Этим он меня успокоил, и я сказала: «Давайте вместе будем учиться...». Мы пошутили и начали беседу. И вот какое чудо! – После пяти минут диалога Дмитрий Викторович раскрылся мне совершенно с другой стороны.

Во-первых, мне показалось, что он человек очень образованный: его речь была обдуманной, логичной и грамотной.

Во-вторых, он, безусловно, человек воспитанный, когда ему вопрос казался неловким, он не говорил мне, что не хочет отвечать на него, а просто наклонял голову либо влево, либо вправо... Видно было, что его что-то смущало... Но он всё равно, немного пораздумав, отвечал. Такое уважительное отношение мне было приятно, и я старалась отвечать взаимностью.

В-третьих, он оказался скромным. Когда я начала расспрашивать про его творчество, он засмущался и стал отвечать короткими фразами, «уходя» от разговора...

Мне кажется, Дмитрий Викторович умеет смотреть на мир под своим особым углом зрения и замечать такие нюансы, оттенки, мгновения жизни людей, животных, растений, которые не каждый человек заметит. Всё это он запечатлевает на камеру и делает такие снимки, которыми восхищаются многие люди.

Я не исключение. Хотя я вечно куда-то спешу и, возможно, мне не хватает умения остановиться, более внимательно взглянуть в жизнь, которая бурным потоком течёт рядом со мной, но часто мимо меня. Так вот, даже меня сумела остановить одна из фотографий, которая была представлена на его персональной выставке, разместившейся в узком коридоре первого этажа нашего института. Мне она показалась особенно «живой». Один взгляд на неё смог меня во мгновение ока перенести в мою деревню, в которой я родилась и выросла. На фотографии был запечатлён большой бык с могучими рогами и колокольчиком на шее. Этот «воспитанный» (так я его назвала потом) бык пил воду из крана. Мне почему-то показалось, что эта вода такая вкусная, свежая и холодная, а на улице жарко, душно и ярко светит солнце! Мне даже самой захотелось пить и на мгновение показалось, что вокруг пахнет навозом и сеном!

Меня так поразила эта фотография, что я стала внимательно рассматривать другие снимки. И в каждом невидимый лучик души

автора высвечивал для меня, подобно солнцу, мгновения, частицы, кусочки жизни, скрытые от наших глаз суетностью бытия. Я вдруг поняла, что Дмитрий Викторович настоящий художник. Что внутри этого внешне очень сдержанного, неразговорчивого, угрюмого человека бушует множество ярких красок, которые, подобно северному сиянию или радуге на небе,

Т. Лукьяненко. «Есть красота...»

отражаются в его снимках. И это чудо, которое достойно уважения и восхищения. Это и есть настоящая красота.

*А если это так, то что есть красота
И почему её обожествляют люди?
Сосуд она, в котором пустота,
Или огонь, мерцающий в сосуде?*⁷⁹

Тот, кто ответит правильно на этот риторический вопрос Николая Заболоцкого, сможет открыть для себя внутренний мир, не только свой, но и окружающих! Например, после общения с Дмитрием Викторовичем я стала думать о том, «кто я такая», что меня ждёт впереди, что мне необходимо сделать, чтобы окружающие меня люди улыбнулись? Только ради одного этого стоило однажды переступить порог Высшей народной школы, хотя бы в качестве исследователя.

«Я РИСУЮ ВО СНЕ»

Холодный осенний день, я тороплюсь на встречу с удивительной женщиной, которая дарит окружающим радость общения с живописью. Искорки радости и теплоты этого «общения» пронизывают всех, кто хоть раз видел картины Ольги Ивановны Давыденко. Милая, на первый взгляд, хрупкая женщина, принесла в этот холодный осенний день на нашу встречу четыре достаточно тяжёлые картины, которые ей пришлось «тащить»

⁷⁹ Строчки из стихотворения русского поэта Николая Заболоцкого.

через весь город, чтобы просто показать их мне...

Такое уважительное отношение к нашей встрече меня потрясло. Не менее приятным было и первое впечатление, которое произвела на меня Ольга Ивановна как женщина: романтический стиль в одежде подчеркивал её чуткую натуру, волосы, собранные в красивую

Народное обозрение

причёску, говорили о ней как о человеке, который не только ухаживает за собой, но и тонко чувствует прекрасное, увлекается творчеством. Своеобразным продолжением этого творческого начала была она сама. Я видела перед собой лёгкую как перышко женщину с открытой красивой улыбкой и одновременно с какой-то «тайной-изюменкой» внутри, которая привлекала и завораживала. Казалось, что в ней самой пылал огонь творчества, который с первых минут нашего разговора заполнил всё пространство. И я уже не могла ни о чем другом думать, кроме как о том, что значит в её сегодняшней жизни детская мечта стать художником.

Жизнь пройти – не поле перейти. Мечта всегда была с ней и в ней, но после окончания химического факультета Иркутского государственного университета она 40 лет проработала в теплоэнергетической отрасли. Как принято говорить, прошла путь от рядового инженера до руководителя химической лаборатории.

Ещё в молодости покупала краски, надеясь в свободное время свершить свою мечту. Но всё свободное время поглощала работа, семейные хлопоты, воспитание детей. Лишь урывками рисовала на картоне, принимала участие в оформлении стенных газет на предприятии. И всё. Но краски сохранились, они волновали и тревожили, и её никогда не покидала мысль, что однажды она всё же начнёт «рисовать». И действительно это небольшое чудо свершилось после выхода Ольги Ивановны на пенсию. А именно тогда, когда она пришла учиться в Высшую народную школу (далее – ВНШ), где сразу же стала посещать кружок рисования. Ольга Ивановна вспоминает:

– Мы рисовали по полтора часа, но этого времени было мало, чтобы стать художником, остальное время «добирала» дома самостоятельно, где я в основном писала маслом. Вскоре также стала посещать занятия в художественном городском обществе «Бабр».

Интересно то, что когда я спрашивала о том, какую роль в её жизни сыграла ВНШ, Ольга Ивановна выделяла именно те моменты в образовательной деятельности, которые так или иначе отразились в её творчестве. Поэтому в фокусе её внимания были: встречи со студентами, которые рассказывали о живописи; встречи с творческими людьми, которые вдохновляли её на различные темы будущих её художественных полотен.

Отличительная черта Ольги Ивановны, как, впрочем, многих слушателей ВНШ – жажда к знаниям. Для них девиз «Учиться никогда

не поздно!» стал определяющим. Ольга Ивановна никогда не ограничивала круг своих образовательных интересов только занятиями в школе. Во время нашей беседы она упоминала различные художественные кружки, творческие объединения, в работе которых она принимала или принимает участие до сих пор. В том числе и поэтому круг её знакомых после выхода на пенсию не только не сузился, но и значительно расширился. Сегодня в ВНШ она в числе

Т. Лукьяненко. «Я рисую во сне»

тех, кто не только «черпает» знания от других, но и делится полученными навыками и опытом художественного мастерства со слушателями в рамках проводимых ею мастер-классов. Такая помощь школе оказалась очень своевременной, потому что в кружке рисования временно не проводятся занятия – нет преподавателя.

У Ольги Ивановны дружная семья, которая с интересом наблюдает за развитием «проснувшегося» в дочери, жене, маме таланта живописца. Она об этом с юмором говорит: «ВНШ даёт возможность самой развиваться и семье отдохнуть от тебя». Но шутки шутками, а её выставки посещает даже мама, которой уже 88 лет, а дочери дарят холсты, краски, книги по живописи.

Наши беседы с Ольгой Ивановной стали для меня своеобразной «школой живописи». Я узнала для себя много нового о том, как пишутся полотна акварелью и маслом. Оказывается: *«Каждая краска любит свой антипод, красное с зеленым, фиолетовое с жёлтым, и только тогда они могут взаимодействовать и играть друг с другом»*; *«Техника написания художественного полотна акварельными красками отличается от «техники масла»*. Акварель – *«прозрачная живопись»*, поэтому надо работать *«от белого пятна»*, т. е. сначала кладутся светлые краски, а затем тёмные. При работе с масляными красками, наоборот, тёмные краски *«осветляются»* светлыми; *«художники считают, что «зелень» – ядовитая сама по себе, поэтому они стараются одной зелёной краской не писать и разбавляют её охрой или другими красками, чтобы картина «теплой» становилась»*; *«Быстрое письмо называется «Али прима»*. Особенность этой техники заключается в том, что надо в *«один присест»* запечатлеть на полотне то, что увидел, и у тебя это по каким-то причинам вызвало эмоции...»; *«Живопись голландских художников многослойная. Они прозрачными красками (марс, умбра и др.) один слой накладывают, потом другой, потом третий и получается эффект просвечивающей и объёмной живописи. Этот стиль написания картины требует просушки холстов до 15 дней!»*; *«Голландцы, когда писали свои художественные полотна, считали, что яблоко – это символ греха, а если бабочка на фруктах – это душа летает, или виноград – это кровь Христова...»* (О. И. Давыденко).

А ещё, беседуя с Ольгой Ивановной, я поняла, что у неё есть своё творческое кредо – принципы, которых она придерживается, взяв в руки художественную кисть. Вот что она мне рассказала:

– Я уважаю любое творчество вообще и, в частности, художественное, даже если художники пишут в другой манере (Малевич, Кандинский и др.).

– Если ты закончил картину, и она понравилась, я счастлива безмерно... И все болезни проходят! И все какие-то неприятные впечатления, события, произошедшие в твоей жизни, «уходят на задний план».

Народное обозрение

– Меня привлекает в живописи то, что можно с помощью красок отобразить происходящее в душе... Мне хочется восхититься красотой этого мира!

– Ко мне «творчество» приходит прямо в процессе живописания, когда я беру в руки кисть и начинаю накладывать краски на полотно...

– Творческий человек – это тот, кто старается не сидеть сиднем на одном месте – он всегда в движении, идёт навстречу жизни. Он не жалуется на трудности, а всё своё время отдаёт для утверждения в мире идеи красоты. Он живёт, для того чтобы создавать красоту и дарить её другим людям!

– Картина несёт в себе энергетику автора, потому что она написана не только руками художника, но и его душой. Например, Мунк написал картину, которая называется «Крик». В ней отражены его переживания о сестре, оказавшейся на больничной койке, и друге, с которым приключилась беда. Картина страшная... Таковую в доме держать нельзя. Поэтому её репродукцию я перевернула и на обратной стороне написала другую... Я страшилки писать не могу.

– Творчество – это некая публичная откровенность. Создавая картину, ты как бы обнажаешь душу. Не каждый человек готов публично откровенничать о сокровенном, обнажая свою душу перед всеми...

У Ольги Ивановны, как и у любого творческого человека, свой индивидуальный жизненный маршрут. Часть его – занятия в ВНШ. Художница говорит:

– Вокруг меня в ВНШ много людей, которые занимаются творчеством: одни сами пишут стихи, другие читают басни, стихи полюбившихся авторов, участвуют в театральных постановках, третьи ходят в «Модный сундучок» – у каждого человека своё творчество. А время оно быстрое, и нужно успевать жить...

Благодаря таким слушателям ВНШ она оказалась в благодатной для себя среде, и поэтому полна творческих планов. А слушатели ВНШ, а теперь уже и преподаватели Педагогического института с нетерпением каждый год ждут её персональную выставку, на которой они не только встречаются с полюбившимися художественными произведениями автора, но и приобретают картины для себя, своих знакомых и родных. Кроме того, у Ольги Ивановны широкая, щедрая душа. По её признанию, она уже более тридцати полотен подарила.

Любимая её тема – природа во всём её многообразии: цветы, пейзажи, натюрморты и, конечно, Байкал. Она обожает русских художников Шишкина, Айвазовского и других, которые, по её словам, писали «душевные картины». Ей нравится писать эскизы к своим будущим картинам с натуры. Она с теплотой вспоминает о своих пленэрах, когда она как бы «принимает в себя» наблюдаемый

Т. Лукьяненко. «Я рисую во сне»

окружающий мир, который, став частицей её души, затем отражается в художественном полотне.

Творчество по-настоящему завораживает Ольгу Ивановну: *«Иногда даже во сне рука движется подобно тому, как мы наносим краски на холст, – размышляет художница, – и думаю: «Надо же! – Я рисую во сне!» Прямо иной раз внутри меня что-то «горит», так хочется нарисовать что-то!»*

Слушая Ольгу Ивановну, рассматривая её художественные произведения, я невольно подумала: «Какой она счастливый человек!» Потом вспомнила про картину, которую я приобрела на её выставке. И мысленно её поблагодарила, потому что, какие бы у меня ни происходили, как и в жизни любого человека, неприятности, я смотрю на картину Ольги Ивановны – и становится легче: ромашки, изображённые на ней, напоминают о бескрайнем поле, выйдя в которое возникает чувство легкости, небесного и земного простора... Как будто подул ветерок и его нежные воздушные потоки уносят тебя, словно облачко, туда, где хорошо и уютно.

«ЕСТЬ МЕЧТА У МЕНЯ – НАУЧИТЬСЯ ПИСАТЬ...»

Олег Лаврентьевич Емельянов – приятный улыбчивый человек с добрыми глазами. Пришёл на нашу встречу с куклой-оберегом, которую он делал четыре часа своими руками. Эта кукла, как пояснил он, для него своего рода домовушка или просто – домовой. Когда она почти готова, нужно «от души прошептать» – загадать пожелания, которые кукла обязательно исполнит! Самое главное во всё это верить!

Слушатели ВНШ вспоминают, что, когда Олег Лаврентьевич впервые появился в школе, он производил впечатление замкнутого и слишком

стеснительного человека. Каково же было их удивление, когда он вышел на сцену в одной из главных ролей «жениха-медведя» в небольшом спектакле, который студии «Живого слова» поставили по пьесе А. П. Чехова «Медведь». На их глазах произошло небольшое чудо! В день премьеры его и всех артистов, участвующих в постановке, слушатели провожали со сцены бурными

Народное обозрение

аплодисментами. Они не жалели своих ладошек и потому, что хорошо знали: большинство из актёров поднялись на театральные подмостки впервые. А сама студия «Живое слово» открыла в школе новое направление образовательной деятельности, о котором совсем недавно слушатели ВНШ только мечтали. Поэтому неизбежные шероховатости актёрского мастерства самодеятельных артистов благодарными зрителями, безусловно, и даже с каким-то восторгом прощались! Самый главный успех заключался ни в красивых костюмах, которые студии делали своими руками, ни в декорациях, ни в глубине интерпретации образов героев, а в том, что перед ними выступали, буквально «преодолев себя», их товарищи, с которыми они вместе сидели на лекциях, занимались в кружках и клубах, ходили в походы, даже ездили за границу.⁸⁰ Они их узнали совсем с другой стороны, искренне радовались за них и немного гордились.

– Нам просто повезло, что Олег Лаврентьевич – слушатель нашей школы, – говорит один из руководителей школы Александр Иннокентьевич Гордин. – Во-первых, он – мужчина (у нас в ВНШ их не так много), а во-вторых, мужчина настоящий: чуткий товарищ, верный помощник, на которого можно положиться в любом деле. Он один стоит, как говорится, десятерых. Мне без него было бы в школе гораздо менее комфортно. Все общешкольные праздники, походы в лес, наше участие в общегородских мероприятиях проходят при обязательном участии Олега Лаврентьевича. А это значит, что мы все чувствуем рядом крепкое мужское плечо.

Это человек порядочный, очень внимательный, удивительной силы воли. В своё время он перенёс тяжелейшее заболевание, которое не смогло его ни духовно, ни физически сломить. Когда подобное несчастье подкралось к одной из самых активных слушательниц ВНШ, он первый протянул ей руку помощи, посещал её в больнице, подбадривал своим примером, делился горьким, но в этот момент очень полезным для неё опытом. И женщина благополучно преодолела эту чёрную для неё полосу жизни!

Олег Лаврентьевич, как и положено настоящему сибиряку, увлекался рыбалкой, охотой, любит тайгу и Байкал. У него среднее специальное образование (закончил Тулунский совхоз-техникум). Работал сначала начальником участка, потом трактористом. Потом

⁸⁰ В 2013 году делегация от ВНШ в составе 21 слушателя посетила скандинавские страны: Швецию, Норвегия, Данию, Эстонию, где проходили стажировка и обмен опытом работы Высших народных школ в Европе и России.

немного поработал учителем труда и черчения. В 1993 году переехал в город Маму, где три года работал кочегаром.

Вырос он в семье, в которой было 12 братьев. «И каждый из нас, вспоминает Олег Лаврентьевич, – по заведённой в семье традиции должен был уметь танцевать вальс. В Новый год у нас в семье в праздничной атмосфере проходил конкурс на лучший танец. Я даже как-то один раз занял первое место...».

Т. Лукьяненко. «Есть мечта у меня...»

Больше всего в школе его привлекает «живое общение», которое помогает ему приобретать новых друзей.

– Могу встретить их в городе, поздороваться, пообщаться, – эмоционально комментирует он, – и все они как родные – получается!

А самый любимый кружок – студия «Живое слово». Хотя сначала посещал литературный клуб.

– Но посмотрел, что там люди умные, грамотные... Постеснялся своей дремучести, – простодушно заметил Олег Лаврентьевич. – А вообще у меня мечта – хочу научиться писать, чтобы рассказать о своей семье. Как говорится, мечта есть, думаю, что сбудется...

В студию «Живое слово», по его словам, привела его Нина Григорьевна Увакина. На «первых шагах» было заниматься непросто, потому что у Олега Лаврентьевича, как он сам выразился, «память слабая». Но со временем он стал замечать, что она стала намного лучше, да и «косноязычие ушло».

Он с увлечением рассказывал мне, как у них проходят занятия в студии:

– Сначала нам предлагают произведение, потом набирается группа. На следующем этапе мы учим слова, а потом Людмила Адамовна с каждой группой работает отдельно. Дай Бог ей здоровья, всех благ она столько сил и времени отдаёт нам! Надеюсь, что ей тоже с нами приятно, студенты вроде как одно, а мы – третий возраст – это уже другие эмоции!

В этом году мы сделали сценку «Муха-цокотуха» и с ней выезжали в разные детские дома. Дети отблагодарили нас открыткой со словами: «Спасибо за всё, приходите ещё». Чувствовалось тепло и взаимность. А это значит, что не зря мы пытались «протоптать тропинку» к их душам. Разумеется, мы ещё и ещё будем приходить к ним и показывать свои творческие работы.

Кроме студии «Живое слово» Олег Лаврентьевич старается участвовать во всех новых образовательных проектах ВНС. Так он ходил в художественную студию, занимался танцами. В прошлом году стал ходить на курсы «Компьютер для начинающих». «Хочется, – откровенно говорит Олег Лаврентьевич, – чему-то и в этом плане научиться, чтобы потом передать внукам». Гастролировал вместе с другими слушателями из студии «Живое слово» по детским домам, общественным организациям, где они показывали свои постановки.

Постоянно участвует от ВНС в городском слёте волонтеров. Он рассказывает:

– В прошлом году мэр города Берников вручал нам грамоту за третье место, в этом мы заняли четвертое место. Кроме этого, участвуем в субботниках, экологических отрядах... Главное – есть желание участвовать, была бы возможность!

Самым же главным своим достижением считает следующее:

Народное обозрение

– Друзей теперь у меня и у школы в целом много. Мы ходим вместе в лес, по грибы, по ягоду. При общении с другими людьми рассказываем про ВНС, некоторые нам даже завидуют, кто-то вступает в наши ряды. Да! Глядя на работу ВНС, я говорю, что девиз нашей школы: «Спешите творить добро». Если есть возможность кому-то помочь, то стараемся помочь. Мне кажется, что, глядя на нас, другие тоже будут стремиться помогать ближнему...

А ещё у меня много фотографий есть, ведь мы часто снимаем наиболее интересные фрагменты нашей школьной жизни. Конечно, я их показываю друзьям, знакомым, выкладываю в Интернет. Мои земляки смотрят, интересуются...

Слушая Олега Лаврентьевича, я понимала, что он настоящий пропагандист непрерывного образования взрослых, которое так ярко воплотилось в ВНС. Нет ничего удивительного в том, что его увлечение полностью поддерживают его дети, которые после первых же его занятий в ВНС, увидев сияющее лицо отца, твёрдо сказали: «Ходи папа, мы «за»!

Р. С. Мечты должны сбываться! Тем более у таких активных и добросердечных слушателей школы. От имени литературного клуба «Родные берега», редакция альманаха заверяет наших читателей и Олега Лаврентьевича, что с ним будут заниматься по индивидуальной программе и он обязательно напишет какое-нибудь своё собственное литературное произведение.

ЛЮБИТЬ СЕБЯ

Шаманская Лариса Владимировна – грациозная, стильная, современная женщина, которая привлекает внимание любого человека. В Высшей народной школе это живой, цветущий цветок. И не только потому, что от неё веет шармом и женственностью. Хотя, согласитесь, это тоже очень

важно! Образ Ларисы Владимировны, её манера поведения, стиль одежды – свидетельствуют о том, что она волевой, организованный человек с индивидуальной жизненной позицией, которую уважают слушатели ВНШ, и потому – нет, не слушаются её! – а именно следуют за ней, понимая, что ей можно доверять.

Т.Лукияненко. Любить себя

Нельзя сказать, что в школе она появилась случайно. И вместе с тем Лариса Владимировна, зная о её существовании от своей соседки, которая уже «протоптала в школу свою тропинку», не сразу заинтересовалась этим видом образовательной деятельности. Пошла в школу только тогда, когда узнала, что там можно научиться вязать крючком, о чём уже давно мечтала. Но как только она «переступила порог школы» – бурная общественно-образовательная жизнь настолько увлекла женщину, что отныне она себя уже без ВНШ не представляет.

Лариса Владимировна неприменимый участник многих городских мероприятий, в которых так или иначе задействована школа. Особенно ей запомнились городской карнавал, субботник по очистке от мусора Кайской рощи, экскурсии в Ботанический сад, социальные акции протеста против закрытия Восточно-Сибирской государственной академии образования, проходившие в сквере Кирова и на стадионе «Труд», «Неделя неформального образования», «гастроли» со сказкой по детским домами и разным учреждениям города.

Особенно нравится заниматься художественным словом, танцами. Любит посещать лекции, особенно, посвящённые творчеству русских писателей. Но больше нравятся групповые занятия, потому что во время них преподаватель может уделить больше внимания каждому слушателю, а значит у взрослого школьника появится больше шансов раскрыть свой внутренний творческий потенциал. Например, Лариса Владимировна теперь дома вяжет для себя или для своих близких, декупажирует мебель или делает какие-то другие поделки, которые украшают быт.

Она признаётся:

– Я человек общественный. Хотя, конечно, как и любой другой, иногда люблю оставаться наедине с собой, чтобы подумать о дальнейшей жизни... У меня, наверное, скорее аналитический, философский склад ума. Во всяком случае, что бы со мной ни случилось, пытаюсь добраться до «истоков», до причин произошедшего. Всё какую-то истину ищу... Поэтому процесс познания вообще и, в частности, самопознания кажется мне вполне естественным и необходимым для каждого человека. В этом смысле Высшая народная школа в моей жизни много значит...

Сегодня многое значит и для школы, что у неё есть такая «ученица». Чего только стоит идея создания студии «Модный сундучок», которую она вместе со своими единомышленниками из числа слушателей и специалистами Ириной Пупко и Натальей

Самоловских начали претворять в жизнь в прошлом учебном году. Теперь это целое направление в общественно-образовательной жизни школы.

– Сначала думали назвать студию «Бабушкин сундучок». Потом нам больше понравилось предложение Ирины Пупко дать ей имя

Народное обозрение

«Модный сундучок». Это название пришлось нам по душе, и оно прижилось. А ещё в нашем «Модном сундучке» есть группа «Визаж», которая пытается представлять моду в виде концертных номеров. Планируем сделать к Восьмому Марта показ в стиле танго. Не знаю, что у нас получится, но такие у нас творческие планы...

Сегодня в «Модном сундучке» 20 новеньких занимаются. Я была у них на занятии и видела, какие они довольные и счастливые: женщине в любом возрасте хочется быть красивой и эффектной!

Кстати, когда мы планировали работу этой студии, мы думали, что у многих слушателей ВНШ в шкафах накопились хорошие вещи, которые они по разным причинам не носят. Идея была – продолжить их жизнь, дав им новое, современное «дыхание». Во-первых, что-то можно перешить. Во-вторых, мода «по кругу ходит», какие-то тенденции в ней неизбежно возвращаются...

Один из традиционных вопросов, которые мы обсуждаем со слушателями в ходе наших бесед: «Как занятия в ВНШ отражаются на их жизни?» Меня, конечно, заинтересовало, что нового в жизнь Ларисы Владимировны привнёс «Модный сундучок».

– Поскольку я один из организаторов и координатор «Модного сундучка», – размышляла Лариса Владимировна, – я не могу себе позволить прийти на любое занятие в школе «абы как» одетой. Например, на иных городских стилистов посмотришь и сразу вспоминаешь поговорку: «Сапожник без сапог». Я не хочу, чтобы люди, глядя на то, как я одеваюсь, могли подумать: «Чему она может научить нас, если сама не может одеться прилично!». А самое главное – мне это интересно! И не только в «Модном сундучке». Моё любимое занятие – творить!

Чем дольше длился наш разговор, тем больше я понимала, что передо мной яркая личность, для которой уметь красиво одеться – это не самоцель, а путь самопознания и преображения. «Преображение» – здесь ключевое слово. Неслучайно путь к «Модному сундучку» в судьбе Ларисы Владимировны шёл через курсы «Преображение за 21 день», которые вела стилист Наталья Самоловских. На этот эксперимент решилось тогда всего пять слушателей ВНШ. И они действительно преобразились. Это заметили все в школе. И, конечно, прежде всего, сами участники эксперимента. Лариса Владимировна вспоминает, что они кардинально поменялись, было интересно на себя смотреть в той одежде, которую раньше женщины, говоря их словами, «не особо носили». В конце курса руководители их «сразили наповал» тем, что показали снимки с первой «фотосессии», когда они

только пришли на занятия, и последней, когда они прошли через «преображение».

И всё-таки, отметила в нашем разговоре Лариса Владимировна: «Стиль – это круче, чем мода! Я не особо люблю быть модной...» – «Как!?» – удивилась я.

Т. Лукьяненко. Любить себя

– Мода – это нечто усреднённое. Мода как инкубатор. То есть, условно говоря, люди все ходят в одной одежде, и чем больше таких людей становится, тем более они превращаются в безликую массу... А в стиле двух похожих не найдёшь. Стиль – это способ выражения себя через одежду, через макияж... Найти себя в стиле или найти свой стиль достаточно сложно. Но, в принципе, я это делаю на протяжении всей жизни. Когда-то этому учила меня мама, не произнося вслух ни одного слова, похожего на «стиль». Как я теперь понимаю, она была от природы, по наитию стильной женщиной. И я это «наитие» подсознательно «считывала».

Теперь я понимаю, что у нас с ней разные цветотипы. У неё цветотип – «зима», поэтому для неё «черный» – это король цветов. У меня, скорее, «весна» или «лето». Поэтому одежда и цвета другие. Теперь я стала разбираться, для какого цветотипа какой подходит цвет и что можно с чем комбинировать. Поэтому стала осмысленно играть с цветом одежды. Я не боюсь что-то менять в цвете или одежде. Основу, конечно, оставляю, но что-то обязательно добавляю: не хочу быть «законсервированной» в одном стиле. Думаю, что, развивая стиль, всё равно что-то развиваешь в себе!

Разумеется, мы не смогли в нашем разговоре обойти современную молодёжную моду. Лариса Владимировна дала молодым девушкам несколько полезных советов:

– Что бы вы ни надевали, постарайтесь на себя взглянуть со стороны: то, что красит и делает привлекательной и пикантной одну девушку, может сделать отвратительной другую.

В качестве примера обратила внимание на современную моду носить джинсы ниже пояса.

– Не бойтесь аксессуаров! Само по себе наличие на вас крупных бус, яркой броши не означает безвкусицы! Безвкусица – это неумение сочетать аксессуары с вашей внешностью и одеждой. Но для того чтобы сделать их частью своего стиля, необходимо знать немного теории: для чего нужны аксессуары, что вы хотите выразить этим аксессуаром. Также надо уметь подобрать его к определённому типу одежды. Учитывать такие, на первый взгляд, незначительные мелочи: какие из них расположить ниже, а какие выше; какие предпочитаете по окрасу в «золото» или в «серебро».

– Не надо слепо идти за модой. Стремитесь больше экспериментировать. Свой стиль можно найти, только пройдя чрез череду удачных и неудачных проб. Только так можно научиться

общаться и жить со своей индивидуальной, неповторимой и поэтому прекрасной внешностью.

Интересно то, что, когда мы заговорили о перспективе образовательной деятельности «Модного сундучка», Лариса

Народное обозрение

Владимировна решительно отвергла мою идею «выхода этого образовательного опыта в город». Аргументы её были просты.

Во-первых, в городе однородный опыт уже есть – проект «Бабушка-гламур». Во-вторых, студия находится в стадии активного развития. Так, например, в прошлом году занятия проходили только два с половиной месяца. Сейчас решено не торопиться. Сделать образовательный курс с октября по апрель. Сначала дать основы ухода современной женщины за своей внешностью. Следующий этап – визаж. А во второй половине учебного года – стиль.

И, в-третьих, есть у всех, кто организует деятельность студии «Модный сундучок», мечта, которую Лариса Владимировна озвучила так:

– Так преобразить слушательниц нашей школы, чтобы они отличались в лучшую сторону от других иркутянок. И встречающиеся с ними в городе люди могли сказать: «Вот, сразу видно, идёт дама из ВШ!».

Любопытно, что сегодняшний образ Людмилы Владимировны трудно сочетается с образом её профессиональной деятельности, которой она занималась всю сознательную жизнь. На моём лице, наверное, было написано неподдельное удивление, когда я узнала, что она работала врачом в лечебно-трудовом профилактории, который занимался лечением людей, ранее судимых и страдающих алкогольной зависимостью. Потом была похожая трудовая деятельность в СИЗО. А заканчивала она свой трудовой путь в Управлении вневедомственной охраны, где работала старшим психологом. Узнав об этих фактах её трудовой биографии, я поняла, откуда в этой удивительной женщине такая духовная цельность и организованность. И ещё! – По сути она настоящий социальный педагог, который в силу своих профессиональных обязанностей многие годы занимался оказанием помощи людям, оказавшимся в трудной жизненной ситуации.

Красивой получилась «точка» в нашей беседе, в конце которой я попросила дать один, на её взгляд, полезный совет нашим читателям.

– Любите себя! Конечно, я понимаю, что совет этот достаточно банальный и может быть неправильно понят... Часто люди думают, что любить себя – это эгоизм. А на самом деле любить себя – это значит относиться к людям так же, как хочешь, чтобы относились к тебе. Не может человек, по-настоящему любящий, а значит принимающий себя со всеми своими дарованными природой, в том числе и внешними, достоинствами и

недостатками, не любить других людей! Равнодушное отношение к себе губительно. Оно неизбежно перерастает в равнодушие к другим людям. Нельзя убаюкивать своё сознание притчей: «Лишь бы дети, лишь бы внуки хорошо жили...». Они, в конечном счёте, будут учиться у тебя («считывать») отношению к себе, к другим людям, к жизни вообще...

Т. Лукьяненко. Любить себя

И внукам, я думаю, было бы гораздо приятнее, если бы с ними была молодая красивая бабушка, на которую все обращали бы внимание и даже не задумывались, что это его бабушка... По меньшей мере, думали бы, что это мама или знакомая.

Кроме того, если не будешь заботиться о себе – станешь обузой для близких. Например, если ты не будешь думать о своём здоровье, то и красоты не будет! Всё взаимосвязано! Так что – любите себя!

ДОБРЫЕ И ВНИМАТЕЛЬНЫЕ ГЛАЗА ШКОЛЫ

Без этого человека не проходит ни одно важное событие Высшей народной школы.

Он не администратор, не ведущий, не староста, не член Совета школы. Он всегда в гуще событий, но одновременно чуть поодаль, чтобы иметь возможность увидеть всех сразу и при необходимости каждого по отдельности. Он – добрые и внимательные глаза школы, которые запечатлевают безжалостно растаивающие во времени мгновения её бурной жизни. В

этих мгновениях, благодаря спокойной и одновременно пытливой наблюдательности этих глаз, хранятся люди и события. В них отражены минуты радости творчества, восторга общения друг с другом, с природой, со своим любимым городом и даже с другими странами, которые посещали слушатели Высшей народной школы.

Слушатели Высшей народной школы, которые посещают занятия не первый год, эту «загадку» разгадают легко. Конечно, речь идёт об фотохудожнике Дмитрие Викторовиче Шматкове, который один из

немногих ходит в школу «вместе» со своей очаровательной женой Ларисой Владимировной Шаманской. Вместе не означает под ручку

Народное обозрение

или неразрывно как иголка с ниткой. Две половинки этой супружеской пары ходят каждая «сама по себе», чаще встречаясь в школе на общешкольных мероприятиях, городских культурно-массовых праздниках или общественных акциях, в которых ВНШ принимает активное участие. Друзья Дмитрия Викторовича и Ларисы Владимировны шутят: «Мы подозреваем, учитывая бурную жизнь прекрасной половины этой семьи, что они ещё иногда встречаются в своём загородном доме, который находится в двух часах езды от Иркутска». Шутки шутками, а домашнее хозяйство, очевидно, полностью на плечах мужчины, и это вызывает ещё большее уважение к нему.

В беседе со мной Дмитрий Викторович признаётся, что он человек малообщительный. Возможно, это от того, что значительную часть своей жизни он «общается» с фотоаппаратом, который, как известно, по крайней мере, на первый взгляд, «собеседник» не очень общительный. Так это или иначе, но даже наш научный руководитель, член Совета директоров ВНШ⁸¹ до того, как прочитал интервью, не знал многих фактов из его творческой биографии. Например о том, что выставочная деятельность Дмитрия Викторовича началась с участия его фотографий в «фотовернисажах» сайтов «Яндекс фото» и «Фото.кто». В детском садике, в котором он работал некоторое время после возвращения в Иркутск, его фотовыставка проходила пять раз, и каждая по новой тематике: зима, осень, Иркутск, «Счастливое детство» и т. п. Были представлены четыре фотографии Дмитрия Викторовича в усадьбе Сухачёва, где проходила выставка, посвящённая Иркутску. Одна из его фотографий, которая называлась «Пёс»,⁸² на этой выставке заняла седьмое место. Следующая фотовыставка, в которой участвовал фотохудожник, проходила в Байкальской академии фотографии. Она была посвящена красотам нашей сибирской природы и Иркутска. На ней его фотография «Ангара в тумане»⁸³ заняла первое место. Последние выставки: в Иркутской областной филармонии и персональная в Педагогическом институте ИГУ.

⁸¹ Гордин А.И. – канд. пед. наук, доцент кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ, гл. ред. альманаха «Народное обозрение».

⁸² О фотографии «Пёс»: «Пёс - здание, деревянный дом с мезонином и там возле стеночки собака лежит, жюри сказала, что они долго искали на фото собачку, отметили оригинальность названия фотографии» (Д. В. Шматков).

⁸³ О фотографии «Ангара в тумане»: «...Ангара в тумане, где-то сквозь туман вдалеке проглядывается телевизор, рядом оранжевое солнце в виде свечи, проглядывают сквозь туман дома на Набережной» (Д. В. Шматков).

Именно благодаря Дмитрию Викторовичу появился ряд презентаций и слайд-фильмов, которые являются своеобразным творческим отчётом о деятельности ВНШ и активно используются школой для иллюстрации своей работы на различных городских, региональных, общероссийских и международных форумах.

Т. Лукьяненко. Добрые глаза школы

Фотохудожник продолжает заниматься не только в ВНШ, но и в Байкальской академии фотографии. На момент нашей встречи он перешёл на второй курс. Глядя на его творческие работы, некоторые слушатели ВНШ «загорелись желанием» также заняться фототворчеством и обратились к Дмитрию Викторовичу с просьбой поделиться своими знаниями и умениями. Он не отказал, хотя и не уверен, можно ли назвать его увлечение «настоящим творчеством».

– Я пока что не знаю, но всё возможно. Может быть, на следующий учебный год. Время покажет...

У Дмитрия Викторовича, на мой взгляд, интересная «трудовая биография». В 1978 году он закончил Московский геологоразведочный институт по специальности «инженер-геофизик». После института по распределению уехал работать в город Навои в Узбекистан, где десять лет работал на предприятии по добыче и обогащению урана. Потом переехал в Челябинск. Там четыре года работал в Южно-Уральском институте, а после ещё 12 лет на Челябинском электрометаллургическом комбинате. В 2004 году вернулся в Иркутск. По специальности устроиться не удалось, поэтому работал и экспедитором, и грузчиком, и диспетчером, и рабочим по благоустройству территории. А потом пришла пора «все прелести пенсии изведать». На заслуженный отдых он ушёл в 51 год, так как в металлургической промышленности им был в своё время заработан «вредный стаж».

Ещё одна примечательная черта его трудовой биографии. В молодом возрасте он был всегда настоящим комсомольцем, который активно участвовал в общественной жизни предприятий и городов, где протекала его жизнь: выпускал стенгазеты, рисовал плакаты, дружеские шаржи, участвовал в КВН, пел в хоре народной песни и т. п. Находилась для творчества место и в личной жизни. Например, когда семья переехала в Челябинск, он из подручных материалов проектировал, создавал и собирал мебель.

Слушая рассказ Дмитрия Викторовича о своей творческой молодости, я сразу вспомнила, как восторженно слушатели отзывались об одном из поздравлений слушательниц ВНШ в День Восьмого марта. Когда он вместе с Олегом Лаврентьевичем Емельяновым появился под музыку из балета П. И. Чайковского «Лебединое озеро» на импровизированной сцене в аудитории № 316 Педагогического института ИГУ в образе чёрного лебедя, аудитория на

протяжении всего их шуточного выступления буквально «стонала до слёз» от смеха.

Ключевым моментом нашей беседы стали размышления Дмитрия Викторовича об истоках своего творчества, о том, что значит в его жизни увлечение художественной фотографией.

– Наверное, всё начиналось ещё в раннем детстве, когда я познакомился с творчеством своих родителей. Мой отец был

Народное обозрение

главным архитектором Иркутска, а потом Иркутской области. Он и мама, которая рано ушла из жизни, занимались акварельной живописью. Отец даже устраивал персональную выставку в Иркутском художественном музее. Основной темой его художественных полотен была природа Сибири, в поездках по которой он делал зарисовки, которые позднее становились основой его работ. Позже я узнал, что у меня и бабушка по материнской линии немного рисовала, занималась фотографией и даже у себя на работе делала персональную фотовыставку. У дедушки тоже было развито художественное воображение: он занимался поделками из дерева. То есть находил в природной среде интересные «заготовки», из которых делал разные фигуры. У него было много таких фигурок в доме. Мама отца, моя бабушка, в творчестве «замечена не была», хотя работала учительницей... А вот его отец, мой дедушка, занимался резьбой по дереву и по камню. У нас в семье хранится сделанный им из мрамора мой детский портрет...

Раньше я к фотографии относился как к несерьезному виду искусства, даже не искусства, а как, просто как к способу отображения жизни. Но после долгого отсутствия в родном городе⁸⁴, возвратившись в Иркутск, стал часто «ходить осмысленно» по его улицам, и лицо «старого города» – его деревянные дома, ажурная резьба ставен и др. – для меня как бы открылось вновь...

Потом мне попала в руки книга-альбом Александра Князева о деревянном Иркутске. И мне тоже захотелось вложить свою лепту в увековечивание прекрасной деревянной архитектуры нашего города. Потому что на моих глазах деревянный Иркутск исчезал: дома горели, их сносили... Вместо них появлялись стеклянные, железобетонные «страшные» конструкции.

Я ходил, фотографировал эти какие-то по-особому «живые дома». И постепенно начал замечать не только их красоту, но и другие интересные мгновения жизни. Многие фотохудожники занимаются тем, что фотографируют людей. Я же в тот период относился к людям как к мешающему для моего увлечения фотографией фактору. Мне стали попадаться на глаза интересные вещи в сплетениях ветвей, деревьев, в их формах, изгибах...

⁸⁴ Д. В. Шматков 31 год не жил постоянно в Иркутске.

Потом перешёл на пейзажи. Именно когда я делал пейзажные фотозарисовки, ко мне пришло осознание того, насколько непростым делом является фотография. Во-первых, общение фотографа с природой должно быть постоянным, оно требует больших временных затрат.

Т. Лукьяненко. Добрые глаза школы

А времени катастрофически не хватает, потому что живу в своём доме, являюсь семейным человеком... Во-вторых, серьёзное занятие фотографией подразумевает постоянные и не менее серьёзные материальные затраты на приобретение объективов, фильтров и т. п. Российский пенсионер делать такие покупки часто позволить себе не может... В-третьих, необходимо знать технические возможности своей камеры...

Когда я в первый раз попал на Малое море⁸⁵ в зимнее время, там у меня было очень много впечатлений: покрытые льдом деревья, скалы, льдинки, которые под действием местных ветров приобретают разные интересные формы... В следующий приезд – тоже интересно было, потому что всегда в той же самой местности, но при других природных обстоятельствах что-то новое для себя открываешь... Обычно, к сожалению, приезжаешь ненадолго. Приходится фотографировать быстро, потому что стараешься как можно больше охватить своим взором...

Осмысливая сказанное Дмитрием Викторовичем, я поняла, что он говорил и о других похожих ситуациях. Например, о том, как он занимался фотосъёмкой, будучи проездом в Улан-Удэ, а также во время поездки в составе делегации от ВНШ в скандинавские страны: в Финляндию, Швецию, Норвегию, Данию и Эстонию. Получается, что из-за нехватки времени он в родном городе, на озере Байкал оказывается в положении туриста. Между тем творческий процесс, как известно, требует неспешного «вживания в натуру». Впрочем, возможно, я права...

Мне особенно нравится в общении со слушателями Высшей народной школы то, что от них я узнаю много новой информации. Вот и беседуя с Дмитрием Викторовичем, я узнала, что начинающий фотохудожник должен:

– Знать свою технику, что она может, как с ней справиться.

Иногда приходится, контрастность немного увеличить, баланс белого подогнать, цветность мешающую убрать.

Для каждого вида съёмки нужно свой режим устанавливать.

Соблюдать некоторые требования при фотосъёмке, например, не допускать движения фотокамеры при нажатии на спусковую кнопку.

⁸⁵ Малое море – мелководный пролив между западным побережьем озера Байкал и самым крупным островом Ольхон.

Следить за тем, что «происходит» в кадре. Что нужно, а что не нужно снимать. Что необходимо с помощью увеличения объектива фотокамеры сразу кадрировать.

Следить за тем, чтобы в кадр не попадало то, что не имеет отношения к идее и поэтому мешает, отвлекает внимание от основного объекта съёмки. Смотреть за тем, чтобы снимаемый предмет выделялся на фоне, не «взаимодействовал» с ним так, как

Народное обозрение

не надо. Допустим, если какой-нибудь неопытный фотограф снимает человека, а у него над головой висит бра в форме рогов, то мы получаем человека с рогами. Не рекомендуется фотографировать человека с вытянутыми руками в направлении фотоаппарата или согнутыми рука и ногами в направлении фотоаппарата. Иначе получатся на фото «обрубки» ног или рук. Словом, фотограф должен контролировать каждый миллиметр своего кадра. Это позволит снимать так, как это делал, например, Анри Картье-Брессон. Он утверждал, что снимал сразу. Т. е. видел в «глазок фотоаппарата», что должно попасть в кадр, а что не должно.

Фотографу необходимо знать, что существуют особые условия при съёмке чёрно-белой фотографии. В цветной фотографии можно за счёт игры цвета выиграть. В чёрно-белой фотографии этот «фокус» не пройдет. В ней большое значение имеет освещённость объекта съёмки, ракурс (угол зрения), которые позволяют увидеть по-особому его формы, линии... Чёрно-белая фотография – это особая разновидность фотоискусства...

Качественная фотография – это, прежде всего, та, которая: привлекает внимание, несёт в себе какое-то содержание, вызывает у человека определённые мысли, чувства, ассоциации... Иногда художник специально маскирует содержание своего произведения. Он как бы приглашает зрителя самостоятельно испытать радость открытия «зашифрованной» реальности.

Начинающему фотографу нужно как можно больше фотографировать, тренироваться, искать интересное, пытаться увидеть что-то по-особенному, а «увиденное» обязательно снимать! А потом смотреть и анализировать, что получилось, а что не получилось! Если не получилось, пытаться переснять с другой позиции, с другого ракурса, в других условиях... Например, снимал днём, попробовать вечером, утром.

И, конечно, учиться у мастеров!

У Дмитрия Викторовича вызвал «заслуженную» улыбку мой наивный вопрос о том, «бывали ли у него экстремальные условия во время съёмки?» Но, как ни странно, ответ на него помог мне понять особенность манеры его «фотоохоты».

– Единственное «экстремальное условие» – это случай, когда я на морозе пытался поймать завихрение снега. Увидел сугробик,

напоминающий барханчик, заметил, что когда ветер дует, то там образуются завихрения... А это был февраль – тридцать градусов мороза. И вот стоял, ждал, когда же ветер подует – руки заковенели, как деревянные стали...

Или допустим, гуляя по Ангаре, заметил в одном месте интересный изгиб такой у льда: когда об него волны плещутся,

Т. Лукьяненко. Добрые глаза школы

очень красиво капли разлетаются в разные стороны... Тоже около получаса стоял на морозе – «ловил кадр».

Иногда приходится в разные небезопасные места залезать. Например, в Аршане пытался поток снять, повиснув над пропастью, зацепившись за ствол дерева... Ну, а так не доходил пока до глобальных экстремальных условий: с медведями не встречался, с волками тоже, хотя в Хакусах нашёл недалеко от лагеря следы медвежьи. Ну, а так чтобы «вживую» – нет!

Нетрудно заметить, что в «экстремальных условиях» Дмитрия Викторовича царит «господин случай». Но случай, который вызван к жизни самим фотохудожником, его стремлением увидеть и удивиться тому, что мы в суете своей жизни по разным обстоятельствам не замечаем.

– Года два назад гулял по бульвару, – вспоминает Дмитрий Викторович, – недалеко от университета стоял дом на снос... Уже без окон, без дверей, его обнесли забором... Я думаю: «Дай-ка загляну – вдруг там что-то интересное есть!» Зашёл. Буквально возле забора стоит рама с холстом. Смотрю, на картине написано И. Конев (художник такой иркутский был), а у нас в классе училась дочь Конева, я принёс эту картину домой, звоню ей, спрашиваю, какое у неё отчество... Рассказываю о своей находке. Она удивилась и говорит, что у отца сегодня день рождения, и она ждала, что этот день как-то отметится!

У каждой фотографии, которая отбирается⁸⁶ Дмитрием Викторовичем на выставку, есть своя особая история. Например, такова история «рождения на свет» фотографии «Достать звезду». Как-то ранним июньским утром, когда у нас в Сибири бывает ещё достаточно зябко, фотохудожник вышел на улицу – и интуиция ему подсказала прилечь на землю. Эта странная «девушка» обещала ему показать что-нибудь интересное. И показала! – Начинаящую «оттаивать» букашку, которая ползла вверх по листу к капельке росы, так похожей в лучах утреннего солнца на звезду...

Несколько иная была история рождения фотографий, сделанных по мотивам «природных рисунков» на камне, которые фотохудожник

⁸⁶ Авторский отбор фотографий на выставку, стихов в сборник, рассказов в книжку, статей в газету или альманах и т.п. – всегда своеобразный конкурс. Автор или редактор на этом конкурсе, как правило, – единоличное жюри. А побеждают те произведения, которые на момент прохождения конкурса воспринимаются по тем или иным причинам «жюри» как лучшие (прим. – гл. редактора.).

сделал в Аршане. Хотя, думаю, и здесь без интуиции не обошлось... Лики будущих героев при определённом освещении и, возможно, при особом настроении фотохудожника как бы проявлялись (появлялись, проступали!) на поверхности камней. Например, Дмитрий Викторович на одном из камней увидел мужчину, на грудь которому склонилась женщина. Так появился на свет снимок «Прощание славянки».

Народное обозрение

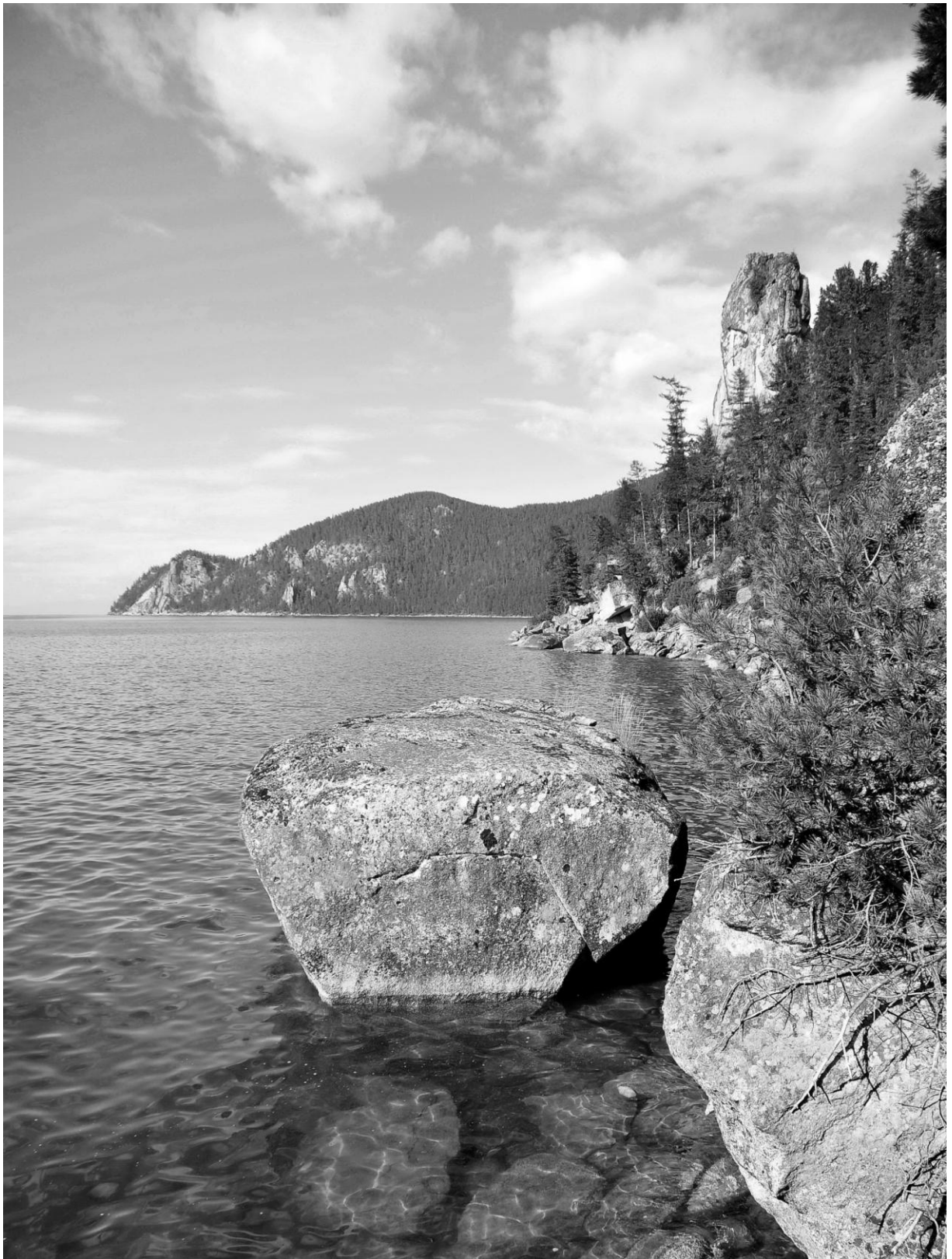
Наблюдательность фотохудожника позволяет ему увидеть и во многих других обычных предметах, явлениях природы что-то отличительное и потаённое. Он рассказывал, что ему часто видятся в причудливых изгибах деревьев различные фигуры. То он в хитросплетениях веток заметит длинноногую красавицу, то моряка в клешах, сошедшего на берег и стоящего вразвалочку... Есть у него даже целый цикл фотографий, в которых «рисунками ветвей» отображён почти весь алфавит...

Как нам всем недостаёт такой удивительной способности создавать, творить чудо из обыкновенного, а чудо превращать в обыкновенное. Потом повторять всё сначала. И так делать много-много раз. Бесконечно! Пока бьётся сердце и сохраняется способность вдыхать и выдыхать из себя этот мир. Мне кажется, что этот процесс должен длиться в нас на протяжении всей нашей жизни.

И тогда сбудется пожелание Дмитрия Викторовича, которое он высказал нам всем в конце бесед:

– Даже в наше очень нелёгкое время видеть в окружающем мире больше позитивного, больше интересного! Больше красоты видеть! Даже в самой тяжёлой ситуации пытаться разглядеть положительные моменты!

ФОТОВЕРНИСАЖ
ДМИТРИЯ ШМАТКОВА

«Вдали от суеты...»

«Вы разрешите с Вами познакомиться...»

«Весёлые девчата»

«Размолвка»

«Покачайка»

«К нам не подходи...»

«Над бездной»

«Весенний рассвет»

«Обыкновенное чудо...»

«Провожающая солнце»

«Осень»

«Алмазные подвески»

«Иркутские кружева»

«Иркутские окна»

«По спирали...»

«Параллельные миры»

«Такая работа...»

«По ком звонит колокол...»

«Белый в белом...»

«Зеркало озера»

«Достать звезду»

«Да будет свет!»

«Ледокол»

«Не потеряй веру в тумане...»

«Связующее звено»

«Утро на Иркуте»

«Корабли уходят на Восток...»

«На льду родилась ёлочка»

«Над байкальскими водами»

Приложения

Приложение №1

	ГЛАГОЛИЦА			КИРИЛИЦА		
	Числовое значение	Буква и ее звуковое значение	Имя буквы в старославянском	Числовое значение	Буква	Имя буквы в русском алфавите
1	1	Ⲑ [а]	азъ	1	А	азъ
2	2	Ⲑ [б]	буки	—	Б	буки
3	3	Ⲑ [в]	вѣди	2	В	вѣди
4	4	Ⲑ [г]	глаголи	3	Г	глаголь
5	5	Ⲑ [д]	добро	4	Д	добро
6	6	Ⲑ [е]	ксть	5	Е	есть
7	7	Ⲑ [ж]	живѣте	—	Ж	живѣте
8	8	Ⲑ [з]	зѣло	6	З	зѣло
9	9	Ⲑ [з]	земля	7	З	земля
10	10	Ⲑ [и]	иже	8	И	иже
11	20	Ⲑ [и]	ижеи	10	І	і(и)
12	30	Ⲑ [г']	(г'ервь)	—	—	—
13	40	Ⲑ [к]	како	20	К	како
14	50	Ⲑ [л]	людиѣ	30	Л	люди
15	60	Ⲑ [м]	мыслите	40	М	мыслѣте
16	70	Ⲑ [н]	нашь	50	Н	нашь
17	80	Ⲑ [о]	онъ	70	О	онъ
18	90	Ⲑ [п]	покои	80	П	покой
19	100	Ⲑ [р]	ръци	100	Р	ръцы

	ГЛАГОЛИЦА			КИРИЛИЦА		
	Числовое значение	Буква и ее звуковое значение	Имя буквы в старославянском	Числовое значение	Буква	Имя буквы в русском алфавите
20	200	Ɑ [с]	слово	200	С	слово
21	300	Ɱ [т]	тврѣдо	300	Т	тврѣдо
22	400	Ɐ [ѣ]	оукъ	(400)	ОУ Ѡ	укъ
23	500	Ɒ [ф]	фрѣть	500	Ф	фѣрть
24	600	ⱱ [х]	хѣръ	600	Х	хѣръ
25	700	Ⱳ [о]	отъ (омега)	800	Ω ⱳ	отъ (омега)
26	800	ⱳ [ѣт]	шта	900	Ч	цы
27	900	ⱴ [ц]	ци	90	У	червь
28	1000	Ⱶ [ш]	чрѣвь		Ш	ша
29		ⱶ [ш]	ша		Щ	ща
30		ⱷ [к]	крѣ		Ъ	ерь
31		ⱸ [к]	кры		Ы	еры
32		ⱹ [к]	крѣ		Ь	ерь
33		ⱺ [ѣ]	ѣть		Ѣ	ять
34		ⱻ [ѣ]			Ю	ю
35		(ⱼ) [ѣ]			Я	я
36		—	—		Є	е
37		ⱽ [ѣ]	юсь малый	(900)	А	юсь малый
38		Ȿ [ѣ]	(ю.м. йотир)		Ѧ	(ю.м. йотир)
39		Ɀ [ѣ]	юсь большой		Ѧ	юсь большой
40		Ɀ [ѣ]	(ю.б. йотир)		Ѧ	(ю.б. йотир)
41		—	—	60	Ѧ	кси
42		—	—	700	Ѧ	пси
43		Ɀ [ѣ]	ѣта	9	Ѧ	ѣта
44		Ɀ [ѣ],[ѣ]	ижица	400	У	ижица

1	1	†	a	азъ	19	100	б	г	ръци
2	2	Ɱ	b	букы	20	200	Ɱ	s	слово
3	3	Ɱ	v	вѣди	21	300	Ɱ	t	тврѣдо
4	4	Ɱ	g	глаголи	22	400	Ɱ	ü ₂	ижица
5	5	Ɱ	d	добро	23	500	Ɱ	f	фрътъ
6	6	Ɱ	e	късть	24	600	Ɱ	x ₂	хѣръ (?)
7	7	Ɱ	ž	живѣте	25	700	Ɱ	o ₂	отъ
8	8	Ɱ	z	сѣло	26	800	Ɱ	γ	
9	9	Ɱ	z	земля	27	900	Ɱ	c	ци
10	10	Ɱ	i ₁	иже	28	1000	Ɱ	č	чръвъ
11	20	Ɱ	i ₂	ижеи	29	2000	Ɱ	š	ша
12	30	Ɱ	h	(г'ервь)	30	3000	Ɱ	ь	къръ
13	40	Ɱ	k	како	31	4000	Ɱ	ъ	къръ
14	50	Ɱ	l	людик	32	5000	Ɱ	ä	гать
15	60	Ɱ	m	мыслите	33	6000	Ɱ	x ₁	хѣръ (?)
16	70	Ɱ	n	нашь	34	7000	Ɱ	ö	
17	80	Ɱ	o ₁	онъ	35	8000	Ɱ	ü ₁	
18	90	Ɱ	p	покои	36	9000	Ɱ	E	

Краткие сведения об авторах

Байбородин Анатолий (Байбородин Анатолий Григорьевич) – член Союза писателей России, автор 11 художественных и художественно-публицистических книг, среди них: «Диво. Сибирские байки, сказы, рассказы» (2001), «Утоли мои печали. Романы, повести, рассказы» (2006), «Не родит сокола сова. Роман, повесть» (2011), «Озёрное чудо» (2013) и др. Его произведения публиковались в Германии, Франции, Чехословакии.

Лауреат Всероссийских престижных литературных конкурсов и специальных премий за вклад в развитие и сохранение русской культуры: «Литературная Россия» (1979), «Традиция» (1995), «Отчий дом» имени братьев Киреевских» (1999), литературного конкурса имени Василия Шукшина (1999), «Большой литературной премии России» (2007), Третьего международного конкурса детской и юношеской литературы имени Алексея Толстого (2009); областных – имени святителя Иннокентия Иркутского (1997), губернатора Иркутской области (2002, 2011, 2012).

В последние десятилетия возглавлял издательство «Иркутский писатель», работал главным редактором альманаха народов Восточной Сибири «Созвездие дружбы». Ныне – исполнительный редактор журнала «Иркутский Кремль».

Бояренцева Алёна (Бояренцева Алёна Викторовна) – студентка 4 курса Педагогического института ИГУ.

Волчук Анатолий (Волчук Анатолий Викторович) – слушатель ВНШ, автор сборника стихов «Судьбы крутые повороты» (2016).

Гордина Ольга (Гордина Ольга Васильевна) – кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ, член-корреспондент Международной академии наук педагогического образования, автор 98-ми научных публикаций, среди них 7 монографий и 7 научно-методических пособий. Идейный вдохновитель и создатель Высшей народной школы (ВНШ) в г. Иркутске при ИГУ, член Совета директоров ВНШ.

Гордин Александр (Гордин Александр Иннокентьевич) – кандидат педагогических наук, доцент, преподаватель кафедры социальной педагогики и психологии Педагогического института ИГУ и кафедры журналистики и медиаменеджмента факультета филологии и журналистики ИГУ, член Союза журналистов России, автор более 60 научных публикаций, в том числе 7 монографий и 7 учебно-методических пособий.

Автор пяти сборников стихов «Скрипка дерева» (2007), «Ночной приют странников» (2007), «Язык шершавый сумрака» (2009), «Голос ослепшей птицы» (2011), «Предчувствие» (2015), брошюры «Восхождение (2005) о творчестве Марины Цветаевой; сборника рассказов, баек, афоризмов и стихов «Сибирский валенок» (2013); а также нескольких сотен научно-популярных литературоведческих эссе, художественно-публицистических статей на разные темы, опубликованных в различных газетах и журналах Иркутской области в период с 1985 по 2016 годы. Издатель сибирской литературной народной газеты «Александровский Централ» (2000-2003 гг.). Главный редактор общественно-литературной газеты «Народное обозрение» (2007-2012 гг.). Главный редактор

художественно-публицистического альманаха «Родные берега» (2014 г.), научно-популярного и художественно-публицистического альманаха «Народное обозрение» (2014, 2015, 2016 гг.).

Лауреат премии общественно фонда «Творческая интеллигенция – школе» XVI Всероссийских педагогически чтений, посвящённых 100-летию М. И. Цветаевой (г. Москва, 1993 г.). Руководитель литературного клуба ВНШ. Член совета директоров ВНШ.

День Суан Чьонг – гражданин Вьетнама, который проживал на территории Сибири семь лет. Получил в Иркутске высшее образование в ИРНТУ. Защитил магистерскую диссертацию на факультете филологии и журналистики Иркутского государственного университета. В данный момент проживает и работает во Вьетнаме.

Захарян Сергей (Захарян Сергей Амбарцумович) – кандидат филологических наук, известен в Иркутске и далеко за его пределами как театральный критик и преподаватель зарубежной литературы в иркутских вузах, а также в Высшей народной школе г. Иркутска, в которой ведёт программу «Пойдём в театр».

Зими́на Лариса (Язынина Лариса Александровна) – слушатель Высшей народной школы, автор книги «Попробуй отгадай» (загадки для ребят), стихов для детей и взрослых, опубликованных в различных интернет-изданиях, награждена дипломами и грамотами Международного конкурса-фестиваля «Новые сказки современного мира», за вклад в развитие гражданского общества г. Иркутска в номинации «Социальная звезда» (2013 г.), за публикацию в интернет-журнале «Мавочки и Дельчики», лауреат литературного конкурса «Золотой листопад» имени Ю. Е. Черных в номинации «В шутку и всерьёз», г. Иркутск (2008 г.), соискатель национальной литературной премии сайта «ПРОЗА.РУ» (2012 г.).

Темников Иннокентий (Темников Иннокентий Львович) – учитель высшей категории, служащий МЧС России, проживает в г. Слюдянке Иркутской области.

Кобенков Анатолий – (Кобенков Анатолий Иванович, 9.03.1948 – 5.09.2006) – поэт, автор двенадцати поэтических книг: «Весна» (1966 г.), «Улицы» (1968 г.), «Вечера» (1974 г.), «Два года» (1978), «Я однажды лежал на зелёной траве» (1981 г.), «Послание друзьям» (1986 г.), «По краям печали и земли» (1989 г.), «Подробности» (1990 г.), «Круг: Книга стихотворений в семи частях» (1997 г.), «Осень: ласточка напела» (2000 г.), «Строка, уставшая от странствий...» (2003 г.), «Однажды досказать: Последние стихотворения» (2008 г.) Автор сборника литературных эссе, посвящённых творчеству поэтов Сибири. Переводил еврейских, латышских и польских поэтов. Печатался в журналах и альманахах: «Новый мир», «Знамя», «Октябрь», «Континент» и других. Переведён на английский, немецкий, французский, испанский, польский, чешский и другие языки. Лауреат премии Иркутского комсомола им. Иосифа Уткина. В 2007 вышла аудиокнига «Стихи Анатолия Кобенкова» с авторским чтением. Член ПЕН-клуба (Русский ПЕН-центр). Редактор газеты «Зелёная лампа». Основатель Международного фестиваля поэзии на Байкале, который теперь носит его имя.

Кузекевич Владимир (Кузекевич Владимир Робертович) – кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой физкультурно-спортивных и медико-биологических дисциплин Педагогического института ИГУ. Почётный работник и отличник образования, отличник физической культуры РФ. Автор более 60-ти научных публикаций, в т.ч. 10 учебно-методических пособий.

Лукияненко Татьяна (Лукияненко Татьяна Анатольевна) – студентка 4 курса Педагогического института ИГУ.

Шматков Дмитрий (Шматков Дмитрий Викторович) - фотохудожник, слушатель ВНШ.

**Научно-популярный
Художественно-публицистический альманах
НАРОДНОЕ ОБОЗРЕНИЕ**

**Рисунки – Юрий Скорняков, Александр Гордин.
Скульптура в металле – Н.А. Силис.
Фотографии: Ярослав Князев,
Александра Бендер, Дмитрий Шматков, Сергей Захарян и др.
Компьютерная вёрстка – Александр Гордин.**

**Подписано в печать 18.01.2017. Формат 72X104 1/16
Бумага мелованная 90 г/м. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 12,67. Тираж 100. Заказ №28.**

**Изготовлено в ООО Типография «Иркут»,
г. Иркутск, ул. Новаторов, 3, тел.:48-17-53,
ул.Франк-Каменецкого, 24, офис 204, тел.: 203-523**

